

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ № 3(58) 2014

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Учредитель издания:
Омская академия МВД России

Главный редактор

А. Ф. Караваев (Омск)

Редакционный совет

В. Г. Асеев (Иркутск)

В. И. Барко (Харьков)

Б. Б. Булатов (Омск)

Б. А. Вяткин (Пермь)

В. А. Губин (Санкт-Петербург)

А. Т. Иваницкий
(Санкт-Петербург)

А. Г. Караяне (Москва)

В. Л. Кубышко (Москва)

Т. Н. Кильмашкина (Москва)

В. М. Крук (Москва)

И. Б. Лебедев (Москва)

А. Г. Маклаков
(Санкт-Петербург)

В. И. Постоев (Москва)

В. М. Поздняков (Москва)

Ю. Ф. Подлипяк (Москва)

А. А. Реан (Москва)

В. Ю. Рыбников
(Санкт-Петербург)

А. Н. Сухов (Рязань)

Редакционная коллегия

А. И. Адаев (Москва)

Л. Н. Антилогова (Омск)

Н. В. Астафьев (Тюмень)

Г. Д. Бабушкин (Омск) —
зам. гл. редактора

В. В. Векленко (Омск)

И. А. Вишняков (Омск)

М. П. Клейменов (Омск)

И. О. Котенев (Москва)

В. Б. Куликов (Екатеринбург)

М. И. Марьин (Москва) —
зам. гл. редактора

Н. И. Мягих (Москва)

А. А. Нечепуренко (Омск)

В. Е. Петров (Москва)

Г. Ч. Синченко (Омск)

И. Н. Сорокотягин (Екатеринбург)

П. Т. Тюрин (Рига)

В. И. Филиппенко (Омск)

В. Л. Цветков (Москва) —
зам. гл. редактора

Д. В. Четвериков (Омск)

Г. С. Човдырова (Москва)

Ю. А. Шаранов (Санкт-Петербург)

А. С. Шаров (Омск)

Е. П. Щербаков (Омск) —
отв. секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Голубихина Ю. Ю., Гончарова Н. А. Надежность профессиональной деятельности водителей экстремального профиля 3

Тамбовцев А. И. Особенности миссий ООН в странах Африки сквозь призму подготовки миротворцев 6

Ким Н. П. Профессиональная подготовка сотрудников УИС к работе с осужденными несовершеннолетними 10

Якимчук Б. В. Обман как тактическое средство при производстве следственных (розыскных) действий с участием иностранцев 12

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Евтихов О. В., Адольф В. А. Организационная культура как компонент образовательной среды вуза правоохранительных органов 15

Жданова И. В., Ластовец И. В. Особенности личностного развития курсантов МВД и психологические условия его гармонизации 20

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Солоницын Д. А., Маврин С. А. О проблеме развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы 22

Кузнецов А. А., Кузнецова Л. Б. Социально-психологические условия развития социальной активности курсантов в процессе профессионального обучения 25

Солдатов И. Ф. Психологическое обеспечение работы с сотрудниками и курсантами, нуждающимися в повышенном психолого-педагогическом внимании 28

Борейко Л. И., Караваев А. Ф. Концептуальные основы модели профессиональной готовности выпускников к производственной деятельности 30

Редакторы	А. В. Виноградов
Корректор	Л. И. Замулло
Компьютерная верстка	Ю. Н. Сергеевой

Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати:
Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7,
ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-04-96, факс: 750-560
e-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС77-36632.

Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.

Выход в свет: 29.09.2014. Тираж 400 экз.

Уч.-изд. л. 12,6. Усл. печ. л. 12,1. Заказ № 619.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2014

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

- Кишеньков Д. Г.** Криминологические особенности личности студентов, совершающих преступления . . . 32
- Логинов Е. А.** Причины преступного поведения условно осужденных 35

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ, ПРАВОВОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

- Губин В. А., Егоров Д. А.** Личный пример офицера как педагогическое условие воспитания военнослужащих-контрактников частей внутренних войск МВД России 38
- Шадрин А. А.** Межличностные взаимоотношения как фактор субъективного благополучия курсантов в процессе военно-профессиональной социализации 41
- Агеева А. В.** Социальная политика российской федерации в отношении семьи как одна из функций государства 44

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

- Колесникова Н. Е., Шипилов А. И.** Актуальные проблемы ресоциализации осужденных молодежного возраста, отбывающих наказание в виде лишения свободы 47
- Штейн Н. Г.** Вклад духовно-ориентированного подхода в ресоциализацию аддиктивного несовершеннолетнего 50
- Коноплицкая О. В.** Особенности эмоционального отношения работников ОВД к несовершеннолетним правонарушителям 52
- Лемиш В. В.** Представления девушек и юношей о пожилых и старых людях 55
- Кравцова Л. В., Дергилева О. С.** Психологическая наркопрофилактика сотрудников 59
- Попова В. В.** Совладание со стрессом в период подготовки к соревнованиям 61

- Караваяев Ф. Ф.** Психологическое здоровье и здоровьесберегающие технологии в образовании . . 64

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Баева Е. В.** Историко-педагогический анализ развития риторики в России 71
- Варлакова Т. В.** Педагогические и психологические аспекты преподавания русского языка как иностранного в Омской академии МВД России 75

ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

- Соловьева А. В.** Роль диагностики исходных личностных потенциалов в формировании позитивного имиджа сотрудников органов внутренних дел 78
- Кибак И. А.** Социопсихологическое обеспечение законотворчества 81
- Данилова С. В.** Психологические составляющие процесса оценивания чрезвычайных ситуаций горноспасателями 85

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

- Човдырова Г. С., Осипова М. И., Клименко Т. С.** Психологические свойства, препятствующие эмоциональному выгоранию личности как синдрому развития хронического стресса 88
- Вахнина В. В.** Психологические особенности кризисных ситуаций переговорной деятельности сотрудников ОВД в рамках системно-ситуативного подхода 90
- Смоленский Д. В.** Использование поведенческих реакций психолога для выявления предпосылок к девиантному поведению осужденных 94
- Сведения об авторах** 98
- Аннотации статей и ключевые слова на английском языке** 100
- Информация для авторов и подписчиков.** 104

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

УДК 159.91, 159.937, 159.94

НАДЕЖНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Ю. Ю. Голубихина, Н. А. Гончарова

В статье обсуждаются проблемы надежности профессиональной деятельности водителей-сотрудников полиции. Рассматриваются результаты анализа показателей подвижности и силы нервной системы, качеств внимания и иных особенностей водителей ГИБДД ДПС.

Ключевые слова: надежность профессиональной деятельности, ошибка и отказ, подвижность и сила нервной системы, корреляции, эксплуатационные показатели.

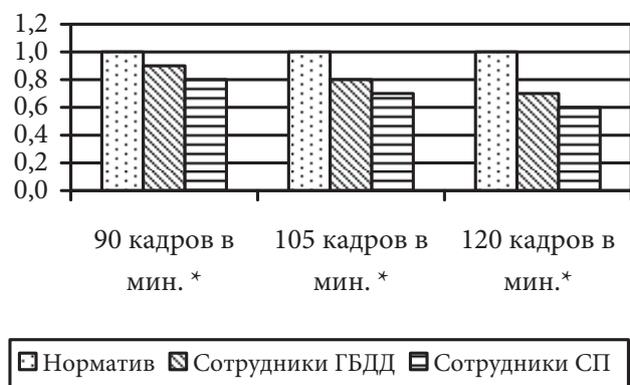
Надежность профессиональной деятельности в современных условиях является одним из главных требований, предъявляемых к субъекту труда. В запросах к надежности сконцентрированы условия качества функциональной устойчивости профессионала, предполагающей наличие способностей обеспечивать динамическую активность в выполнении профессиональных обязанностей и адекватный деятельности уровень развития значимых функций и механизмов регуляции¹.

Для выполнения обширных и ответственных функциональных обязанностей в деятельности, сопряженной с экстремальными дорожными ситуациями, субъект деятельности должен обладать совокупностью психодинамических характеристик, обеспечивающих быстрые и правильные реакции, хорошую координацию и согласованность действий, совершаемых одновременно, моторную ловкость и скорость, высокую пропускную способность зрительного анализатора, что особенно необходимо в опасных ситуациях. Это характеристики своего рода «профессиональной психики», которая, по мнению Ю. А. Шаранова, призвана обеспечить непрерывную и качественную реконструктивную активность психофизиологических систем². Поэтому исследование надежности деятельности сотрудников ГИБДД ДПС, как водителей экстремального профиля, является актуальной задачей, направленной на предупреждение ошибочных и непрофессиональных действий, приводящих к тяжким последствиям.

В нашем исследовании надежности профессиональной деятельности в качестве объекта изучения выступили сотрудники Дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного дви-

жения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выборка была представлена лицами экспериментальной группы сотрудников — водителей ГИБДД ДПС и контрольной группы — водителей скорой помощи (СП) Сочи и Санкт-Петербурга.

В исследовании анализировались особенности психофизиологических показателей с помощью программного комплекса, используемого в профотборе и тренировке значимых профессиональных качеств водителя «ПАКПФ-02». Психодиагностический комплекс в работе представлен методиками определения подвижности нервных процессов, силы нервной системы, пропускной способности зрительного анализатора (методика Ландольта), «Красно-черные таблицы», методикой определения временных интервалов. Испытуемым предлагался комплекс заданий, в процессе выполнения которых исследовались значения показателей подвижности нервных процессов, выраженных в устойчивости внимания. Анализу подвергались также значения количества ошибок, а именно — их величина, отражающая количество ошибок. Значимые различия между группами определились только при частоте подачи стимула 90, 105 и 120 кадров в минуту. При частоте подачи стимула от 30 до 75 кадров в минуту значимых различий между группами не выявлено. Значения показателей водителей-сотрудников ДПС ГИБДД находятся на уровне высоких, что свидетельствует об устойчивости внимания и низком уровне ошибочности действий. Также они достоверно реже (при $p \leq 0,001$) совершали ошибки при выполнении заданий. На рисунке 1 отражены параметры, по ко-

* значимость различий при $p \leq 0,001$

Рис. 1. Сравнение значений достоверных различий показателя устойчивости внимания

торым установлены достоверные различия между группами и произведено сравнение с нормативным показателем.

Стабильность коэффициента точности стереотипных движений в период смены частоты навязываемого ритма, особенно при приближении коэффициента загрузки работой к предельно допустимым значениям, равным 0,5–0,6, свидетельствует о высокой подвижности нервных процессов и высокой способности к перестройке навыков работы при внезапном изменении ситуации. Чем выше коэффициент загрузки, при котором сохраняется высокий коэффициент точности выполнения стереотипных двигательных операций, тем выше эффективность и надежность работы в экстремальных условиях, и наоборот.

При совершении стереотипных, однообразных движений в навязанном темпе, при усложнении условий, связанных с частотой ритма, показатели стабильности частоты совершения ошибок свидетельствуют о высоком уровне подвижности нервных процессов, выносливости, активной способности переносить неблагоприятные воздействия окружающей среды, в частности, при внезапном изменении обстановки. Данные результаты позволяют установить степень надежности деятельности водителей-сотрудников ДПС ГИБДД как высокую, что выражается в меньшем количестве ошибок и отказов и большей степени точности в совершении моторной деятельности, устойчивости внимания.

Полученные результаты можно отнести к качеству профессионального отбора, ориентированного на диагностику состояния здоровья. Как механизм профессионального отбора, он отсутствует у водителей скорой медицинской помощи. При этом их профессиональные нагрузки являются более монотонными, что может также негативно влиять на уровень устойчивости внимания.

Дальнейший анализ показателей свойств нервной системы позволил установить достоверно значимые различия между исследуемыми группами по параметрам «объем ошибок» и «затраченное время». На рисунке 2 приведены сравнения значимых различий между группами по параметру объема ошибок с нормативным показателем.

Количество ошибок значительно выше в группе сотрудников скорой помощи. При этом величина волевого усилия, которое они прилагают, также выше, чем в группе сотрудников ГИБДД. Коэффициенты вариации «60/10»

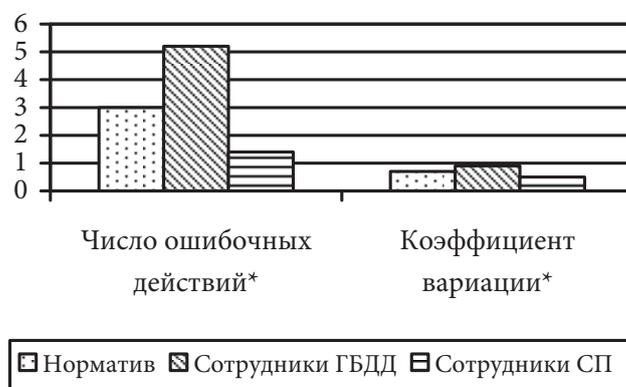
Рис. 2. Сравнение достоверных различий между группами по параметру объема ошибок

и «60/50», находящиеся у обеих групп в значениях, близких к единице, свидетельствуют о сильной нервной системе либо о нервной системе средней силы выраженности. Таким образом, нервная система сотрудников ГИБДД отличается более выраженными значениями выносливости, работоспособности.

В ходе исследования были изучены показатели пропускной способности зрительного анализатора при помощи методики Ландольта. Выявлены достоверно значимые различия между группами в значениях «коэффициент успешности реагирования», «время поиска» — уровень достоверной значимости различий при $p \leq 0,05$; «чистой производительности», «коэффициента точности реакций» — уровень достоверности $p \leq 0,01$. В значениях группы сотрудников ДПС обнаруживается большое количество пропущенных и ошибочно учтенных колец, что свидетельствует о ненадежности качества внимания. Устойчивость внимания падает с каждым новым предъявлением стимула. В группе водителей скорой медицинской помощи значения выше, и показатель устойчивости внимания свидетельствует о способности сохранять его активность на протяжении длительного времени. **Водители-сотрудники ДПС ГИБДД** склонны к работе в ущерб качеству, деятельность осуществляется «быстро, но нерезультативно».

Анализ результатов исследования качества внимания, в частности переключаемости, с помощью методики «Красно-черные таблицы» позволяет сделать вывод о том, что при необходимости совершения однотипных действий у **водителей-сотрудников ДПС ГИБДД** теряется способность комплексно воспринимать и анализировать ситуацию на дороге. Об этом свидетельствуют значения числа ошибочных действий, превышающие нормативные показатели в полтора раза (рис. 3).

В ходе выполнения заданий время принятия решения становится нестабильным, возрастает количество ошибок. Это является свидетельством включения механизма торможения нервно-мышечных процессов. По итогам тестирования водители скорой медицинской помощи показали более развитую профессиональную способность к ориентировке в сложной дорожной среде.

* значимость различий при $p \leq 0,001$

Рис. 3. Сравнение достоверных различий между группами по параметру переключаемости внимания

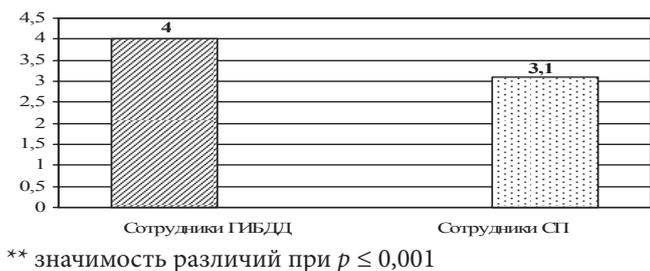

Рис. 4. Сравнение достоверных различий между группами по параметру «Уровень утомления»

В процессе исследования значений воспроизведения временных интервалов по обеим выборкам выявлены достоверно высокозначимые различия по параметру «уровень утомления» при вероятности ошибки $p \leq 0,001$. На рисунке 4 отражено положение более высоких значений показателя утомления в группе сотрудников ДПС.

Такие значения по данному параметру определяются более высоким уровнем психофизиологической активности, и это имеет большую степень выраженности. По результатам тестирования водители-сотрудники ДПС ГИБДД характеризуются повышенным уровнем тревожности, что проявляется в укорочении воспроизведения временного интервала относительно эталонного времени. Укорочение воспроизведенного временного интервала 15 секунд свидетельствует о возможности осторожного поведения при совершении маневров, например, при выезде на мигающий желтый цвет светофора («время проходит быстрее, можно не успеть совершить маневр»). При укорочении субъективно воспринимаемого промежутка времени, при подсчете 60 секунд, водитель увеличивает скорость движения своего транспортного средства в процессе поездки. Это дает возможность при управлении транспортным средством перейти на более стабильный и безопасный стиль управления, так как есть определенный временной резерв, и достичь пункта назначения в запланированное время. Укорочение временного интервала может быть обусловлено стрессогенностью профессиональной деятельности водителей-сотрудников ГИБДД: перехватами нарушителей, преследованиями-погонями.

При подсчете 60 секунд водители скорой медицинской помощи увеличивают индивидуальное время. Это обеспечивает более экстремальный стиль вождения и скоростной режим при планировании поездки, что обусловлено субъективным восприятием короткого промежутка времени как более длительного. Менее длительные промежутки времени (15 и 30 секунд) воспроизводятся ими приблизительно к эталонному времени. Респонденты интерпретировали данную информацию как способность, приобретенную в процессе работы, развитый профессиональный навык, связанный с постоянной тренировкой оперативного маневрирования в условиях высоких психоэмоциональных и физических нагрузок. Водители с праворукостью (доминированием левого полушария) и леворукостью (доминированием правого по-

лушария) имеют достоверные различия по полученным психофизиологическим показателям. Результаты исследований показали, что водители с доминированием левого полушария (праворукостью) показывают более медленную реакцию, но более точно выполняют задания, чем респонденты с выраженной леворукостью.

Количественные значения показателей, полученные в ходе исследования психофизиологических характеристик личности сотрудников ГИБДД, были подвержены корреляционному анализу. Выявлены статистически достоверные корреляции (при $p \leq 0,05$) между числовыми выражениями психофизиологических показателей свойств нервной системы и значений экспертной оценки, что дает возможность прогностического предсказания количественных изменений значений актуального для коррекции признака на основе знаний величины другого. Так, установлены прямые положительные связи значений подвижности нервных процессов со значениями коэффициента утомляемости.

Интерес представляют корреляции значений признака «профессионализм» со значениями признака «объем ошибок», полученного по тесту определения силы нервной системы. Корреляции достоверно значимы и положительны по знаку ($r = 0,34$). Эти корреляции весьма противоречивы в силу того, что не позволяют с достоверностью определить возможность развития и коррекции исследуемого качества. Однако как психодинамическая характеристика личности сила и подвижность нервной системы не могут быть изменены прямыми методами воздействия и, по всей вероятности, требуют опосредованного развития и компенсации за счет других психофизиологических и личностных параметров. Установлены достоверные корреляции значений того же признака «объем ошибок» со значениями признака «аккуратность вождения». Корреляции отрицательные, средней силы связи, что позволяет разработать необходимые коррекционные мероприятия, направленные на повышение степени надежности водителей.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что поддержание параметров надежности деятельности водителей экстремального профиля базируется на основных свойствах нервной системы, обеспечивая «оперативную надежность», что, по мнению В. Д. Небылицына, выражается в способности к устойчивому сохранению оптимальных рабочих параметров и является основным формирующим компонентом надежности.

Анализ значений психофизиологических показателей водителей экстремального профиля показал, что надежность обеспечивается совокупностью показателей, системно включенных в деятельность в виде интегральных звеньев, которые контролируют и регулируют психодинамические и личностные реакции. Наиболее значимым интегральным звеном являются показатели значений силы и подвижности нервных процессов. Обе группы респондентов в нашем исследовании обладают сильной нервной системой и нервной системой средней степени выраженности, что позволяет констатировать наличие общей потенциальной психодинамической надежности.

Глубокий анализ показывает, что данная группа респондентов сотрудников ГИБДД в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций будет более надежной в силу обладания выраженными адаптивными функциями. Проявляются такие качества в стабильности психических процессов и выраженном точном и оперативном реагировании на возникшую экстремальную ситуацию.

Исследование силы нервных процессов позволило установить, что качества внимания сотрудников ДПС ГИБДД наиболее близки к нормативным показателям, для них характерны высокая точность в совершении моторной деятельности и достоверно более выраженная устойчивость внимания. Это позволяет определить их степень надежности в деятельности как высокую. Соответственно в экстремальных условиях это будет выражаться в меньшем количестве ошибок и отказов.

Подвижность нервных процессов водителей ГИБДД определенным образом отражается на значениях переключаемости внимания, что проявляется в ситуациях совершения однотипных действий. В данных условиях у водителей-сотрудников ДПС ГИБДД теряется способность комплексно воспринимать и анализировать ситуацию на дороге, что приводит к увеличению числа ошибочных действий и нарастанию состояний утомления. Исследование значений воспроизведения временных интервалов также подтверждает данный вывод: выявлены достоверно высокосignимые различия по параметру «уровень утомления».

Возможности коррекционного воздействия определяются совокупностью выявленных статистически значимых корреляций между значениями показателей силы и подвижности нервных процессов, качеств внимания, показателями объема ошибок, а также определением интегральных комплексов, в наибольшей степени обеспечивающих надежность деятельности сотрудников.

¹ Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб., 1996. 176 с.; Крук В. М. Психология обеспечения личностной надежности специалиста: монография. М., 2012. 404 с.; Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд. СПб., 2009. 608 с.; Крук В. М., Караваев А. Ф. Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути решения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1. С. 74–78; Евтихов О. В., Караваев А. Ф. Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1. С. 128–131; Крук В. М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1. С. 100–105.

² Шаранов Ю. А. Психолого-юридический взгляд на современную стратегию развития правоохранительной деятельности в свете реформы органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (55). С. 215.

УДК 341

ОСОБЕННОСТИ МИССИЙ ООН В СТРАНАХ АФРИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОДГОТОВКИ МИРОТВОРЦЕВ

А. И. Тамбовцев

Автором анализируются материалы эмпирического исследования и собственный опыт с позиции выявления и устранения или минимизации воздействий отрицательных факторов на личность миротворца. Рассматривается возможность использования полученных знаний в процессе подготовки и обучения кандидатов для участия в миротворческих операциях.

Ключевые слова: миротворческая операция, миссия Организации Объединенных Наций, государства Африки, подготовка миротворцев.

Конец XX — начало XXI вв. ознаменовались масштабным участием международного сообщества в миротворческой деятельности в мире вообще и в странах Африканского континента в частности. Это отмечается рядом российских и зарубежных авторов¹. В настоящее время значительное число международных гуманитарных организаций, таких, как Организация Объединенных Наций, Международный комитет Красного Креста, Высший ко-

миссариат Организации Объединенных Наций по делам беженцев, Всемирная пищевая программа, а также многочисленные неправительственные организации направили свои миротворческие, посреднические и благотворительные усилия в страны Африки, находящиеся на грани социальной катастрофы после многолетних гражданских войн и нуждающиеся в экстренной помощи мирового сообщества. Миротворческие миссии ООН действуют в Либерии, Конго, Сьерра-Леоне, Судане (Дарфур и Джуба) и других странах. Россия в числе десятков других стран-участниц имеет в названных регионах воинский, полицейский контингент и гражданских специалистов.

В этой связи неоспоримой представляется точка зрения, что «международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров становится новым перспективным направлением сотрудничества государств и их правоохранительных органов»². Однако специфика подготовки кандидата, направляемого ООН в одну из африканских стран, по нашему мнению, должна предусматривать не только его профессиональное обучение (специализацию), отвечающее специфическим задачам, предусмотренным мандатом конкретной миссии, но также и интенсивный теоретический курс, дающий достаточно полное представление о соци-

альной, экономической, религиозной и других ситуациях в конкретных регионах, странах, городах, где планируются пребывание и работа миротворца. Аналогичного мнения придерживаются исследователи, утверждающие, что возрастающее участие МВД России в совместных операциях по защите и поддержанию правопорядка с зарубежными коллегами сопряжена с поиском новых путей формирования личности современного специалиста, способного свободно ориентироваться в поликультурном мире, понимая его ценности и смыслы, воплощая их в личностной позиции и достойных образцах цивилизованного поведения в процессе взаимодействия с представителями профессиональных сообществ на международном уровне³.

Следует отметить, что, в отличие от ряда стран, на территориях которых проводились и проводятся миротворческие миссии ООН (Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Грузия, Восточный Тимор, Гаити и др.), пребывание и непосредственная деятельность миротворцев на территории африканских государств имеет свои особенности, обусловленные исключительно «местной» спецификой — образом жизни, мировоззрением, культурой, религией и пр.

Специфика подготовки и деятельности миротворцев в социально нестабильной и психологически агрессивной среде нами уже рассматривалась ранее⁴. Основываясь на личном опыте участия в миротворческих миссиях ООН в Косово и Судане, считаем возможным выделить некоторые, типичные именно для африканских стран, особенности уклада жизни, экономики, религии, менталитета и общей культуры. Знание миротворцем упомянутой специфики позволит ему не только легче физически адаптироваться к географическим, климатическим, температурным условиям новой для него окружающей среды, но также свободнее и быстрее социализоваться в незнакомой (иногда враждебной) обстановке, новом коллективе, понять психологию и поступки местного населения и в итоге максимально эффективно выполнять широкий круг задач по обеспечению мира в регионе. В то же время тенденции и закономерности, выявленные путем системного анализа упомянутой специфики, должны быть положены в основу разработки практических рекомендаций по подготовке соответствующих специалистов к деятельности в особых условиях. К особенностям, присущим странам Африканского континента, можно отнести следующее.

Представители силовых ведомств страны пребывания, призванные осуществлять правоприменительные функции, в большинстве своем являются бывшими комбатантами — участниками перманентных гражданских войн и иных военных конфликтов, длившихся на территории африканских государств на протяжении продолжительного времени. Характер боевых действий исключал применение каких бы то ни было правил ведения войны⁵ как по отношению к противной стороне, так и по отношению к некомбатантам. Имеются многочисленные задокументированные факты применения пыток, издевательств, массовых изнасилований, расстрелов пленных и мирного населения, использования раб-

ского труда представителями всех враждующих сторон во время гражданских войн в Конго, Либерии, Судане, Мозамбике⁶. Экстремальное, не нормальное для мирного времени, но отчасти объяснимое войной, а потому гипотетически ситуативно допустимое или, возможно, крайне необходимое поведение становилось для них нормальным и в постконфликтной (мирной) обстановке. В послевоенное время данные лица, не изменившись ментально, считают себя вправе использовать ранее применявшиеся ими на войне методы и средства по отношению к гражданам при осуществлении полицейских (и иных правоохранных или военных) функций. Правоприменительная и военная практика изобилует фактами нарушений представителями силовых структур норм уголовного, процессуального, административного законодательства и прав человека. Наиболее часто встречаются следующие злоупотребления и нарушения:

- использование принудительного труда лиц, доставленных на полицейские участки для выяснения каких-либо обстоятельств;

- избиение задержанных (доставленных);

- нарушение сроков задержания (а также содержания под стражей в качестве меры пресечения);

- задержание (арест) лиц, необходимых для выполнения полицейскими подразделениями своих функциональных задач — понятых, вероятных очевидцев, потерпевших;

- «ультимативный» арест — фактически задержание в качестве заложника ближайших родственников скрывшегося подозреваемого на неопределенный срок, без предъявления какого-либо обвинения, до добровольного возвращения разыскиваемого;

- антисанитарные и опасные для жизни и здоровья условия содержания задержанных (доставленных).

Принимая активное участие с малолетнего возраста (10–14 лет) в боевых действиях и партизанской войне, а также в силу ряда иных объективных причин, многие из сотрудников полиции и армии не получили даже элементарного первоначального образования и полностью неграмотны. Так, проведенное автором в 2009–2010 гг. исследование свидетельствует, что примерно 15–20% сотрудников полиции Южного Судана не умеют писать и читать, но при этом несут службу⁷. Кроме того, приходится констатировать, что система первоначальной селекции в полиции Южного Судана и некоторых иных стран Африки находится в зачаточном состоянии и направлена не столько на тщательный отбор из общей массы кандидатов физически, психологически и интеллектуально пригодных к службе, сколько на немедленное заполнение всех имеющихся в полиции вакансий любыми претендентами, независимо от их возраста, состояния здоровья, уровня общего развития, интеллекта и иных профессионально значимых качеств. В результате в полицию попадают люди, не соответствующие общепринятым во всем мире критериям, предъявляемым к кандидатам на службу в правоохранительных органах, — беременные, кормящие грудью матери, лица старше предельного возраста, физически немощные, истощенные, не имеющие начального образования и пр.

Вероятным объяснением изложенного (кроме активной необходимости быстро создать правоохранительную структуру) является субъективное мнение претендентов на службу, полагающих, что они, как бывшие борцы за свободу, независимость и пр., имеют право требовать и получать от государственных, общественных, частных структур и даже отдельных лиц те социальные, материальные, духовные и иные блага и льготы, за которые они длительное время воевали и которые они сами считают возможным или необходимым иметь, — работу, независимо от имеющегося образования и квалификации; супруга, независимо от его желания и уже имеющегося семейного статуса; возможность безнаказанно нарушать общепризнанные нормы административного, уголовного, гражданского права и морали и пр. Подобная ситуация была свойственна Косово в постконфликтный период 1999–2005 гг.⁸. Бесспорно, что такая ситуация не будет сохраняться, и в ближайшие годы в кадровой политике указанных правоохранительных структур произойдут позитивные изменения. Однако в настоящее время приведенные факторы являются весьма значимыми, они не должны игнорироваться и требуют соответствующего внимания при анализе обстановки, оценке действий представителей местной полиции, стратегическом и оперативном планировании. В контексте нашей тематики представляется целесообразным обучение кандидатов в миротворцы теоретическим основам психологии общения и конфликтологии, а также проведение практических занятий (деловых игр, имитаций и т. п.) по выработке коммуникативных навыков в конкретных ситуациях, связанных с мониторингом действий местной полиции, оценкой их эффективности и правомерности и пр.

Особо следует отметить устоявшееся и практически официальное использование в правоприменении и судопроизводстве не только правовых уголовных или уголовно-процессуальных норм, но и альтернативных — местных обычаев, традиций и норм (например, шариата, что характерно для Северного Судана) как самостоятельно, так и в совокупности с действующими законами. По нашему мнению, альтернативная действующему закону норма может трактоваться ее применителем крайне субъективно и пристрастно. Следует учесть, что многие из правоприменителей (в том числе руководители силовых подразделений и судей, принимающие конечное решение о степени виновности и мере наказания лица) являются носителями и приверженцами мусульманских традиций и обычаев, часто не соответствующих нормам действующего законодательства. При этом случается, что они не обладают достаточными знаниями в уголовном, гражданском, процессуальном законодательстве, а некоторые не имеют даже первоначального юридического образования и специальной профессиональной подготовки. В связи с этим представляется целесообразным в процессе доимиссионной подготовки и непосредственно по приезду кандидатов в страну пребывания изучение ими хотя бы общих основ уголовного судопроизводства, а также альтернативных норм, используемых в качестве уголовных и уголовно-процессуальных.

В последние годы произошло деление бывших единых государств (например, Республики Судан) на несколько провинций, а фактически — на независимые государства. Следует признать, что вышеназванные провинции, являясь составными административными образованиями, казалось бы, единого государства, тем не менее, имеют значительно различающиеся этнические, религиозные, культурные, экономические и иные характеристики. В условиях служебной необходимости многократного пересечения административных границ и пребывания на территории Северного или Южного Судана осуществление миротворческих (наблюдательных, консультативных, обучающих, административных и др.) функций полицейским и гражданским персоналом ООН обоих полов может вызывать некоторые трудности. Так, значительную часть населения Северного Судана (Хартум, Дарфур) составляют этнические арабы. Официальная религия — ислам, причем для многих приверженцев — в его радикальных толкованиях. Поэтому большинство местного населения придерживается традиционных для этой религии взглядов и обычаев. В некоторых же случаях, касающихся взаимоотношения полов, прав и свобод женщин, употребления спиртного, ношения одежды, поведения в общественных местах, фотографирования (!!!) и прочего, местные религиозные воззрения приобретают крайне фанатичные и радикальные формы, а адепты представляют собой агрессивных, нетолерантных, непримиримых с иными взглядами догматиков. Данный фактор представляется весьма конфликтогенным и должен серьезно учитываться как на предварительных этапах при подготовке кандидата в миротворцы, так и в последующем, непосредственно при осуществлении миротворческих функций и во внеслужебной обстановке на территории государства пребывания.

Важной особенностью африканского континента является огромное количество обособленных племен (трайбов), ведущих примитивный образ жизни, проживающих, как правило, на «собственной» территории, вне границ основных населенных пунктов. Они говорят на разных наречиях, не имеют сведений о социальных, государственно-правовых, административно-территориальных инфраструктурах и, соответственно, трудно поддаются официальному учету, регистрации и влиянию со стороны государственных органов, в том числе правоохранительных.

Такие племена живут в основном «с земли», или примитивным натуральным хозяйством. Один из основных видов жизнедеятельности — разведение крупного рогатого скота. Ввиду этого очень распространенными являются попытки захвата стад животных (до 1500–2000 голов) соседних племен и угона их на «свою» территорию. Как правило, подобные акции сопровождаются убийством или причинением тяжкого вреда здоровью пастухов. Если происходит нападение на поселение, то сжигают все постройки, насилуют женщин, независимо от возраста, похищают малолетних детей. Принимая во внимание, что за длительное время военных действий на территориях многих африканских государств подобные

племена научились пользоваться современным стрелковым оружием и по понятным причинам имеют его в достатке, следует признать, что описываемые выше нападения фактически носят характер непрекращающихся локальных боевых действий, с десятками убитых и раненых. Данные факты подтверждаются многочисленными полицейскими рапортами, однако происходящее не становится достоянием средств массовой информации и не доводится до широкой общественности.

Проведенный автором анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории позволяет констатировать, что до недавнего времени (2008–2010 гг.) ни полиция, ни армия объективно не оказывали влияния на племена, получали информацию о совершенных нападениях исключительно «постфактум», а в сезон дождей не имели даже возможности регулярно патрулировать по земле или по воздуху территорию проживания племен. Очевидно, что в подобной ситуации основные задачи сотрудников как полицейских, так и миротворческих подразделений представляются физически и психологически трудновыполнимыми. Это, в свою очередь, требует особого порядка расстановки и использования имеющихся сил и средств, а также разработки определенных, возможно, нестандартных подходов к решению обозначенных проблем.

Кроме того, распространенными, хотя и не связанными с племенами, но совершаемыми вне населенных пунктов, являются разбойные нападения на отдельные автомобили и небольшие (3–5 автомашин) колонны. Примерно в половине случаев группа нападающих состоит из вооруженных автоматическим оружием несовершеннолетних, малолетних (12–14 лет) лиц или имеет смешанный состав. Подобные действия часто характеризуются агрессивным, нервным состоянием нападающих, что отчасти объясняется их возрастом, подростковой психологией, обесцененностью человеческой жизни, расовыми или этническими причинами. Приходится констатировать, что в некоторых случаях нападения на сотрудников миссии ООН в генезисе подобных преступлений лежат нарушения требований по обеспечению собственной безопасности, совершаемые миротворцами в служебное и неслужебное время, пренебрежение ими запретами и ограничениями, а также слабое знание правил поведения (выживания) при попытках ограбления, захвата заложников и т. п. Изложенное свидетельствует о насущной необходимости разработки и введения подобного курса в процесс подготовки и обучения кандидатов в миротворцы.

Особо следует отметить, что нестабильность в социальную обстановку вносит гипернасыщенность региона оружием. Многочисленные освободительные движения, военизированные формирования, армейские и полицейские подразделения до сих пор, более чем через пять лет после окончания активных военных действий, продолжают иметь на вооружении не только легкое стрелковое оружие, но и крупнокалиберные пулеметы, минометы, гранатометы, безоткатные орудия и даже бронемашин и танки. В условиях многомесячных задержек и невыплат государством жалования предста-

вители названных выше структур, имея опыт военных операций, совершают вымогательства и разбойные нападения на отдельных граждан и даже автоколонны с гуманитарным грузом на контролируемых ими участках местности.

К тому же поствоенная политика некоторых провинций была направлена на поддержание высокой степени мобилизационной готовности. Для этого всему мужскому населению под личную ответственность официально было выдано оружие (в основном АК-47), с которым при объявлении мобилизации необходимо было прибыть на сборный пункт. Следствием этого является присутствие на улицах огромного количества людей (в униформе армии, полиции и иных формирований и в гражданской одежде), имеющих при себе автоматическое оружие, что, в свою очередь, не может не вызывать обоснованных подозрений и тревоги как местных полицейских, так и международных наблюдателей и обычных граждан.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что знание представителями воинских и полицейских контингентов типичных культурных, социально-демографических, религиозных и иных специфических особенностей в регионе проведения миротворческой операции вообще и в странах Африканского континента в частности является залогом их психологической устойчивости, быстрой адаптации к новым условиям службы, а в целом — успешной деятельности по решению миротворческих задач. Это должно учитываться при разработке целевых программ и курсов специальной подготовки (переобучения, повышения квалификации) сотрудников, направляемых в миротворческие миссии ООН.

¹ См., напр.: Земсков Ю. В. Международно-правовые проблемы организации и деятельности российских полицейских наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 3–5; Стовер Э., Шигекане Р. Лица, пропавшие без вести в результате войны: когда сталкиваются интересы семей жертв войны и международных трибуналов по расследованию военных преступлений // Пропавшие без вести: международный журнал Красногоскреста. М., 2003. С. 162; и др.

² Алексеева Т. О. Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 3.

³ См., напр.: Авдеева М. В. Межкультурная коммуникативная компетентность сотрудников органов внутренних дел в сфере международного сотрудничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3; Алексеева Т. О. Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 3–4; и др.

⁴ См. напр.: Тамбовцев А. И., Зверев В. О. Особенности полицейской службы в составе международных сил в зонах локальных конфликтов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 1; и др.

⁵ См., напр.: Законы и обычаи войны // URL: <http://slovaryandex.ru/~книги/БСЭ/Законы и обычаи войны> (дата обращения: 27.11.2013).

⁶ См., напр.: Нарушения прав человека в Африке // URL: http://protivpytok.org/wp-content/uploads/2012/01/AI_Report_2011_Rus.pdf (дата обращения: 27.11.2013).

⁷ В то же время ряд опрошенных автором сотрудников российского миротворческого контингента полицейских сил ООН в Судане полагают, что в полиции Южного Судана число лиц, полностью неграмотных, составляет более 30%.

⁸ В 2001–2002 гг. автор, находясь в составе российско-миротворческого контингента в Косово, неоднократно на-

блюдал ситуации, когда косовские албанцы, принимавшие ранее участие в боевых действиях, требовали на этом основании от местной администрации предоставить им высококвалифицированную, хорошо оплачиваемую работу врачей, педагогов, юристов, но при этом не имели ни специального образования, ни профессиональной подготовки.

УДК 343.8-053.6

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ УИС К РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Н. П. Ким

В статье рассматриваются задачи профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с осужденными несовершеннолетними, требования к сотрудникам. Излагаются педагогические условия, способствующие формированию профессиональной готовности данной группы сотрудников УИС.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарное учреждение, осужденные несовершеннолетние, компетентностный подход.

В исправлении несовершеннолетних осужденных к лишению свободы важная роль принадлежит предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством воспитательной работе. Воспитательный процесс в пенитенциарном учреждении принято называть исправлением осужденных. Наряду с понятием «воспитательная работа с осужденными несовершеннолетними», по нашему мнению, необходимо рассмотреть понятие «коррекционная работа с осужденными несовершеннолетними». Исходя из задач воспитательно-коррекционной работы, перевоспитание осужденных несовершеннолетних строится с учетом индивидуально-психологических особенностей личности несовершеннолетнего, конкретных обстоятельств, неблагоприятных условий среды и воспитания. Как показывает анализ нормативных источников и практических занятий, в ведомственных вузах недостаточно разработаны основы подготовки будущего сотрудника УИС к работе с осужденным несовершеннолетним.

Под профессиональной готовностью сотрудника уголовно-исполнительной системы к работе с осужденными несовершеннолетними мы понимаем интегративное личностно-деятельностное новообразование, представляющее собой сбалансированное сочетание соответствующих знаний, умений и навыков, важных социально-психологических качеств личности, позволяющее самостоятельно и качественно выполнять основные профессиональные функции¹.

Анализ психолого-педагогической литературы, а также изучение результатов анкетирования практических работников позволили нам разработать следующие требования к работе с осужденными несовершеннолетними, которые будущий сотрудник должен усвоить.

1. Воспитательно-коррекционную работу с осужденными несовершеннолетними нельзя понимать толь-

ко как устранение, искоренение недостатков или пороков. Воспитательно-коррекционная работа с осужденными несовершеннолетними — это формирование положительных привычек, черт и качеств, развитие здоровых нравственных тенденций.

2. Необходимо вовлечь несовершеннолетнего в процесс самовоспитания, организовать борьбу его самого с собственными недостатками. Раскрывая систему воспитательного воздействия на трудных подростков, следует понимать, что здесь формирование личности есть сочетание перевоспитания с обычными мерами воспитания и самовоспитания. Иначе говоря, подросток не должен быть пассивным объектом воспитательных воздействий, требуется активизация самого человека, использование его здоровых нравственных сил для борьбы с собственными недостатками.

3. Воспитательно-коррекционная работа с осужденными несовершеннолетними не может быть эпизодичной.

4. Общение с осужденными несовершеннолетними должно быть доброжелательным. Озлобленности, подозрительности, недоверчивости подростка надо противопоставить доброту, душевную теплоту и мягкость.

5. Сотруднику необходимо уметь выявлять то положительное, что имеется в личности каждого осужденного несовершеннолетнего, и опираться на эти положительные качества в работе по его перевоспитанию.

6. Строить работу на доверии к несовершеннолетнему. Осужденные несовершеннолетние очень ценят, что им доверяют, несмотря на их плохую славу, дурную репутацию. Существуют три условия, при которых ставка на доверие оказывается оправданной:

а) доверие должно быть естественным и непринужденным, а не явно искусственным приемом. Несовершеннолетний должен поверить в искренность сотрудника и правильно воспринять сам факт выраженного ему доверия²;

б) сотрудник должен быть более или менее уверен в том, что дурные черты у несовершеннолетнего не укоренились настолько, чтобы совершенно заглушить здоровые нравственные тенденции;

в) сотрудник, оказав доверие несовершеннолетнему, не должен занимать позицию пассивного созерцателя процесса своего эксперимента, а терпеливо и тактично помогать несовершеннолетнему освоиться с новой ролью, постоянно держать такого подростка в центре внимания, вовремя оказывать ему помощь и поддержку.

Обобщая задачи и принципы воспитательной деятельности в пенитенциарном учреждении, можно дать следующее определение: воспитательно-

коррекционная работа с осужденными несовершеннолетними — это система действий квалифицированных сотрудников пенитенциарного учреждения, формирующих правоупорядоченное поведение осужденных на основе социально-педагогической системы, обеспечивающей исправление нравственным, правовым, трудовым, физическим и иными направлениями воспитательно-го воздействия, путем повышения образовательного и культурного уровня осужденных, которая призвана реабилитировать и социально адаптировать осужденного несовершеннолетнего к реалиям окружающего мира, сделать его полноправным и активным гражданином общества.

В воспитательно-коррекционной работе сотрудника с осужденными несовершеннолетними мы выделяем индивидуальный подход, который, на наш взгляд, является главным.

При этом относительно несовершеннолетнего, кроме обычных данных, характерных для каждого подростка, т.е. индивидуальных особенностей (взглядов, интересов, темперамента, характера, способностей и т.д.) и условий жизни, важны данные о причинах и мотивах поведения, типологии и степени девиантности³.

Необходимо отметить, что в профессиональном образовании будущего сотрудника важным направлением является формирование компетентности специалистов — не только владеющих знаниями, но и обладающих самостоятельностью, субъектностью, сложившимся творческим, проектно-конструктивным и духовно-личностным опытом профессионала, способностью включаться в самообучение на протяжении всей жизни.

В связи с этим одним из ведущих подходов в подготовке профессиональных кадров является компетентностный подход. Компетенции отвечают требованиям «плавающих» профессиональных границ, динамике профессий, их глобализации, разрушению профессиональных замкнутостей (это не исключает требования высшего профессионализма в конкретных предметных областях)⁴. Компетентностный подход позволит сохранить культурно-исторические, этносоциальные ценности, если лежащие в его основе компетентности рассматривать как сложные личностные образования, включающие и интеллектуальные, и эмоциональные, и нравственные составляющие. Согласно ему цели деятельности образовательных учреждений должны соответствовать потребностям практических органов в специалистах, обладающих определенными компетенциями.

Профессиональная подготовка будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с осужденными несовершеннолетними предусматривает педагогические условия, и их мы рассматриваем как необходимые обстоятельства, создание которых позволяет повысить уровень подготовленности будущих сотруд-

ников для осуществления профессиональной деятельности. Они способствуют формированию профессиональной готовности будущих сотрудников УИС к работе с осужденными несовершеннолетними и включают:

— построение у будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы мотивационно-ценностного отношения к профессиональной деятельности;

— применение оптимальных активных методов обучения, с учетом целенаправленного изучения особенностей осужденных несовершеннолетних;

— актуализацию необходимых знаний в сфере девиантного поведения несовершеннолетних.

Современный этап развития общества связан с актуализацией проблемы профессиональной подготовки специалистов, призванных оказывать социально-педагогическую поддержку несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы. Ситуации, с которыми сталкивается при осуществлении своей профессиональной деятельности сотрудник уголовно-исполнительной системы, весьма разнообразны, в этой связи необходимость формирования у него профессиональной готовности в разных областях науки и практики становится очевидной. Поскольку педагогическая наука и, соответственно, психологическая подготовка сотрудника уголовно-исполнительной системы объективно ориентированы на человека, на постижение его сущности, то формирование готовности к работе с осужденными несовершеннолетними рассматривается нами как необходимый компонент его профессиональной подготовки.

Анализ психолого-педагогических исследований показал, что профессиональная готовность сотрудника уголовно-исполнительной системы — недостаточно изученный феномен. Практика свидетельствует о том, что только разносторонне подготовленный сотрудник уголовно-исполнительной системы способен эффективно выполнять профессиональную деятельность. Данная проблема требует дальнейшего изучения и решения на уровне конкретных рекомендаций ученых и практиков.

¹ Караваев А. Ф., Левин Г. И. Условия профессионального становления сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4 (51). С. 44.

² Леус Э. В., Насекин В. В., Соловьев А. Г., Сидоров П. И. Особенности психических состояний несовершеннолетних осужденных группы повышенного риска // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4. С. 60–61.

³ Гагарин Ю. В. Проблемы формирования профессионального ядра начальников отрядов в исправительных учреждениях ФСИН России : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. семинара «Профессиональная подготовка кадров для пенитенциарных учреждений в России и за рубежом: проблемы и перспективы». Вологда, 2006. 219 с.

⁴ Байденко В. И. Компетенции в высшем профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 1–6.

УДК 343.985 343

ОБМАН КАК ТАКТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ

Б. В. Якимчук

В статье проанализированы приемы и способы использования обмана как тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий с участием иностранцев. При установлении психологического контакта, психологическом воздействии обман может использоваться избирательно в тактическом приеме и в тактических операциях и комбинациях.

Ключевые слова: обман, психологический контакт, следственные (розыскные) действия, тактика, тактическое средство, тактический прием, психологическое влияние.

Постоянно совершенствующаяся преступность обуславливает необходимость поиска новых средств и методов следственной деятельности, разработки тактических способов и средств борьбы с противодействием раскрытию и расследованию преступлений. Одним из путей получения дополнительных средств при производстве следственных (розыскных) действий является оптимизация известных тактических приемов, средств и методов следственной деятельности на основании оценки возможностей их использования для решения конкретных заданий.

Рассмотрим обман как тактическое средство при производстве следственных (розыскных) действий с участием иностранцев. Вопрос использования обмана в ходе следственных (розыскных) здесь связан с психологической сущностью, с необходимостью установления психологического контакта и является особо актуальным для исследования. Следует принимать во внимание ряд дополнительных трудностей, возникающих при необходимости производства следственных (розыскных) действий с иностранцами. В статье мы остановим свое внимание на дискуссионных вопросах использования обмана как тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий с участием иностранцев.

Обратим внимание на то, что уже само упоминание обмана как тактического средства вызывает отрицательное отношение теоретиков, имеются отзывы о принципиальной недопустимости его применения в следственной деятельности¹. Так, обман определяется как распространение искажения или заведомо неправдивых сведений для достижения определенных целей² либо как утверждение, заведомо не соответствующее истине и высказанное (переданное) в таком виде сознательно, а также успешная либо безуспешная умышленная, намеренная, осознанная, совершаемая без предупреждения передача фактической и эмоциональной информации (вербально или невербально) с целью создания или поддержания в другом человеке заведомо ложного убеждения, сокрытия и манипуляции указанными средствами, которое сам передающий считает заведомо не соответствующим истине. В общем виде ложь можно воспри-

нимать как манипуляцию информацией, ее количеством и качеством.

Практически во всех своих формах тактика содержит элементы обмана, лжи в разных видах. Тактика проявляется как хитрость и умение переиграть оппонента, превзойти его, перехитрить. Как отмечает Н. С. Карпов, переиграть оппонента означает скрыть (утаить) свои планы и намерения и за счет этого достичь необходимого (желаемого), в рамках проведения расследования получить информацию, которую без подобных мер иметь невозможно либо очень сложно³. В. П. Бахин относительно обмана указывает, что реальный обман использовался и будет использоваться в рамках тактических аспектов деятельности следователя, и требуется лишь отделить и запретить обман, который противоречит принципам и целям этой деятельности, угрожает нарушением прав и интересов личности⁴. Соответственно, необходимо оценивать содержание и форму производимых субъектом криминалистической тактики действий, учитывать цели и достигнутый эффект.

Закономерно, что использование обмана как тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий невозможно по отношению к человеку, который изначально не доверяет субъекту криминалистической тактики (следователю, прокурору), в связи с чем возникает потребность установления психологического контакта. Психологический контакт — это наиболее благоприятная психологическая атмосфера, которая способствует взаимодействию и взаимоотношениям между его участниками, это определенный настрой на общение⁵. Психологический контакт состоит в создании условий для позитивного, доброжелательного восприятия одним лицом другого. Так, на установление психологического контакта с иностранцем, который принимает участие в проведении следственного (розыскного) действия, существенное влияние оказывают форма и содержание адресованных ему непосредственно вопросов, в случае если он владеет языком судопроизводства или через переводчика⁶. Так, могут использоваться демонстрация доброжелательности, предварительная беседа на постороннюю тему, обращение к логическому мышлению, разъяснение цели и задач допроса⁷.

Рассматривая такой тактический прием, как сокрытие целей допроса, следует отметить, что использование данного тактического приема — по форме настоящий обман, однако по сути его реализация является лишь средством получения информации. Такой вид обмана также можно назвать недоговоркой, т. е. говорящий сообщает ряд фактов, но скрывает самый главный из них, позволяя другой стороне прийти к ошибочному выводу. Следует учитывать, что общая цель допроса — получить и зафиксировать вербальную (иногда и невербальную) информацию от допрашиваемого лица, при этом закон не возлагает на следователя обязанности, соответственно, следователь не ставит перед собой и задачи передать информацию допрашиваемому относительно цели проведения допроса, как и любого другого следственного

(розыскного) действия. Этот тактический прием основан на методах рефлексии, передачи информации (вербальной и невербальной).

Такой тактический прием, как создание воображаемой осведомленности следователя об обстоятельствах происшествия, по форме также имеет признаки обмана. Однако у допрашиваемого остается выбор — реагировать на такие проявления осведомленности в условиях неизвестности истинности (ложности) такой осведомленности либо не реагировать. Соответственно, делается расчет на предположение о причастности либо непричастности к определенным событиям, наличии либо отсутствии знаний об обстоятельствах, имеющих значение для расследования. При этом лицо остается свободным в выборе своего поведения, а по отношению к лицам, которые не располагают сведениями о расследуемом событии, данный прием нейтрален. Такой тактический прием основан на методах рефлексии, управляемых психических состояниях, передаче информации (вербальной и невербальной).

Следует принимать во внимание недопустимость использования прямого обмана в следственной деятельности, а именно — сообщения заведомо неправдивых сведений, прямой демонстрации поддельных вещественных доказательств, иных аналогичных действий.

Заметим, что относительно иностранца, который владеет языком уголовного производства, целесообразно использование такого тактического приема, как «словесная разведка», или «проговаривание». Этот прием состоит в том, что в процессе проведения обыска обыскивающий вслух произносит название объекта, к обследованию которого он собирается приступить, а другой участник следственно-оперативной группы наблюдает за невербальной (либо вербальной) реакцией обыскиваемого. Замечено, что человек, который прячет что-либо, при проведении обыска старается держать в поле зрения место, где находится спрятанный предмет. Очевидно, по своей форме такой тактический прием содержит элементы обмана, ведь такое «проговаривание» имеет скрытую цель, делается расчет на использование психологических знаний и закономерностей. Однако в данном случае отсутствуют элементы принуждения, противоправного насилия в какой бы то ни было форме, у лица сохраняется свобода выбора действий, что делает этот прием вполне допустимым и правомерным.

Относительно применения «психологических ловушек», демонстрации объектов, имеющих отношение к расследуемому событию, также высказываются мнения об их неправомерности из-за обмана⁸. Суть таких приемов состоит в том, что искусственно создаются условия, при которых допрашиваемое лицо (либо лицо, с которым проводят какое-либо другое следственное (розыскное) действие) имеет возможность продемонстрировать свою осведомленность, открыто отреагировав на искусственно созданные условия, а именно на некоторый объект (либо очень похожий на него), связанный с расследуемым событием преступления и яв-

ляющийся в данном случае раздражителем. Здесь прослеживается вариация применения известного принципа «стимул — реакция», использованы также знания в области психологии, расчет на возможность осведомленности человека, наличия воспоминаний о некотором предмете, связанном с расследуемым событием, что и используется следователем для получения сведений. Очевидно, что подозреваемый (либо свидетель) не может, не будучи причастным к расследуемому событию, опознать и отреагировать на связанный с ним предмет. Но необходимо учитывать, что правомерным подобный обман будет лишь тогда, когда подозреваемый без прямого влияния со стороны следователя сам примет решение прореагировать на предъявленную информацию либо сделать вид, что ничего не произошло⁹.

Достаточно распространена такая форма лжи, как блеф, это заведомо ложное заявление о наличии некоего объекта или намерения, которых на самом деле нет. Блеф является тактическим приемом, в то же время это вид лжи.

Как отмечает Н. С. Карпов, тактика без обмана невозможна, однако необходимо отличать обман как средство решения заданий по раскрытию и расследованию преступлений и как недопустимые действия, нарушающие законные права участников уголовного производства, они аморальны по своей сути и дискредитируют систему правоохранительных органов¹⁰. Кроме того, по нашему мнению, следует также помнить, что обман может проявляться в различных формах — как предоставление заведомо ложной информации и как несообщение информации, которую необходимо было сообщить и для сообщения которой имелась объективная возможность, а также то, чему могут сопутствовать разные обстоятельства.

В вопросе использования обмана как тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий, по нашему мнению, следует также принимать во внимание, что существует тайна досудебного следствия, ее необходимость и правомерность несомненна, однако, ссылаясь на тайну следствия, можно нарушить права участников уголовного производства. Таким образом, сведения, затрагивающие права участников уголовного производства (интимного рода, личная информация, не относящаяся к расследованию, и др.), должны сохраняться в тайне. Но сокрытие либо искажение информации, которую лицо имеет право знать по закону (либо которая должна быть сообщена в обязательном порядке), будет противозаконным, приоритет соблюдения прав человека необходимо соблюдать.

Мы считаем, что следует избирательно подходить к вопросам, когда и при каких обстоятельствах обман может использоваться как допустимое средство следственной деятельности, при каких условиях его можно использовать как тактическое средство при производстве следственных (розыскных) действий и, соответственно, при каких условиях обман недопустим в силу моральных соображений, правовых ограничений либо иных факторов.

Так, Р. С. Белкин, который первым из криминалистов открыто говорил о допустимости обмана, привел перечень случаев, когда обман принципиально недопустим: а) обман, основанный на правовой неграмотности противоположного лица, на незнании им своих прав и обязанностей, на неправильном представлении о правовых последствиях своих действий; б) на заведомо неисполненных обещаниях этому лицу; в) на сфабрикованных доказательствах; г) на дефектах психики подследственного и других его болезненных состояниях; д) на мистических и религиозных представлениях лица¹¹.

Приведенный перечень случаев принципиальной недопустимости применения обмана как тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий не является окончательным и, в зависимости от индивидуальных обстоятельств, может быть расширен.

Теоретическое и практическое исследование такого явления, как обман, в контексте его применения в качестве тактического средства при производстве следственных (розыскных) действий, по нашему мнению, будет одним из наиболее эффективных путей умножения средств борьбы с современной преступностью.

¹ *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности // *Виктимология и профилактика правонарушений.* Иркутск, 1979. С. 13–14; *Пантелеев И. Ф.* Некоторые вопросы психологии расследования преступлений // *Труды ВЮЗИ.* Вып. XXIX. М., 1973. С. 28; *Ларин А. М.* Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996. С. 102–103.

² *Карпов Н. С.* Тактичний засіб чи недопустимий прийом? // *Науковий вісник НАВСУ.* Київ, 2006. Вип. 2. С. 158–166.

³ Там же.

⁴ *Бахин В. П.* Полицейский допрос (советы допрашивающему). Алматы, 1997. С. 13–16.

⁵ *Настільна книга слідчого : наук.-практ. видання для слідчих і дізнавачів / М. І. Панов, В. Ю. Шепітько, В. О. Конова та ін.* 2-ге вид., перероб. і доп. Київ, 2007. С. 113.

⁶ *Закатов А. А., Смирнов В. В.* Правовые, тактические и психологические особенности расследования по уголовным делам с участием иностранных граждан : учеб. пособие. М., 1984. С. 27.

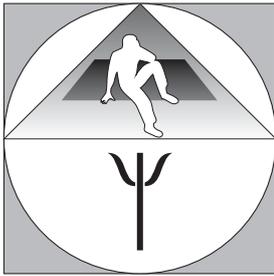
⁷ *Лукашевич В. Г.* Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий : учеб. пособие. Киев, 1989. 88 с.

⁸ *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 13–14.

⁹ *Бахин В. П., Биленчук П. Д., Кузьмичев В. С., Филиппова М. А.* Тактические приемы раскрытия преступлений. Київ, 1991. С. 97.

¹⁰ *Карпов Н. С.* Указ. соч. С. 158–166.

¹¹ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 22–23.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.07

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

О. В. Евтихов, В. А. Адольф

Статья посвящена вопросу содержания организационной культуры ведомственных вузов правоохранительных органов как компонента образовательной среды, в которой формируются личность и профессиональная компетентность курсантов. В ней представлены результаты оценки курсантами и сотрудниками типа и компонентов организационной культуры вуза правоохранительных органов.

Ключевые слова: организационная культура, образовательная среда, курсант, профессиональная компетентность.

Необходимость изучения образовательной среды современных образовательных организаций значительно возросла в последнее десятилетие. Реализация компетентностного подхода к образованию в вузе приводит к актуализации проблемы совершенствования методов и педагогических технологий формирования компетенций и личностного воспитания обучаемых в процессе обучения в вузе, целенаправленного развития их профессионально важных качеств как будущих специалистов. При этом не вызывает сомнения, что формирование личности обучаемого осуществляется под влиянием не только целенаправленного образовательного процесса, но и специфической образовательной среды, в которой он находится. Как отмечал А. С. Макаренко, человек не воспитывается по частям, он создается всей суммой влияний, которым он подвергается. В связи с этим возникает потребность анализа образовательной среды, в которую погружены обучаемые на протяжении обучения, определения роли и степени влияния на процесс развития их личности различных ее компонентов¹.

Комплексное влияние образовательной среды наиболее выражено в ведомственных вузах силовых структур. Особенностью подобных вузов является то, что они являются закрытыми образовательными учреждениями, курсанты проживают на территории вузов по армейскому (казарменному) типу, с ограничением свободы выхода за пределы института. Поэтому значительная часть социального взаимодействия во время учебной и служебной деятельности происходит в пространстве образовательного учреждения². Это создает необходимость более тщательного анализа

и выстраивания всех компонентов образовательной среды вуза в целостную, социально устойчивую систему, обеспечивающую формирование профессиональных компетенций курсантов и слушателей в процессе обучения.

Важным компонентом образовательной среды является организационная культура вуза. Интерес к исследованию организационной культуры первоначально был связан с проблемой повышения организационной эффективности. Это обусловлено тем, что установлена взаимосвязь между организационной культурой и эффективностью труда сотрудников организации. Организационная культура, как и, выполняет две важные социальные функции: аккумуляция, хранение и передача образцов отношений, поведения и опыта; сплочение людей. Никакой коллектив, численность которого превышает несколько десятков человек, а тем более группы из сотен и тысяч людей, не может сплотиться и устойчиво функционировать лишь на основе взаимных симпатий ее членов. Для этого люди слишком различны, а чувства симпатии изменчивы и неустойчивы. Чтобы сплотить большую социальную группу, нужны ясные и устойчивые основы, которые могут объединять людей в организованную общность. Этой основой является общая культура, которая, в совокупности с имеющимися в ней нормами, традициями и ритуалами, помогает управлять как сотрудниками отдельной организации, так и целой нацией³.

Если можно говорить о том, что организация имеет душу, то этой «душой» является организационная культура. Именно организационная культура во многом отвечает на вопрос «Как мы себя ведем?». Она регламентирует поведение в отношении клиентов, коллег, руководителей, партнеров и других людей или явлений. При этом организационная культура является важным управленческим ресурсом руководителя, так как при отсутствии прямых инструкций именно организационная культура определяет особенности поведения и взаимодействия людей в организации.

Внимание исследователей к изучению организационной культуры вузов правоохранительных органов имеет особое значение в контексте формирования профессиональной компетентности курсантов, так как именно в организационной культуре аккумулированы профессиональные нормы и ценности.

Учебно-служебная деятельность курсантов подчинена требованиям устава и субординационных отношений. Большая часть жизнедеятельности и личного времени курсантов определяется приказами, правилами, нормами, традициями. Особое внимание уделяется ритуалам (принятие присяги, построение, прохождение торжественным маршем, торжественные поздравления / вручение наград, чествование ветеранов, почитание знамени и др.). Все это является компонентами организационной культуры и оказывает значительное влияние на формирование личности обучаемых и их профессиональное становление.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования организационной культуры вуза правоохранительных органов. Под термином «организационная культура» далее понимается совокупность коллективных базовых представлений, групповых норм и ценностей, определяющих особенности поведения и взаимодействия сотрудников (обучаемых) в различных видах деятельности, а также функционирующей в ней системы управления⁴.

Для изучения особенностей организационной культуры подразделением психологического обеспечения СибЮИ ФСКН России было проведено исследование с использованием методики К. Камерона и Р. Куина (вариант Т. О. Соломанидиной⁵). Методика применялась в адаптации опросника и описании типов организационной культуры в соответствии со спецификой ведомственного вуза. В основу методики положена типология, описывающая иерархическую (бюрократическую), рыночную, клановую и адхократическую типы организационной культуры.

Клановая культура (тип А) характеризуется организацией деятельности на основе общности интересов, доброжелательности и дружелюбности. Подобные организации похожи на «большие семьи». Лидеры организаций воспринимаются как воспитатели и, возможно, даже как «родители». Организация держится вместе благодаря преданности и традициям. Высока обязательность организации. Акцент в деятельности организации делается на долгосрочном профессиональном совершенствовании личности сотрудников, сплоченности коллективов и обеспечении благоприятного морального климата в организации.

Адхократическая культура (тип В) отличается организацией деятельности на основе творчества и предприимчивости сотрудников. Лидеры считаются новаторами и людьми, готовыми созидать и рисковать. Связующей сущностью организации является преданность инновациям и развитию. Подчеркивается необходимость деятельности на «переднем рубеже». В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Организация поощряет личную инициативу и свободу сотрудников.

Иерархическая (бюрократическая) культура (тип С) — характеризуется организацией деятельности на основе рациональности, формализованности и структурированности процедур. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика. Лидеры выступают основными организаторами и координаторами. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности показателей деятельности.

Таблица 1. Сводные результаты исследования организационной культуры вуза правоохранительных органов

Параметр культуры	Тип	Теперь	Предпочт.
		сотрудники	
		курсанты	
1. ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ			
Организация подобна большой семье. Люди имеют много общего	А	14,2	24,7
		27,1	39,2
Организация очень динамична и проникнута предприимчивостью. Люди готовы жертвовать собой ради общей цели	В	10,5	21,7
		9,3	14,3
Организация ориентирована на результат и выполнение задания. Люди ориентированы на соперничество и достижение поставленной цели	С	27,3	22,3
		30,4	22,1
Организация жестко структурирована и строго контролируется. Действия людей определяются правилами, инструкциями, процедурами	D	48,0	31,3
		33,2	24,4
2. СТИЛЬ ЛИДЕРСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ			
Представляет собой постоянный анализ работы, стремление руководителя помочь и научить	А	18,0	31,5
		20,3	28,1
Служит примером предприимчивости, новаторства и склонности к риску	В	16,0	17,1
		18,4	20,4

Продолжение таблицы

Служит примером деловитости, агрессивности, ориентации на результат	C	34,4	14,6
		37,4	20,1
Является примером координации, четкой организации деятельности	D	31,6	36,8
		23,9	31,4
3. УПРАВЛЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ В ОРГАНИЗАЦИИ			
Характеризуется поощрением командной работы, единодушием и участием в принятии решений	A	18,5	28,8
		28,6	35,4
Характеризуется поощрением индивидуальной инициативы, новаторства, свободы и самобытности	B	12,0	22,2
		19,8	27,3
Характеризуется высокой требовательностью, жестким стремлением к эффективности и поощрением достижений	C	30,5	23,8
		28,5	15,2
Характеризуется гарантией занятости, требованиями подчинения, предсказуемостью и стабильностью в отношениях	D	39,0	25,2
		23,1	22,1
4. СВЯЗУЮЩАЯ СУЩНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ			
Организацию связывают воедино преданность делу и взаимное доверие. Обязательность в организации находится на высоком уровне	A	17,1	37,5
		26,1	27,9
Организацию связывают воедино приверженность новаторству и совершенствованию. Акцентируется необходимость быть на передовых рубежах	B	15,1	21,5
		15,3	18,4
Организацию связывают воедино акцент на достижении поставленных целей и выполнении поставленных задач	C	22,6	23,8
		22,2	21,6
Организацию связывают воедино формальные правила и официальная политика. Плановый ход деятельности организации считается необходимым	D	45,2	17,2
		36,4	32,1
5. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ			
Гуманное развитие. Поддержка высокого доверия к сотрудникам, открытость. Участие сотрудников в процессе управления	A	14,9	26,2
		15,1	21,9
Обретение новых ресурсов, решение новых проблем. Ценятся апробация нового и изыскание возможностей	B	24,4	28,0
		12,4	11,6
Конкурентные действия и достижения. Преобладает целевое напряжение сил и стремление к лидерству в своей сфере деятельности	C	25,6	21,1
		36,7	30,4
Неизменность и стабильность. Важнее всего эффективность, контроль и плановость	D	35,1	24,7
		35,8	36,1
6. КРИТЕРИИ УСПЕХА ОРГАНИЗАЦИИ			
В организации считается, что успех – это в первую очередь слаженно работающий коллектив, увлеченность людей делом и забота о людях	A	24,4	43,9
		28,1	30,4
Организация определяет успех на базе обладания уникальными и современными технологиями и оказания самых современных образовательных услуг	B	19,7	19,6
		12,3	36,1
Ключ к успеху – профессиональное лидерство в своей сфере деятельности	C	26,2	18,2
		20,1	12,1
Успех определяют надежность, неизменность и стабильность	D	29,7	18,3
		39,5	21,4

Рыночная культура (тип D) основана на организации деятельности, ориентированной исключительно на результат. Главной заботой руководителей и сотрудников является выполнение поставленной задачи. Лидеры — твердые и нередко суровые руководители, они неколебимы и требовательны. Организацию связывает воедино акцент на стремлении добиваться поставленных целей, при этом результат важнее средств (исполнителей).

Респондентам предлагалось оценить имеющиеся (теперь) и предпочитаемые (предпочт.) параметры организационной культуры. Общая выборка исследования составила 212 сотрудников постоянного и переменного составов. В число сотрудников постоянного состава вошли преподаватели и руководители вуза (отслужившие в правоохранительных органах более 10 лет), из числа переменного состава были опрошены курсанты 1 и 2 курсов. Сводные результаты исследования приведены в табл. 1.

По результатам исследования, обобщенный тип организационной культуры определяется как «рыночно-иерархический», для которого характерны высокий уровень формализации и структурированности жизни и деятельности сотрудников. Данная организационная культура ориентирована на жесткое руководство, подчинение формальным и нормативным правилам и приказам. Преобладают вертикальные служебные отношения, основанные на иерархии и субординации.

При этом по ряду параметров сотрудники отмечают, что им было бы предпочтительнее работать в организации с кланово-иерархическим типом организационной культуры. В частности, анализ результатов исследования показал, что существуют различия между реальными (теперь) и желаемыми (предпочтительными) компонентами организационной культуры вуза в восприятии сотрудников.

Так, по параметру «общий стиль лидерства», по результатам исследования, для сотрудников предпочтительнее было бы работать в организации, где руководитель не только «служит примером деловитости, агрессивности, ориентации на результат» (тип D), но и «представляет собой постоянный анализ работы, стремление помочь и научить» (тип A), см. рис. 1.

Подобные результаты отмечаются и по параметру «связующая сущность организации». Сотрудникам было бы предпочтительнее, чтобы организацию связывали воедино не только «формальные правила и официальная политика» (тип D), а «преданность делу и взаимное доверие» (тип A.), см. рис. 2.

Схожие результаты отмечаются и по параметру «критерии успеха организации». В частности, сотрудники отмечают, что успех определяют не только «надежность, неизменность и стабильность, рентабельность и низкие затраты» (тип D), но и «слаженно работающий коллектив, увлеченность людей делом и забота о людях» (тип A), см. рис. 3.

Отмечаются также различия в восприятии имеющихся и предпочитаемых компонентов организационной культуры сотрудниками постоянного состава вуза

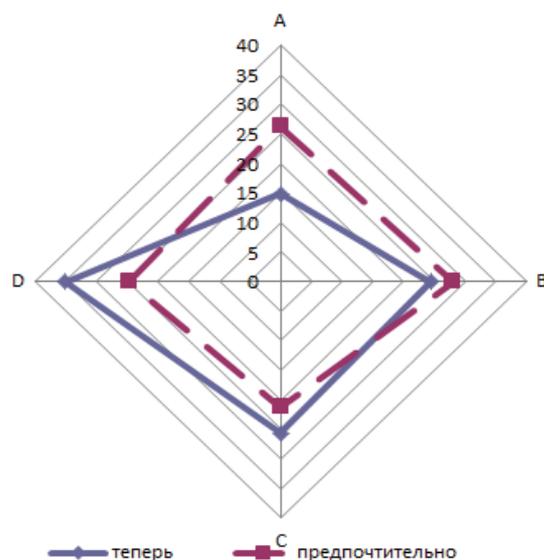

Рис. 1. Общий стиль лидерства

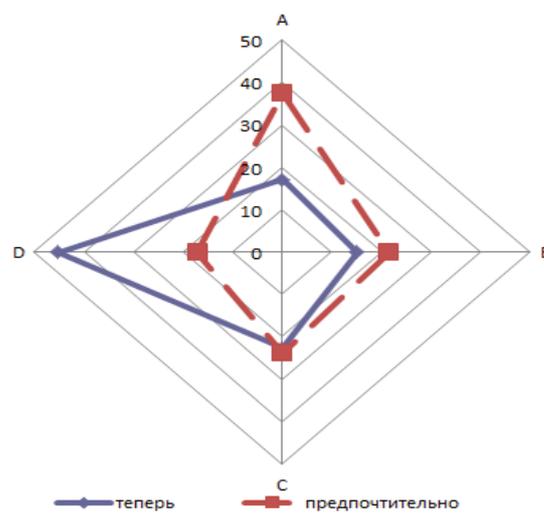

Рис. 2. Связующая сущность организации

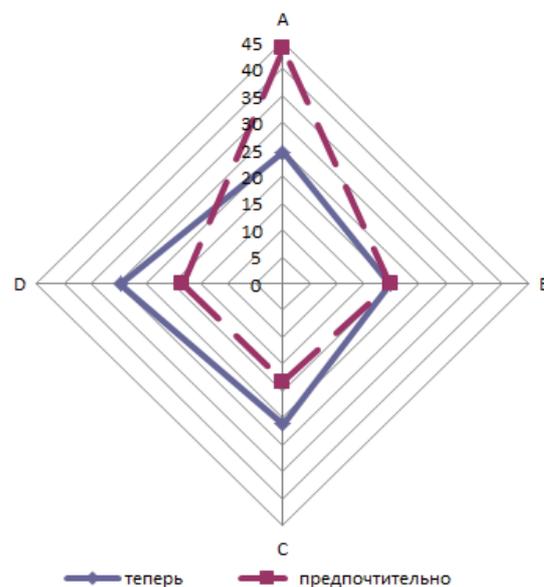

Рис. 3. Критерии успеха организации

Таблица 2. Результаты оценки некоторых параметров организационной культуры курсантами

ПАРАМЕТРЫ КУЛЬТУРЫ	Тип	Теперь	Предпочт.
		сотрудники	
		курсанты	
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ			
Обретение новых ресурсов, решение новых проблем. Ценятся апробация нового и изыскание возможностей	В	24,4	28,0
		12,4	11,6
КРИТЕРИИ УСПЕХА ОРГАНИЗАЦИИ			
Успех организации строится на базе обладания уникальными и современными технологиями и оказания самых современных образовательных услуг	В	19,7	19,6
		12,3	36,1

и курсантами. Эти различия в той или иной степени касаются всех параметров. В большей степени курсанты (в сравнении с сотрудниками) выделяют следующие актуальные компоненты организационной культуры:

- организационная сплоченность (орг. сплоч.) — организация подобна большой семье, люди имеют много общего;
- организационная командность (орг. командн.) — организация характеризуется поощрением командной работы, единодушием и участием в принятии решений (см. рис.4).

Это, на наш взгляд, отражает специфику учебной и служебной деятельности курсантов, в том числе связанную с совместным проживанием на территории института.

В меньшей степени (по сравнению с сотрудниками) курсанты отмечают выраженность в организационной культуре параметров:

- критерии успеха организации — обретение новых ресурсов, решение новых проблем, апробация нового и изыскание возможностей;
- стратегические цели организации — успех определяется на базе обладания уникальными и современными технологиями и оказания самых современных образовательных услуг.

При этом курсанты отмечают, что предпочли бы значительное повышение организационной культуры по последнему параметру, что задает вектор для развития педагогических технологий в вузе (см. табл. 2).

В заключение подчеркнем, что организационная культура является важным компонентом

образовательной среды в образовательной организации, выступает носителем и транслятором профессиональных правил, норм и ценностей профессиональной деятельности, выполняет нормативно-регулирующую, интеграционную, адаптивную и охранную функции. Соответственно, при формировании профессиональных компетенций курсантов в образовательной среде вуза необходимо, как минимум, учитывать особенности организационной культуры вуза, а как максимум — управляемо формировать организационную культуру, способствующую построению соответствующих компетенций и профессионально важных качеств курсантов.

Различия в восприятии имеющихся и предпочтительных компонентов организационной культуры в среде сотрудников постоянного состава вуза и в курсантской среде не могут не отличаться. Значение имеют векторы различий и то, насколько эти различия способствуют или препятствуют формированию профессиональных компетенций курсантов и их личностному развитию как сотрудников полиции. Это требует более обширного и детального исследования организационной культуры разных вузов правоохранительных органов в современных условиях.

Рис. 4. Результаты в восприятии имеющихся (теперь) и предпочтительных (предпочт.) компонентов организационной культуры сотрудниками постоянного состава вуза и курсантами

¹ Адольф В. А., Лукьяненко М. В., Чурляева Н. П. Количественная оценка компетентности выпускников интегрированной системы обучения и возможности ее повышения // Педагогическое образование и наука. 2011. № 11. С. 22–31.

² Невирко Д. Д., Евтихов О. В. Организация и методика социопсихологического обеспечения учебной и служебной деятельности образовательного учреждения правоохранительных органов. Красноярск, 2012. 232 с.

³ Евтихов О. В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития. Красноярск, 2011. 288 с.

⁴ Евтихов О. В. Психология управления персоналом. СПб., 2010. 319 с.

⁵ Соломанидина Т. О. Организационная культура компании. М., 2009. 624 с.

УДК 159.923.2:340.143 – 057.36 (477)

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ МВД И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЕГО ГАРМОНИЗАЦИИ

И. В. Жданова, И. В. Ластовец

Представлены результаты исследования особенностей личностного развития курсантов, характеристики, взаимосвязанные с показателем гармоничности личности курсантов, проведена их факторизация. Выделены и описаны психологические условия гармонизации личностного развития курсантов МВД: наличие у курсантов мотивации к гармоничному развитию, субъектность их личности и ее рефлексивность.

Ключевые слова: личностное развитие, гармонизация, мотивация, субъектность, рефлексивность, курсант МВД.

Личностное развитие курсантов в условиях обучения в ведомственном высшем учебном заведении неразрывно связано с профессиональным развитием. Юношеский возраст — это период интенсивного формирования ядра личности и обогащения профессионально важными качествами. Ориентиром развития и формирования личности в данном случае являются профессиограммы, точнее, психограммы юридических и других профессий, востребованных в рамках осуществления правоохранительной деятельности.

В частности, профессиограмма следователя (по В. Л. Васильеву) ориентирует на развитие профессионально важных личностных качеств, необходимых для выполнения следователем поисковой (наблюдательность, любознательность, внимательность), коммуникативной (общительность, эмоциональная устойчивость, чуткость, умение говорить и слушать), удостоверительной (аккуратность, пунктуальность, развитая письменная речь), организационной (настойчивость, организованность, целеустремленность), реконструктивной (интуиция, общий и социальный интеллект), социальной (патриотизм, гуманность, честность, принципиальность, профессиональная этика) сторон деятельности¹. Ориентиры профессионально-личностного развития будущих правоохранителей рассматриваются в рамках решения вопроса о формировании психологической готовности курсантов к профессиональной деятельности². Проблема гармоничной личности и гармоничного развития представляет собой еще не освоенный теоретически и экспериментально пласт науки³.

Целью нашего исследования было установление психологических условий гармонизации личностного развития курсантов вузов МВД Украины. Предполагалось, что конечным результатом такой гармонизации должна быть гармонично развитая личность. Исходя из этого, были определены следующие задачи: проанализировать особенности развития личности курсантов первого — четвертого курсов методом срезов; установить степень гармоничности их личности; с помощью корреляционного анализа выделить личностные особенности, которые сопряжены (взаимосвязаны) с высоким уровнем гармоничности личности; определить структуру взаимосвязей между эти-

ми личностными особенностями путем факторного анализа, выделить наиболее значимые факторы. Полученные с помощью факторного анализа структурные единицы личности будут, по нашему мнению, отражать психологические условия гармонизации личностного развития курсантов.

В исследовании приняли участие 208 курсантов 1–4 курсов Национальной академии внутренних дел и Харьковского национального университета внутренних дел. Исследовались различные компоненты структуры личности курсанта: особенности мотивационной сферы личности, характера, эмоционально-волевой сферы, самоактуализации, личностной зрелости, саморегуляции и копинг-стратегий, выявлялся также уровень гармоничности личности курсанта с помощью методики О. Моткова «Личностная биография»⁴.

Результаты изучения различных параметров личности соотносились с показателями гармоничности личности с помощью корреляционного анализа. Показатели, по которым устанавливалась значимая положительная взаимосвязь, подвергались в дальнейшем факторному анализу. Значимыми мы считали факторные нагрузки, превышающие по модулю 0,4. Результаты исследования особенностей личностного развития курсантов в процессе их обучения в вузе МВД достаточно обширны и не могут, в связи с этим, полностью быть представлены в настоящей статье. Целесообразно отметить лишь некоторые тенденции развития.

С помощью методики Р. Кеттелла было установлено, что в процессе учебы в высшем учебном заведении у курсантов происходит уменьшение показателей по факторам А (открытость), F (беспечность), I (чувствительность), О (склонность к чувству вины, тревожность), Q1 (радикализм). Так, курсанты четвертого курса становятся более замкнутыми, скептическими, рассудительными, серьезными, «твердыми», ответственными, самостоятельными, спокойными, бесстрашными, консервативными, по сравнению с перво- и второкурсниками.

Анализируя динамику профессиональной мотивации, отметим, что профессионально-учебная мотивация первокурсников в первую очередь связана с избеганием неприятностей, проблем, критики в период адаптации к условиям учебы и службы. Мотивация курсантов второго и третьего курсов сопряжена с получением удовольствия от учебы, службы, самореализации в профессиональной деятельности. Профессионально-учебная мотивация выпускников-четверокурсников является смешанной, выявлено сочетание выраженной позитивной мотивации самореализации в избранной деятельности со снижением удовлетворенности от нее и актуализацией мотивов избегания неприятностей и проблем, связанных с несением службы и учебной.

Результаты исследования мотивации к здоровому образу жизни показали, что только 32% первокурсников имеют высокий уровень мотивации к здоровому образу жизни; 44% их проявляют средний уровень такой мотивации, а 24% курсантов первого курса имеют низкий уровень мотивации вести здоровый образ жизни.

Последнее обусловлено, в первую очередь, слабой выраженностью поведенческого компонента, противоречивым отношением к здоровому образу жизни и его составляющим. На четвертом курсе высокий уровень мотивации к здоровому образу жизни обнаруживают 36%, средний — 52% и низкий — 12% курсантов четверокурсников. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости целеустремленного формирования у курсантов вузов МВД Украины мотивации к здоровому образу жизни.

Исследование показало позитивную динамику личностной зрелости курсантов от первого курса к четвертому. В частности, зарегистрировано увеличение количества курсантов с очень высоким и высоким уровнем зрелости и уменьшение — с удовлетворительным и низким уровнем. Такая динамика осуществляется преимущественно за счет роста мотивации достижения курсантов, развития чувства гражданского долга и жизненной установки, эмоциональной устойчивости курсантов. Не претерпевают существенных изменений уровень отношения к своему «Я» и способность к психологической близости с другим человеком.

Курсантам, независимо от курса, чаще всего свойствен средний и высокий уровень гармоничности личности. При этом высокий уровень гармоничности личности по частоте проявлений достоверно увеличивается от первого курса к четвертому (21,8 и 39,6%; $p \leq 0,05$), а низкий уровень гармоничности, наоборот, с увеличением срока обучения диагностируется достоверно реже (27,3% — 1 курс и 9,4% — 4-й курс; $p \leq 0,05$).

В результате корреляционного анализа показателей личности и уровня ее гармоничности, а затем дальнейшей факторизации этих данных были выделены три фактора с максимальными показателями значимости: мотивация к гармоничному развитию (информативность 20,32%), субъектность личности (информативность 18,21%) и рефлексивность (информативность 14,36%).

Фактор «мотивация к гармоничному развитию» имел самую высокую информативность и складывался из следующих особенностей личности: мотивация саморазвития (0,912), наличие достаточного количества желаний на пути становления (причин типа «хочу») гармоничной личности (0,898), наличие потребности (причин типа «надо») быть гармоничной личностью (0,766), мотивация к здоровому образу жизни (0,775), внутренняя позитивная профессиональная мотивация (0,763), ценность самоактуализации (0,724), вера в свои возможности стать гармоничной личностью (0,598), креативность (0,544), мотивация достижений (0,533), позитивный взгляд на природу человека (0,518).

В фактор «субъектность» вошли следующие психологические особенности личности: общая интер-

нальность (0,922), в том числе интернальность в области достижений (0,751) и в области здоровья (0,678), активность (0,854), планирование (0,829), гибкость (0,710), самостоятельность (0,676), в том числе фактор Q2+ (0,522), продуктивные копинг-стратегии (0,835), в том числе копинг, ориентированный на решение задач (0,667), фактор I- твердость (0,627), фактор G+ сознательность (0,623), фактор Q3+ самоконтроль, сильная воля (0,589).

Фактор, который мы назвали «рефлексивность», включает в себя такие личностные особенности, как самопонимание (722), аутосимпатия (710), позитивное самоотношение (683), эмоциональная уравновешенность, рассудительность (635), способность к психологической близости с другими людьми (618), контактность (607), интернальность в области межличностных отношений (576), утонченность, пронизательность — фактор N+ (535).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что вероятность гармоничного развития личности курсанта повышается при наличии в структуре его личности перечисленных психологических характеристик, свидетельствующих о субъектности, рефлексивности его личности, а также о достаточно развитой мотивации к гармоничному развитию. Другими словами, можно констатировать, что мотивация, субъектность и рефлексивность личности являются психологическими условиями гармонизации личностного развития курсантов ведомственных высших учебных заведений.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на выделение конкретных направлений, механизмов и способов гармонизации личностного развития курсантов высших учебных заведений МВД Украины, а также на разработку дифференцированных психологических программ по гармонизации личностного развития курсантов, с опорой на психологические условия гармонизации.

¹ Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. 608 с.

² Петров В. Е., Харитиди Д. П. Динамика личностного становления студентов-юристов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №1. С. 67–69.

³ Додонов Б. И. Гармоническое развитие и типологическое своеобразие личности // Психология формирования и развития личности / под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1981. С. 284–304; Мотков О. И. Психологическая гармония. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychology.rsuh.ru> (дата обращения: 12.03.2014); Иванова И. Г. Гармонизация личности средствами календарно-игрового фольклора в процессе культурно-досуговой деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2012. 22 с.

⁴ Мотков О. И. Методика «Личностная биография» // Школьный психолог. 1998. №38. С. 8–9.

УДК 378:355

О ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОФИЦЕРА В ПРОЦЕССЕ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Д. А. Солоницын, С. А. Маврин

Представлен краткий анализ опытно-экспериментальной работы по реализации модели развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы. Определена структура педагогической культуры офицера в совокупности общепедагогического, субпедагогического, профессионального и личностного компонентов. Сформулированы положения о том, что для полноценного и комплексного развития педагогической культуры офицера необходима актуализация психологических механизмов и факторов развития этого профессионально важного качества личности.

Ключевые слова: педагогическая культура офицера, модель педагогической культуры офицера, критерии развития педагогической культуры офицера.

Актуальность проблемы развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы обусловлена нарастающим вниманием руководства Вооруженных сил России к боевой готовности воинских частей, возврату к первоочередности боевой подготовки среди функций мирного времени. Изменение квалификационных требований к военнослужащему, технологий военно-профессиональной деятельности, которым его следует обучать, сокращение срока службы вызывает необходимость интенсификации процессов обучения и воспитания военнослужащих; возникает потребность в использовании новых форм и методов педагогической работы.

В то же время с задачами обучения и воспитания личного состава успешно справляются далеко не все офицеры. Особые проблемы, возникающие у младших офицеров – вчерашних выпускников военных вузов, объясняются тем, что профессиональное военное образование не дает необходимой педагогической подготовки, а система непрерывного профессионального образования офицера находится в стадии становления и нуждается в определении соответствующих научно обоснованных целей и способов их достижения¹.

Названные основания, а также усиление в настоящее время роли педагогической деятельности в общей структуре военно-профессиональной деятельности офицера обуславливают важность развития педагогической культуры офицера. Данное личностное качество рассматривается нами с позиции культурологического подхода как составляющая предметной педагогической культуры общества и его социально-профессиональной группы, военно-профессиональной культуры, которая осваивается офицером и используется им в обучении и воспитании личного состава. В совокупности с результатами личностного и профессионального развития офицера она характеризует его как субъекта военно-педагогической деятельности².

На основе анализа современной педагогической теории и практики понятие «развитие педагоги-

ческой культуры офицера» рассматривается нами как диалектический, закономерный и необратимый процесс овладения офицером педагогической культурой общества и своей профессиональной группы, а также военно-профессиональной культурой, который определяется целенаправленно формируемыми условиями его военно-профессиональной деятельности и военно-профессиональной среды. Специфика протекания данного процесса обусловлена видами деятельности, в которых развивается педагогическая культура офицера: целенаправленной психолого-педагогической подготовкой, самостоятельной военно-педагогической деятельностью, самообразованием и самостоятельным профессиональным развитием.

Обращение к теоретическим основам процесса развития педагогической культуры офицера способствовало определению основных противоречий, выступающих движущими силами данного процесса. Противоречия общепедагогического, субпедагогического, профессионального и личностно-творческого уровней могут возникать в ситуации личностного и профессионального развития офицера целенаправленно и в специальных условиях. К таким условиям относятся: организованная инкультурация офицера в педагогическую культуру общества, своей профессиональной группы, а также военно-профессиональную культуру; рефлексия собственного развития как субъекта педагогической культуры; педагогическое сопровождение развития педагогической культуры офицера.

Наиболее значимым результатом теоретического исследования стало конструирование модели развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы как идеального, графически и логически описанного аналога организации военной службы офицера в воинской части, воспроизводящего те ее элементы, которые создают условия развития педагогической культуры офицера (рис.).

Структура модели включает целевой, содержательный, организационный, диагностический и результативный компоненты. Обращение к функциональному аспекту модели обеспечивает представление о целесообразной организации военной службы, в рамках которой происходит развитие педагогической культуры офицера. Операционный аспект модели отражает алгоритм воздействия на данный процесс специальным образом организованной военной службы: от момента прихода офицера в воинскую часть (первичной диагностики) до момента достижения им такого уровня развития, при котором он способен самостоятельно и мотивированно развиваться как субъект педагогической культуры, творчески относиться к педагогической культуре, добиваться за счет использования потенциала педагогической культуры эффективной военно-педагогической деятельности. Модель представляет этапы развития педагогической культуры офицера в процессе воинской службы: ориентировочный; внешней активности; внутренней активности; контрольно-аттестационный.

Для определения уровней развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы (базово-

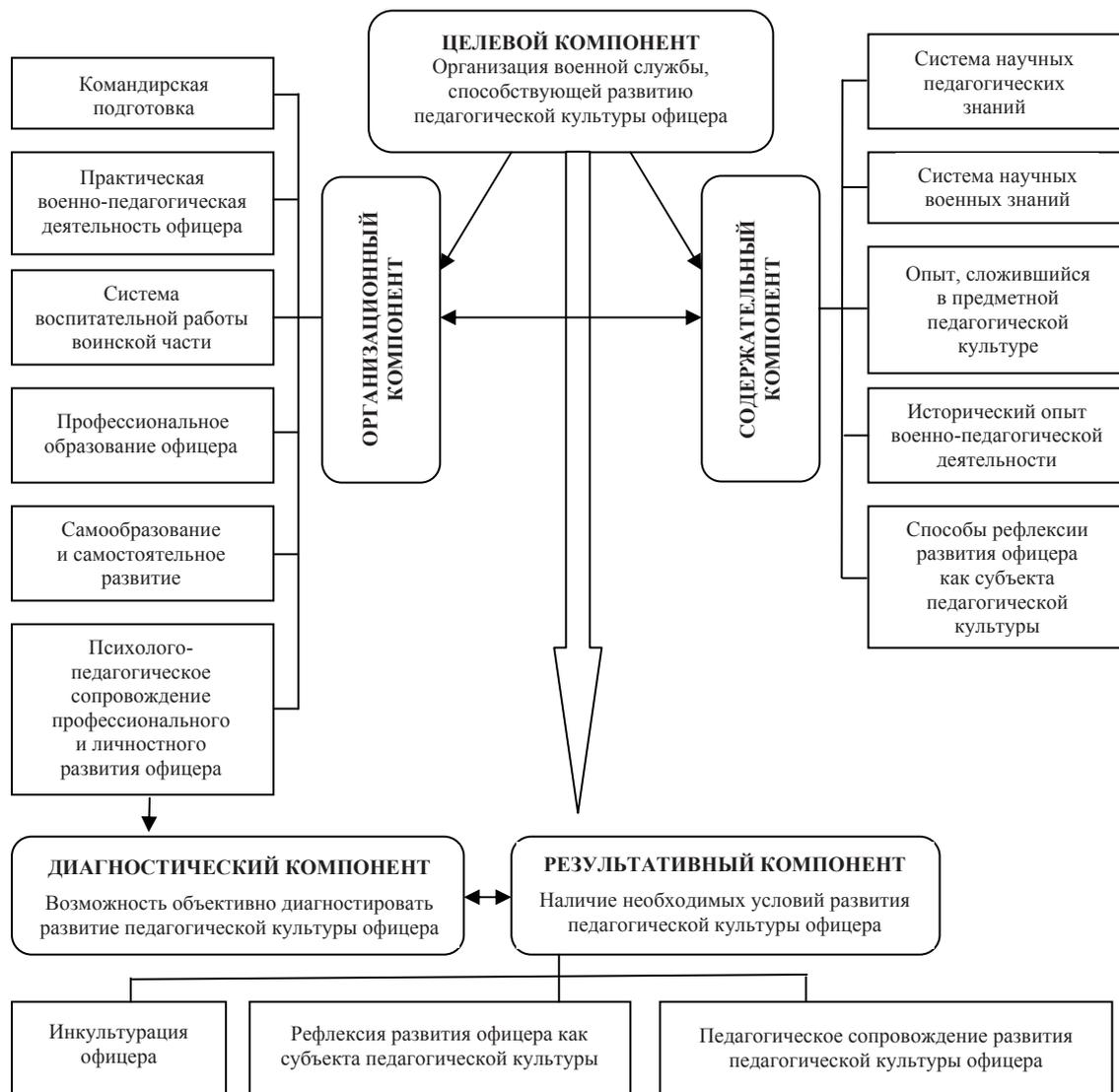

Рис. Модель развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы

го, повышенного, продвинутого, творческого) нами избраны критерии оценки — готовность к творческому преобразованию и использованию потенциала педагогической культуры в военно-педагогической деятельности — и показатели оценки, соответствующие четырем компонентам педагогической культуры³.

Реализация модели развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы была осуществлена в ходе опытно-экспериментальной работы. Она проводилась в пяти воинских частях, на базе которых были сформированы контрольные и экспериментальные группы.

Организация целенаправленного развития педагогической культуры офицера в условиях воинской части предусматривала приведение выполняемой им военно-профессиональной деятельности и окружающей его военно-профессиональной среды в соответствие с разработанной нами моделью. Диагностика процесса развития педагогической культуры офицера, проведенная в рамках контрольного этапа опытно-экспериментальной работы, показала, что данный про-

цесс в условиях войсковой практики характеризуется рядом противоречий, а также наличием факторов, обуславливающих усиление роли педагогической составляющей в военно-профессиональной деятельности офицера. Согласно данным диагностики, большинство молодых офицеров испытывали трудности в решении проблем педагогического характера, которые требовали от офицера самостоятельной постановки и решения задач, связанных с обучением и воспитанием личного состава. Одновременно с этим изучение войсковой практики показало, что в ней существуют все необходимые предпосылки для создания условий и формирования механизмов развития педагогической культуры офицера в соответствии с моделью, разработанной нами и представленной в теоретической части исследования.

В ходе формирующего этапа опытно-экспериментальной работы была осуществлена апробация модели развития педагогической культуры офицера в условиях войсковой практики; созданы в военно-профессиональной деятельности и военно-

профессиональной среде выделенные нами условия, обеспечивающие разрешение возникающих противоречий, движущих развитие педагогической культуры офицера. Меры, обеспечивавшие создание этих условий, включали групповые занятия в рамках командирских сборов; воспитательные мероприятия; специальный курс, включенный в программу командирской подготовки офицеров; активизацию процессов самообразования и самостоятельного развития педагогической культуры; индивидуальную воспитательную работу и др.

Использование избранного нами критерия и соответствующих показателей позволило на контрольном этапе опытно-экспериментальной работы дать оценку уровня развития педагогической культуры офицеров, включенных в контрольные и экспериментальные группы. Диагностика выявила более успешное развитие педагогической культуры у офицеров экспериментальных групп. К концу эксперимента это выразилось в отсутствии в данных группах офицеров с уровнем педагогической культуры ниже базового и превалированием офицеров, обладающих повышенным, продвинутым и творческим уровнями развития педагогической культуры (в контрольных группах их число менее 55%).

Условия подбора контрольных и экспериментальных групп, а также другие условия организации экспе-

римента позволяют заключить, что повышение успешности развития педагогической культуры офицеров экспериментальных групп является следствием выполненной опытно-экспериментальной работы по апробации разработанной нами модели.

Проблема развития педагогической культуры офицера в процессе военной службы сложна, многообразна и пока недостаточно изучена исследователями. Предложенный нами подход является лишь одним из возможных вариантов ее решения. Дополнительного изучения требует разработка теоретических аспектов использования средств развития педагогической культуры офицера, вопросов преемственности процессов развития педагогической культуры будущего специалиста в военном вузе и в период военной службы с точки зрения формирования и развития необходимых профессиональных компетенций.

¹ Лобач А. И. Формирование педагогической культуры у курсантов командных военных училищ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 23 с.

² Барабанчиков А. В., Муцынов С. С. Педагогическая культура офицера: научные поиски, войсковой опыт, практические рекомендации, взгляд в будущее. М., 1985. 159 с.

³ Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М., 2004. 208 с.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

УДК159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

А. А. Кузнецов, Л. Б. Кузнецова

Статья посвящена обоснованию социально-психологических условий развития социальной активности курсантов вузов системы МВД по результатам эмпирического исследования. Определяются основополагающие направления становления социальной активности курсантов в ходе профессионального обучения: развитие соответствующих свойств личности, формирование ценностно-ориентационного единства курсантских коллективов, создание условий для успешной самоактуализации личности и лидерского потенциала.

Ключевые слова: социальная активность, синергетический подход, свойства личности, самоактуализация, лидерский потенциал, ценностные ориентации.

Важнейшим фактором эффективного профессионального становления личности будущего сотрудника полиции, развития таких его качеств, как готовность к постоянному личностному и профессиональному росту, профессиональная и социальная мобильность, является его социальная активность. Собственная активность личности играет решающую роль в инициации процесса саморазвития и нередко превосходит по значимости даже такие базовые детерминирующие факторы, как биологические и социальные предпосылки развития.

Под социальной активностью курсанта юридического вуза мы понимаем системное личностное свойство, основной функцией которого является саморазвитие личности посредством созидательного вклада в жизнедеятельность других людей, социальных групп, общества в целом. В качестве методологической базы анализа социальной активности, как сложноорганизованного системного психологического феномена, мы используем синергетический подход. В русле данного подхода мы разрабатываем модель социальной активности курсанта юридического вуза.

Одной из прикладных задач нашего исследования является обоснование социально-психологических условий эффективного развития социальной активности курсантов вуза системы МВД России в ходе профессионального обучения. В данной статье представлена

попытка наметить основные направления реализации социально-психологического обеспечения формирования социальной активности курсантов в условиях юридического вуза.

Рассматривая социальную активность как системное психологическое явление, один из принципов развития которого представляет открытость, необходимо отметить внешние факторы влияния на динамическое равновесие данной системы. К числу внешних социально-психологических условий социальной активности относят:

1) особенности курсантского коллектива (уровень сплоченности, ценностно-ориентационного единства, характеристики групповой активности);

2) образ сотрудника полиции, сложившийся в обществе (представления о типичном сотруднике полиции, престижности профессии, идеальном сотруднике органов внутренних дел);

3) моральные нормы и ценностные ориентации, актуальные в современной молодежной среде;

4) образ полицейского, существующий на уровне профессиональной группы;

5) организационные формы и методы профессионального становления, реализуемые в учебном заведении¹.

Среди перечисленных факторов социальной активности наибольший интерес с точки зрения синергетического подхода представляет первый, поскольку курсантский коллектив, как субъект совместной групповой деятельности, является по отношению к социальной активности отдельно взятой личности макрофактором (системой порядка). Все остальные факторы являются по отношению к социальной активности отдельной личности мегафакторами, и по законам функционирования самоорганизующихся систем их влияние опосредовано макрофактором.

Важнейшим моментом является рассмотрение системы социальной активности курсанта юридического вуза в динамике: как функционирует этот сложный механизм, что запускает его работу, каким образом осуществляется переход на новый виток эволюционного развития. Ответы на данные вопросы чрезвычайно важны как в теоретическом аспекте, поскольку позволят создать синергетическую модель социальной активности курсантов – будущих полицейских; так и в прикладном аспекте, поскольку их решение будет способство-

вать более грамотной организации условий инициирования социальной активности курсантов в условиях вузовского обучения.

Как отмечает В. В. Гребнева, эффективное управление какой-либо системой возможно при «осуществлении на систему и ее компоненты резонансного воздействия, при котором внешнее влияние согласуется с внутренними свойствами системы»².

Применительно к нашей модели можно говорить о воздействии на личность малой группы, при котором индивидуальные ценности входят в резонанс с ценностями группы. Группу в этом случае можно рассматривать как мощный катализатор социальной активности личности. В терминах стратометрической концепции групповой активности А. В. Петровского, в данном случае мы имеем дело с феноменом ценностно-ориентационного единства³. Таким образом, именно формирование ценностно-ориентационного единства курсантских коллективов играет решающую роль в развитии системы индивидуальных ценностей отдельно взятых курсантов, которые, в свою очередь, выполняют функцию основного регулятора активности человека.

Проведенное нами эмпирическое исследование особенностей проявления социальной активности курсантами на протяжении всего периода обучения в ведомственном вузе позволило обосновать некоторые условия более успешной ее реализации. Перейдем к анализу выявленных нами особенностей, а также описанию связанных с ними условий развития социальной активности.

Анализ уровней проявления социальной активности курсантами позволил нам выделить следующие ее виды:

1) реактивность (низкий уровень социальной активности (СА)) — эпизодическая, обусловленная внешними факторами (участие в благотворительных акциях, организованных другими; помощь другим, когда они конкретно просят ее оказать);

2) средний уровень социальной активности — сознательная регулярная социальная активность (регулярная помощь другим, осознанная готовность участвовать в благотворительных акциях);

3) инициативность (высокий уровень социальной активности) — целенаправленное создание условий для генерации собственной СА (стремление участвовать в различных благотворительных акциях, участие в волонтерских объединениях);

4) актуализация инициативы членов группы (высший уровень социальной активности) — создание условий для генерации социальной активности окружающих, актуализация своего лидерского потенциала в соответствующей сфере социальной активности (например, организация волонтерской деятельности молодежи).

Полученные результаты позволили нам прийти к выводу о том, что наиболее глубокая, истинная социальная активность проявляется в том случае, когда личность задействует собственный лидерский потенциал, организуя активность других. Исходя из вышесказанно-

го, в качестве важнейшего условия развития социальной активности личности мы рассматриваем актуализацию лидерских функций курсантов в различных видах социально значимой деятельности. Таким образом, в качестве одного из направлений работы по развитию социальной активности будущих сотрудников полиции мы определили реализацию социально-психологических мероприятий, нацеленных на актуализацию лидерского потенциала будущих полицейских.

Кроме того, как показали результаты проведенного нами эмпирического исследования, немаловажную роль в проявлении курсантом социальной активности имеют особенности его личности. Анализ психических состояний и свойств личности, которые имеют первостепенное значение для процесса продуктивной реализации социальной активности, осуществлялся нами с использованием Фрайбургского личностного опросника. В частности, было выявлено, что к личностным предпосылкам успешной реализации курсантами социальной активности можно отнести экстраверсию, эмоциональную устойчивость, уверенность в себе, стремление к лидерству, объективность в оценке себя и других людей, инициативность, реалистичность, а также высокий уровень социально-психологической совместимости курсанта с сослуживцами. Свойствами личности, препятствующими благоприятной реализации курсантом социальной активности, являются как излишняя агрессивность, так и ее отсутствие. В первом случае причина блокирования продуктивной социальной активности — в особенностях эмоциональной сферы курсантов, которая характеризуется неустойчивостью, импульсивностью, низким самоконтролем, низкой социальной конформностью, а также повышенной восприимчивостью к ожидаемым враждебным сигналам со стороны социального окружения. Снижение же показателей агрессивности отражает позицию чрезмерного конформизма, приспособления, ухода от обсуждения острых вопросов, стремления всем угодить, что в конечном итоге ведет к утрате индивидуальности. Таким образом, определенный уровень позитивной агрессивности, выражающейся в напористости, отстаивании своей позиции, проявление индивидуальности являются существенными атрибутами социально активной позиции.

Результаты анализа личностных предпосылок успешной реализации курсантом социальной активности позволяют определить основные задачи программы оптимизации проявления социальной активности будущих сотрудников полиции в ходе обучения в вузе. В частности, можно выделить следующие задачи: 1) формирование эмоциональной стабильности личности (посредством развития и совершенствования навыков саморегуляции); 2) повышение уровня общительности, контактности, гибкости в общении (посредством развития соответствующих коммуникативных навыков); 3) оптимизация самооценки, развитие моделей уверенного, адекватного ситуации поведения. Данные задачи могут быть успешно решены, на наш взгляд, в условиях специально организованного социально-психологического обучения.

В процессе проведенного нами эмпирического исследования проверялась также гипотеза о высоком уровне самоактуализации как системообразующем факторе социальной активности курсантов ведомственного вуза. Полученные результаты позволили подтвердить данную гипотезу⁴. В частности, значимые различия с различной динамикой социальной активности были обнаружены у курсантов как по общему уровню самоактуализации, так и по ряду ее отдельных, в том числе базовых, параметров (автономность, ценности самоактуализирующейся личности, сензитивность, спонтанность, самопринятие, представление о природе человека, принятие агрессии, познавательные потребности). Следует отметить, что полученные нами данные согласуются с рядом исследований, проведенных другими авторами. Так, В. В. Гребнева рассматривает потребность в самоактуализации в качестве ядерного компонента модели оптимального функционирования и развития человека в отношении со средой⁵. В исследовании Л. Б. Кузнецовой, А. В. Медведева установлены взаимосвязи между параметрами самоактуализации личности курсанта и показателями его активности в сфере здоровьесбережения⁶. Таким образом, важнейшим фактором развития социальной активности курсантов является инициирование процесса их самоактуализации, благоприятные условия для которого могут быть созданы в условиях реализации тренинга личностного роста.

Обобщая изложенное, мы можем определить следующие основополагающие задачи развития социальной активности курсантов вуза системы МВД России в процессе профессионального обучения.

1. Развитие системы ценностей личности курсанта (как ядерного компонента социальной активности) посредством усиления ценностно-ориентационного единства курсантских коллективов.

2. Создание условий для более успешной самоактуализации личности курсантов (как системообразующего фактора социальной активности) в процессе реализации соответствующей развивающей программы.

3. Укрепление лидерского потенциала курсантов (как предпосылки проявления высшего уровня социальной активности) посредством реализации соответствующей программы тренинга.

4. Формирование системы личностных свойств, оптимизирующих проявление курсантами социальной активности в различных видах социально значимой деятельности, для чего целесообразно использовать соответствующую программу социально-психологического обучения.

Реализация данных направлений должна осуществляться поэтапно на протяжении всего процесса обучения в вузе и соответствовать логике и закономерностям происходящих социально-психологических процессов. С курсантами младших курсов, находящимися на ста-

дии адаптации, целесообразно работать над личностными предпосылками становления социальной активности, что позволяет создать базу ее благоприятного развития в дальнейшем. Так, по данным А. С. Чернышева и сотрудников, социальная активность на стадии адаптации может быть затруднена вследствие недостаточного развития социальных умений современной молодежи, таких, как способность конструктивно вступить в контакт, наладить гибкий диалог, определить свою позицию в группе, а также из-за отсутствия элементарных навыков эмоциональной саморегуляции⁷. На более старших курсах курсантские коллективы проходят последовательно стадии индивидуализации и интеграции. Содержанием данных стадий, следуя идеям А. В. Петровского, является соответственно, поиск членами групп средств обозначения собственной индивидуальности и принятие группой тех проявлений индивидуальности ее членов, которые соответствуют целям совместной групповой деятельности. В этот период оптимальным будет реализация развивающих программ самоактуализации личности, актуализации лидерского потенциала, повышения ценностно-ориентационного единства курсантских коллективов.

В заключение следует подчеркнуть важность анализа социально-психологических условий развития социальной активности курсантов вузов системы МВД России, как важнейшего профессионально значимого качества сотрудника полиции нового образца, основной задачей которого является реализация социальной функции, выраженной в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан.

¹ Томилова О. В. Социально-психологические условия профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 254 с.; Караваев А. Ф. Психолого-педагогические основы профессионального становления специалистов-сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие. М., 2005. 332 с.

² Гребнева В. В. Человеко-центрированное взаимодействие в вузе: теория, практика: учеб. пособие. Белгород, 2004. С. 13.

³ Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. 256 с.

⁴ Кузнецов А. А. Самоактуализация личности как системообразующий фактор социальной активности будущего сотрудника полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №3. С. 17–21.

⁵ Гребнева В. В. Системная модель оптимального функционирования и развития человека в проекции взаимодействия со средой // Проблемы современной науки: сб. науч. тр.: вып. 8. Ч. 2. Ставрополь, 2013. С. 60–76.

⁶ Кузнецова Л. Б., Медведев А. В. Самоактуализация как фактор сохранения психического здоровья студентов вуза // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 1. С. 117–122.

⁷ Чернышев А. С., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В., Скурятин В. И. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2007. 210 с.

УДК159.923.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАБОТЫ С СОТРУДНИКАМИ И КУРСАНТАМИ, НУЖДАЮЩИМИСЯ В ПОВЫШЕННОМ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВНИМАНИИ

И. Ф. Солдатова

Рассматриваются вопросы внимания к курсантам образовательных организаций МВД России (сотрудникам ОВД), испытывающим трудности при выполнении возложенных на них обязанностей. Предлагаются пути повышения эффективности психологической работы с данной категорией личного состава.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, адаптация, группа повышенного внимания.

Совершенствование деятельности органов внутренних дел МВД России, происходящее в рамках текущего реформирования ведомства, обуславливает высокие требования к уровню профессиональной подготовки и личностным качествам сотрудников органов внутренних дел. В то же время демографическая ситуация на рынке труда, уровень состояния здоровья россиян определяют неизбежность принятия на учебу лиц, не в полной мере соответствующих требованиям учебно-служебной деятельности курсантов образовательных учреждений МВД России и дальнейшей службы. Поэтому в вузах МВД России оказываются курсанты, испытывающие, в силу субъективных личностных особенностей, проблемы и трудности при выполнении возложенных на них обязанностей. Число таких курсантов в различных вузах МВД России составляет 20–30 % от общего числа курсантов и слушателей. Вместе с тем обучение в ведомственном вузе фактически представляет собой первый этап формирования профессиональной психологической пригодности молодых людей к службе в ОВД. И чем скорее и более оптимально пройдет их адаптация к условиям обучения, тем успешнее они смогут готовиться к предстоящей деятельности.

Кроме того, сотрудники, даже полностью соответствующие требованиям предполагаемой деятельности на момент поступления на службу, в ходе службы и личной жизни подвергаются воздействию различных стресс-факторов, деформации, что приводит к нарушениям дисциплины и законности, нервно-психическим заболеваниям. Все это обуславливает актуальность своевременного и систематического психологического обеспечения деятельности сотрудников этой категории.

Повышенное психолого-педагогическое внимание в целом представляет собой комплекс организационных, индивидуально-психологических и индивидуально-воспитательных мероприятий, проводимых должностными лицами и направленных на профилактику чрезвычайных происшествий среди личного состава и оптимизацию деятельности сотрудников (курсантов, слушателей), испытывающих затруднения в исполнении своих обязанностей в силу личностных особенностей или кризисной ситуации¹.

Говоря о психологическом обеспечении работы с курсантами, требующими повышенного внимания, следует заметить, что их возрастные особенности обеспечивают их большую восприимчивость к действию окружающей среды, в том числе и психокоррекционному воздействию. Они нуждаются в нем, принимают более активное и интенсивное вмешательство в свою деятельность, чем «взрослые» сотрудники ОВД. Поэтому психологическое обеспечение их адаптации, с одной стороны, должно быть ориентировано на компенсацию их индивидуально-психологических особенностей, затрудняющих учебно-служебную деятельность, а с другой — на создание в вузе условий, позволяющих на практике реализовать оптимальный индивидуально-воспитательный подход к проблемным курсантам. С этой целью, наряду с психокоррекцией курсантов непосредственно из группы повышенного внимания (ГПВ), сотрудники отделения обеспечивают психологическую работу других субъектов учебно-воспитательного процесса с этой категорией курсантов: активно консультируют руководителей курсов, преподавателей, кураторов об особенностях индивидуального подхода к проблемным курсантам, а иногда проводят беседы с их родителями.

Обеспечение психолого-педагогического воздействия на эффективность учебно-служебной деятельности курсантов из ГПВ часто диктует необходимость вмешательства в процессы их адаптации на организационно-психологическом уровне управления вузом в целом. Дезадаптация к служебной деятельности у курсантов возникает, существует и изменяется не в вакууме, а в организационном, материальном и духовном пространстве конкретного вуза МВД России, его формирующей специализированной среде, внешней по отношению к рассматриваемой проблеме. Системообразующая роль психолога в рамках всего учебного заведения в процессе разумного приспособления условий обучения в данном вузе к особенностям обучающихся становится возможной лишь на уровне руководства вуза. Именно через руководство, путем систематического анализа проблемы, повышения эффективности проводимых мероприятий, учебной, профессионально-служебной деятельности курсантов, слушателей и выпускников, подготовки рекомендаций и консультирования осуществляется влияние психолога на формирующую среду.

Такой комплексный подход способствует своевременной адаптации данной категории обучающихся к вузу и оптимизирует их личностно-профессиональное становление в роли курсанта и будущего сотрудника ОВД.

Опыт работы нашего отделения с курсантами из ГПВ позволил сформулировать определенные правила, способствующие повышению ее эффективности:

- максимальная активность психолога для своевременного выявления проблемных курсантов, с использованием для этого всех возможных источников информации;
- оперативное реагирование психолога при выявлении потенциально неблагополучного курсанта;

— эффективное психолого-педагогическое воздействие на межличностном уровне и комплексно, со стороны нескольких субъектов воспитания.

Опыт показал, что целесообразно выделять следующие категории курсантов (слушателей), которым необходимо повышенное психолого-педагогическое внимание:

- пережившие ситуацию критического инцидента;
- поведение и эмоциональное состояние которых стало отличаться от характерного для них ранее;
- занятые активным «поиском» денежных средств (возможна игровая зависимость);
- испытывающие трудности адаптации в курсантском коллективе или к условиям обучения в институте;
- систематически нарушающие дисциплину;
- имеющие признаки отклоняющегося поведения;
- имеющие большую академическую задолженность.

Вопрос установления ГПВ среди постоянного состава отработан в значительно меньшей степени, хотя очевидно, что он не столь актуален в образовательных организациях, как в практических подразделениях ОВД. Возможность подбора сотрудников в вузе на конкурсной основе позволяет принимать только рекомендованных сотрудников и работников. С целью контроля адаптации новых сотрудников психологи держат их в поле зрения, обращая внимание на их эмоциональное состояние при личной встрече, получая информацию у руководителей, через три месяца после принятия на службу или работу их приглашают для разговора.

Можно выделить следующие категории сотрудников, составляющих также ГПВ: переживших ситуацию критического инцидента; поведение и эмоциональное состояние которых стало отличаться от характерного для них ранее; систематически нарушающих дисциплину; с признаками отклоняющегося поведения.

В последнее время в нормативных актах МВД России, касающихся работы с личным составом, все больше внимания уделяется роли и ответственности непосредственного руководителя за морально-психологическое состояние подчиненных и профилактику чрезвычайных происшествий в подразделениях. Приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» определил критерии включения сотрудников (курсантов) в группу повышенного внимания, но до сих пор нет нормативно закреплённого порядка обмена информацией о данных лицах между заинтересованными сотрудниками.

Кроме этого, такие данные относятся к разделу персональных и требуют определенной деликатности и психологической компетенции от работающих с ними. Излишняя однозначность и формализм в отношении человека, находящегося в кризисной ситуации и нуждающегося в помощи, могут значительно затруднить эффективность ее оказания. С целью обеспечить системность, преемственность и своевременность работы с личным составом, нуждающимся в повышенном психолого-педагогическом внимании, в институте разработан ряд

локальных нормативных актов, в частности, инструкция о порядке организации работы с этой категорией сотрудников.

Руководители подразделений, получившие методические рекомендации по выявлению проблемных сотрудников, ежеквартально информируют психологов института о наличии или отсутствии сотрудников (курсантов), которые, на их взгляд, нуждаются в повышенном внимании. На основании их рапортов психологи активно, но с соблюдением требований профессиональной этики работают индивидуально с каждым сотрудником, оказывают ему психокоррекционную помощь, а руководителю — консультационную, в части индивидуально-воспитательного подхода к сотруднику. В разработанной инструкции определены также другие должностные лица, которым предоставляется информация о сотрудниках (курсантах), нуждающихся в повышенном внимании, определен порядок работы этих лиц с сотрудниками в зависимости от категории имеющих у них проблем. Опыт показывает, что такое организационное и содержательное дополнение к традиционной работе психологов с лицами, нуждающимися в дополнительном внимании, повышает своевременность и эффективность этой деятельности. Совместные усилия всех субъектов подготовки специалистов для ОВД в институте в работе с курсантами из ГПВ позволили за последние 5 лет добиться устойчивой тенденции снижения количества наказаний и отчислений курсантов и слушателей, ведь большую часть из них всегда составляют именно «проблемные» курсанты.

Кроме того, в институте для руководителей подразделений разработаны инструкция о порядке посещения сотрудника по месту жительства и методические рекомендации, освещающие социально-психологические и морально-этические аспекты, на которые следует обращать внимание при посещении сотрудника (курсанта) по месту жительства. Рапорт о посещении должен заканчиваться мнением руководителя о наличии (отсутствии) проблем у сотрудника, мероприятиях помощи в их решении, необходимости (да или нет) включения сотрудника в ГПВ.

Р. Г. Нурғалиев еще в 2005 г. в своем Обращении к сотрудникам ОВД и ВВ МВД указал на актуальные и для современного состояния ОВД аспекты: «...есть жесткие требования приказов, уставов, боевых распоряжений, но есть область более тонких человеческих отношений, которые невозможно предусмотреть в рамках циркуляров»². Организация работы в сфере этих «более тонких человеческих отношений» на этапе формирования личности будущего сотрудника полиции всеми субъектами учебно-воспитательного процесса — одна из основных практических задач психолога ведомственного образовательного учреждения.

¹ Солдатова И. Ф. Организация психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел, нуждающихся в повышенном психолого-педагогическом внимании: методическое пособие М., 2010. 104 с.

² Обращение министра внутренних дел Российской Федерации к сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск МВД России №1/5758 от 23.08.2005 г.

УДК 378

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ К ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. И. Борейко, А. Ф. Караваев

Отмечается, что в системе практической подготовки отсутствует ее важное звено — специальная учебная дисциплина по формированию базовых умений и навыков, а именно учебная практика. Обосновывается необходимость введения дисциплины «Учебная практика», которая имеет целью введение курсантов в профессиональную реальность посредством формирования основ профессионального мастерства в условиях учебно-воспитательного процесса в вузе в период, предшествующий проведению производственных видов практики.

Ключевые слова: модель, профессиограмма, готовность, практика, практическая подготовка, выпускники.

Современная вузовская педагогика использует богатый опыт советской системы высшего профессионального образования, так как проводимые в то время научные исследования были нацелены на поиск путей совершенствования сферы практической подготовки студентов, достижение ими профессионального мастерства и профессиональной готовности к производственной деятельности. Однако основные вопросы теории и практики вузовского образования по внедрению сквозной практики, разработке модели специалиста, определению квалификационных требований к выпускнику в силу действия перестроечных процессов остаются нерешенными.

Динамика социального запроса в системе общественных отношений «вуз — выпускник — рынок труда» актуализировала значимость профессиональной готовности выпускника. Явление конкуренции и понятие конкурентоспособности стали стержневыми в развитии рыночных отношений в сфере труда. Производственной сфере нужен специалист в «готовом виде»: знающий, умеющий, опытный, а не выпускник института с дипломом о высшем образовании, которого нужно «доводить» до уровня специалиста, что требует дополнительных затрат от предприятия, в чем оно, естественно, не заинтересовано.

Образовательный процесс в высшем учебном заведении предусматривает осуществление теоретической и практической подготовки студентов путем освоения ими программ учебных дисциплин в соответствии с учебным планом и согласно государственному образовательному стандарту по избранной специальности, включающему также и основные квалификационные требования к выпускнику.

Задача вуза по подготовке специалиста, вооруженного необходимыми знаниями, умениями и навыками, обладающего способностью и готовностью осуществлять профессиональную деятельность, решается преимущественно в части, относящейся к области теоретической подготовки. Обеспечение готовности выпускника эффективно осуществлять профессиональную

деятельность как задача практической подготовки является хронически отстающим звеном в образовательной системе вуза.

Проблема низкого уровня профессиональной практической подготовленности выпускников к производственной деятельности обусловлена рядом серьезных причин: динамичностью социального запроса, недостаточной лабильностью образовательного процесса в вузе, отсутствием концепции профессиональной готовности выпускника вуза.

Система практической подготовки студентов в вузе ориентирована на достижение ими профессионального мастерства и предусматривает формирование профессиональных умений, навыков на практических занятиях, а также опыта практической деятельности в условиях производственной практики. Таким образом, профессиональная практическая подготовка включает несколько этапов: формирование элементарных умений и навыков, затем вариативных навыков, творческих умений; и далее: освоение отдельных видов профессиональной деятельности, овладение основами профессиональной деятельности в целом, приобретение опыта профессиональной деятельности на репродуктивном уровне, достижение профессионального мастерства, профессионализма.

Если профессиональное мастерство определяется критерием эффективности профессиональной деятельности, осуществляемой в стандартных, типичных условиях, то понятие профессионализма связано с критерием профессионального творчества, способностью к творческим решениям, принимаемым в нестандартных условиях, созданию и решению принципиально новых производственных ситуаций.

Границы задачи вуза по осуществлению практической подготовки будущего специалиста, его профессиональной готовности очерчиваются рамками достижения им профессионального мастерства и связанного с ним индивидуального стиля профессиональной деятельности, совокупно с развитием его творческих способностей, как базы, необходимой для достижения им профессионализма самостоятельно, уже в условиях трудовой деятельности.

В целях нивелирования недостатков профессионально-практической подготовленности выпускников вновь актуализируется необходимость введения института наставничества. С качеством профессиональной подготовки выпускников связан еще один немаловажный вопрос — оценка деятельности высшего образовательного учреждения, достижение им авторитета и престижа.

Исследование причин слабой профессиональной практической подготовки выпускников побудило авторов обратить внимание на процесс практической подготовки как на самостоятельную отрасль в образовательной системе вуза. Существующая система практической подготовки складывается из следующих звеньев: практические занятия, учения, ознакомительная практика в органах внутренних дел, практика по профилю специальности, преддипломная практика.

В результате анализа существующей системы обнаруживается парадоксальный факт: в системе практической подготовки отсутствует ее базовое звено — специальная учебная дисциплина по формированию базовых умений и навыков, а именно учебная практика. Таким образом, минуя этап формирования элементарных умений и навыков, курсанты от практических занятий переходят к обучению в естественных условиях производственной деятельности.

Учебная практика имеет целью введение курсантов в профессиональную реальность посредством формирования основ профессионального мастерства в условиях учебно-воспитательного процесса в вузе. Целенаправленное формирование базовых умений, профессиональной техники и опыта репродуктивной деятельности является необходимым этапом профессиональной практической подготовки курсантов в период, предшествующий проведению производственных видов практики.

Учебная практика является самостоятельной учебной дисциплиной и необходимым видом профессионального обучения, она решает задачи формирования базовой профессионально-практической подготовки и обеспечения подготовительного этапа к практике по профилю специальности на 3 курсе и к преддипломной практике на 5 курсе.

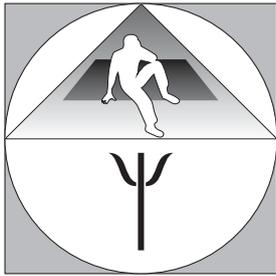
Совершенствование системы практической подготовки курсантов путем введения учебной практики сопряжено с проведением таких сложных и объемных научных исследований, как разработка профиограммы специальности и модели специалиста, имеющих большую не только практическую, но и социальную значимость.

Концепция профессиональной готовности выпускника определяет принципы, методы и средства ее анализа и оценки, актуализируя необходимость разработки в этих целях научно обоснованной системы ее критериев. Рейтинговая система оценки уровня профессиональной подготовленности курсантов вне разработки профиограммы и модели специалиста не обеспечивает объективность в определении степени профессиональной готовности выпускника.

Концепция профессиональной готовности выпускника служит базой образовательного процесса вуза, является научно обоснованной системой практической подготовки путем разработки ее теоретических основ, систематизации видов практической подготовки, оценочных критериев достигнутого курсантами уровня сформированности профессиональных умений и навыков, опыта практической деятельности, а также введения учебной практики.

Разработка концептуальных основ профессиональной готовности выпускника имеет целью унификацию критериев ее оценки в программах практики, приведение их в соответствие с требованиями к практической подготовке в профиограмме, модели специалиста и государственном образовательном стандарте по специальности.

Потребность в современной модели профессиональной готовности выпускника вуза к осуществлению производственной деятельности ориентирует прежде всего на разработку конструктивной модели системы профессионально-практической подготовки с опорой на сквозную практику, нормы для каждого этапа, ориентиры для совершенствования.

УДК 343.581

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Д. Г. Кишеньков

Обосновывается значимость изучения личности студентов-преступников для определения криминологической характеристики преступности в этой среде. Приводится анализ личностных особенностей студентов, совершающих противоправные деяния.

Ключевые слова: студенческая преступность, личность преступника, мотивы совершения преступлений.

В криминологии исследование преступника и его личности имеет важное значение. Прежде всего потому, что, получив в процессе изучения информацию о составляющих личности преступника, мы получаем материал для дальнейшей организации предупреждения противоправных деяний. Преступление представляет собой акт человеческого поступка и волеизъявления конкретного лица, он происходит в основном от его сущностной характеристики и личностных особенностей. Таким образом, преступление и преступник являются составляющими механизма преступности. Их познание позволяет дать криминологический материал для последующей организации и осуществления предупреждения преступлений. Изучение личности, в том числе правонарушителя-студента, невозможно без изучения его взаимодействия с окружающей средой, так как конкретная среда может иметь весьма существенную специфику в отношении условий, факторов, элементов общественной жизни, определяющих социальное поведение правонарушителя, каналов, по которым происходит формирование его личности, и т. д.

Общеизвестно, что личность преступника — это основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения. Ее особенности, порождающие такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия¹.

Без изучения личности «невозможно достаточно полно установить причины и условия конкретного преступления, вскрыть механизм индивидуально-преступного поведения, выработать меры индивидуальной профилактики преступлений»². Без изучения личности, ее качеств, генетически связанных с противо-

правным поведением, иногда нельзя определить неблагоприятные социальные условия, стоящие за таким поведением. В этом случае исследователь сначала изучает личность, выявляет соответствующие криминогенные характеристики и сформировавшие их условия, а затем уже на этой основе делает выводы более широкого плана, указывает на социальные процессы и явления, носящие криминогенный характер³.

При рассмотрении личности правонарушителя, студента высшего учебного заведения, на наш взгляд, следует выделить его общие характеристики и некоторые закономерности его формирования в качестве такового.

Численность студентов вузов России на начало 2012/13 учебного года, обучающихся по очной форме обучения, составляла 3017,4 тыс. человек⁴. Состав студенчества достаточно специфичен, он представлен всеми слоями населения приблизительно одинакового возраста (17–25 лет), с определенным уровнем образования и общественного развития. Этот состав обновляется ежегодно за счет поступления первокурсников и выпуска дипломников.

Студенческая преступность преимущественно мужская, доля лиц женского пола составляет всего 9%. Существующие различия в удельном весе мужчин и женщин, совершивших преступления, объясняются, конечно, не биологическими особенностями полов, а рядом обстоятельств, например таких, как социальное положение женщин и девушек в семье, более тесная, в отличие от мужчин и юношей, связь их досуга с домом и так далее.

Как показывают исследования ряда ученых, приезжие студенты совершают отклонения от общественных норм поведения намного реже. На наш взгляд, эта тенденция сохраняется лишь на протяжении первых двух лет обучения. Связано это в первую очередь с закрепощенностью и нерешительностью таких студентов в этот период, с их желанием «оглядеться» и не выделяться из толпы. Однако в этот период одновременно происходит внутренний поиск кумира, идеала, на который они хотели бы равняться, подражать. Как нередко подчеркивают сами правоохранители, данный выбор во многих случаях, в зависимости от различных критериев, останавливается на злостных правонарушителях, морально деградирующих, с ярко выраженным девиантным поведением⁵.

Следует согласиться с Т. А. Нечаевой в том, что на первом году обучения правонарушений немного, они достигают своего пика на третьем и четвертом году обучения, а начиная с пятого года резко снижаются. При этом, по мнению автора, уменьшение числа правонарушений к последнему курсу обусловлено: возросшим самосознанием, связанным с эффективностью проводимой воспитательной работы; страхом перед наказанием (отчисление из вуза, привлечение к уголовной ответственности). Кроме того, следует признать верным утверждение автора о том, что несовершеннолетние студенты крайне редко совершают как уголовные правонарушения и административные проступки (1% общего количества), так и дисциплинарные проступки (5%)⁶.

При прочих показателях, исследователи выделяют повышенную криминализацию студентов, обучающихся на экономических и юридических факультетах в зависимости от курса обучения. Причины этому, на наш взгляд, следует искать в психологической и морально-нравственной сфере. Так, Э. Н. Ольшевская отмечает, что «студенты гуманитарных специальностей отличаются более развитыми нравственными понятиями, выраженной эмоционально-нравственной оценкой межличностных отношений, положительным эмоционально-личностным отношением к понятию «мораль». У студентов экономических специальностей более выражен низкоадаптивный уровень эмоционально-нравственной самооценки межличностных отношений, наблюдается слабое развитие нравственных понятий. В процессе обучения в вузе моральное самосознание студентов гуманитарного профиля изменяется: снижается уровень моральной оценки, отмечается невыраженность нравственных представлений и понятий»⁷. Другие исследователи также отмечают у студентов экономических специальностей слабое развитие морально-ориентированных представлений и нравственных понятий⁸.

Говоря о культурном уровне и интеллектуальном развитии правонарушителей, совершивших уголовные преступления и административно наказуемые проступки, нарушивших правила поведения в вузе, можно отметить у большинства этих лиц интеллектуальную пассивность и правовой нигилизм. Преобладающие интересы их связаны с развлечениями. Они убеждены во всеильном значении денег, оценивают свою будущую профессию прежде всего с точки зрения вознаграждения, получаемого за труд. Треть студентов убеждены, что работать по специальности они не будут⁹.

Студентов, привлеченных к ответственности за злоупотребление спиртным, характеризуют в большей части слабая физическая подготовка, безволие, трудности в учебе. Как правило, лица, доставленные в отдел полиции, неверно оценивают свое поведение: 70% из них отрицают факт сильного опьянения, оправдываются, что не давали повода к задержанию. Напротив, лица, совершившие хулиганские действия нетрезвыми и привлеченные к уголовной или административной ответствен-

ности, в основном раскаиваются в содеянном (90%), хотя и считают наказание чрезмерным. Правильная оценка своего антиобщественного поведения свойственна почти всем студентам, привлеченным к уголовной ответственности за кражу.

Криминологическая характеристика личности студентов-преступников не будет являться полной, если в ней не рассмотреть нравственно-психологические черты и, прежде всего, системы ценностных ориентаций рассматриваемых правонарушителей. Изучение этого также позволяет определить основные факторы, влияющие на процесс формирования качеств личности рассматриваемой категории студентов.

Для правонарушителей, склонных к совершению преступлений, характерными являлись:

— ограниченность интересов и потребностей в сфере образования и культуры, увлеченность потребительским досугом. Значительная часть из них (более 50%) не интересовалась политическими, социально-культурными и другими событиями, происходящими в нашей стране;

— у лиц, отличающихся пассивным отношением к явлениям окружающей жизни, наблюдается ограниченность выбора и использования каналов своего культурного роста. Так, не более 15% лиц изучаемой категории в свободное время читали книги, газеты, журналы или смотрели телевизионные программы, причем в основном спортивные и развлекательные.

Как известно, такое проведение свободного времени способствует усилению разного рода негативных влияний, детерминирующих формирование антиобщественных черт личности, в частности, потребительских, эгоистических интересов и привычек.

Неразвитость потребностей и интересов приводит к извращенности мировоззрения значительной части исследуемых лиц. В этом случае имеется в виду наличие у студентов искаженных житейских представлений о смысле человеческой жизни, содержании ряда моральных понятий, обязанностей членов общества и др. Например, выборочный опрос изучаемой категории правонарушителей относительно их идеалов показал, что 40,0% из них ориентируются на людей, умеющих «жить и делать деньги»; 12,7% — на умеющих любыми средствами делать карьеру; 7,3% — на живущих ради других и 2,7% — на «воров в законе».

Для преступной деятельности изучаемой категории лиц приоритетными являются корыстные мотивы в таких модификациях: желание иметь деньги (45,3%); желание иметь престижные вещи (31,3%); стремление обладать вещами и деньгами, чтобы иметь преимущество перед друзьями (16,2%).

Сравнение трудовых ценностей студентов со структурой аналогичных ценностей поколения их родителей позволяет зафиксировать особенности сформированной в современных условиях профессионально-трудовой культуры. Суть в том, что трудовые ценности замещены материально-статусными. Современные студенты не рассматривают труд как терминальную ценность. «Труд» как

социально-экономическое и социокультурное явление переросло в «работу» как функционально необходимое условие выживания в ситуации жесткой конкуренции на рынке труда. Образование в этом контексте выступает как важнейший фактор повышения конкурентоспособности студента на рынке труда. Интерес к специальности заменяется у современных студентов материальными и карьерными потребностями. Для студентов негосударственного вуза эти потребности являются основополагающими. Базовое образование студенты рассматривают как функционально необходимое, а выбор дополнительного образования принимает социокультурную направленность¹⁰.

Каждая социально-экономическая группа молодежи обладает своим набором жизненных ценностей. Социально значимые ценности преобладают у студентов-выходцев из семей рабочих. Их система ценностей соответствует стандартам социальной модели рабочего класса. Студентам-выходцам из крестьян присуща социально неопределенная структура жизненных ценностей, которая свойственна патриархально замкнутым группам; по своей сущности она отличается простотой, низким уровнем зрелости. Система жизненных ценностей студентов-выходцев из семей интеллигенции наполнена социокультурными и нравственными ценностями. Это соответствует традиционному предназначению данной социальной группы. Выходцы из семей работников торговли и обслуживания ориентированы в большей мере на индивидуалистические ценности, для них самым важным в жизни являются личная жизнь, семья и ее материальное благополучие. У детей коммерсантов, предпринимателей, бизнесменов сформирована прагматическая, ориентированная на экономические блага система жизненных предпочтений. Она в полной мере отражает культурную модель, характерную для мелкой буржуазии. Студенты-выходцы из семей служащих обладают смешанной системой жизненных координат¹¹.

В эмоционально-волевой сфере у исследуемых правонарушителей чаще всего фиксируются жадность, равнодушное отношение к переживанию других, притупленное чувство стыда, проявившееся у каждого второго обследованного лица; негативные волевые свойства (такие, как несамокритичность, слабости и податливость чужому влиянию и др.), нашедшие проявление у каждого третьего обследованного правонарушителя.

Обобщая приведенные характеристики личности, можно выделить наиболее часто встречающийся образ студента, совершившего преступление. Преимущественно это мужчина в возрасте от 18 до 25 лет,

не имеющий физических и психических заболеваний. Это объективно, так как корыстно-насильственные преступления в основном не требуют особых интеллектуальных данных, но при их совершении необходимы физическая сила и агрессивность. Он не женат, не имеет детей и не отягощен грузом ответственности перед семьей. Основным его времяпрепровождением является распитие спиртного и употребление стимулирующих веществ. У него ярко выражено негативное восприятие действительности и мира вне его узкой компании. Он стремится к «легким деньгам», в результате чего идет на совершение преступлений. Мотивом преступлений лиц этой группы является корысть, а насилие помогает добиться своей цели. Это наиболее общее описание студента, совершающего противоправное деяние. Конечно, в конкретном случае мы будем иметь дело со специфической ситуацией и набором причин и условий, способствующих формированию такой личности, но общие закономерности в большей или меньшей мере найдут свое отражение в любом преступнике.

¹ Антонян Ю. М. Мотивация преступного поведения // Юридическая психология. 2006. № 1. С. 19.

² Петросян О. Ш. Личность преступника, совершающего преступления в сфере обеспечения финансовой безопасности // Рос. следователь. 2010. № 17. С. 30.

³ Демко О. С. Формирование правовой культуры в системе предупреждения преступности учащейся молодежи: монография. Белгород, 2008. С. 47.

⁴ Молодежь в России. 2013: стат. сборник. М., 2013. С. 78.

⁵ Прокопенко Н. Н. Об особых признаках внешности современной молодежи и значении их в решении задач расследования преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2. С. 114.

⁶ Нечаева Т. А. Профилактика правонарушений в студенческой среде как формирование личности в обществе. URL: www.nostalgia.ncstu.ru (дата обращения: 21.04.2014).

⁷ Ольшевская Э. Н. Когнитивный и эмоциональный компоненты морального самосознания студентов вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. С. 8.

⁸ Барияк И. А. Мотивация учебной деятельности курсантов и студентов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. №3. С. 28.

⁹ Барсукова Т. И. Девиации в студенческой среде вузовских второкурсников и пути их преодоления // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2012. № 4. С. 137.

¹⁰ Белоусов К. Ю. Социальный контроль девиантности в среде студенческой молодежи // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 5 (25). С. 68.

¹¹ Росина Н. Л. Становление студента как субъекта будущей деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. №4. С. 33.

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ

Е. А. Логинов

Статья посвящена изучению комплекса причин, способствующих совершению преступлений условно осужденными в период испытательного срока. Целью является разработка профилактических мероприятий.

Ключевые слова: условно осужденные, причины преступного поведения, объективные и субъективные причины преступлений.

Анализ комплекса причин совершения преступлений условно осужденными следует начать с рассмотрения вопроса об их причинах, объективных и субъективных обстоятельствах, способствующих совершению лицами этой категории новых преступлений. Разработанные в криминологической науке положения о причинах преступности как массового социального явления находят свое отражение и в причинах преступлений, совершаемых условно осужденными.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что совокупность причин, способствующих совершению преступлений условно осужденными, по своей природе не выходит за пределы общих причин преступности, а находится под их непосредственным воздействием. В то же время преступность условно осужденных может быть рассмотрена как часть общей преступности, выраженной в виде рецидивной преступности¹.

Обстоятельства, способствующие совершению преступлений условно осужденными, следует определять как взаимообусловленные негативные социальные явления, объединенные общей природой зарождения и развития, в рамках которых с наибольшей долей вероятности создаются условия для противоправных деяний. Основными из них можно считать криминогенные проявления в сферах экономики, социальных отношений, политики, нравственного состояния общества и т. д.²

Условно осужденный в процессе своей жизни задействован в различных сферах общественных отношений, будь то семья, работа, досуг и т. д. Каждая из этих сфер обладает набором криминогенных факторов, которые в своей совокупности детерминируют преступное поведение условно осужденного в той или иной конкретной ситуации³.

Наиболее значимые с криминологической точки зрения обстоятельства, способствующие совершению повторных преступлений в период испытательного срока, можно разделить на две условные группы:

— объективные, которые охватывают определенный круг явлений организационного, правового, воспитательного характера;

— субъективные, которые относятся непосредственно к личности условно осужденного.

Нельзя не согласиться с мнением ряда авторов⁴, которые полагают, что к объективным факторам, влекущим за собой возможность совершения преступления условно осужденным в период испытательного срока,

следует относить особенности социальной среды, способствовавшие совершению первого преступления, наказание за которое было назначено условно. Повторное преступление детерминируют те же негативные обстоятельства, которые и привели условно осужденного к совершению первого преступления. Обусловлено это воспитанием условно осужденного в негативной среде, которая толкает его на преступление⁵. После применения к лицу условного осуждения данные обстоятельства в большинстве случаев не только не устраняются, а нередко усугубляют свое воздействие на него.

Субъективным обстоятельствам можно отвести основную роль в процессе формирования антиобщественной установки условно осужденного, так как совершение первого и повторного преступлений обусловлено сформированной установкой личности. В то же время объективные обстоятельства, влияющие на рецидивную преступность условно осужденных, в значительной степени проявляют себя в процессе социализации его личности. Воздействие данных обстоятельств на криминогенную ситуацию в стране прослеживается через широкий круг процессов и явлений политического, экономического, правового, психологического и иного характера. Способ их влияния на преступность условно осужденных достаточно сложен, но в то же время без их изучения невозможно определение негативных процессов, способствующих преступности среди данной категории осужденных.

В процессе проведенного нами исследования изучалось мнение работников уголовно-исполнительных инспекций об основных причинах совершения преступлений условно осужденными. Наиболее распространенным обстоятельством, оказывающим влияние на возможность совершения преступления условно осужденным в период испытательного срока, было признано ощущение «безнаказанности» лица за совершенное преступление, наказание за которое было назначено условно, его назвали более 85% опрошенных. Данное мнение обуславливается рядом факторов, наличие которых не позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что после применения к лицу условного осуждения он претерпевает негативное воздействие условного осуждения в процессе его исполнения, за исключением факта наличия судимости. Некоторые из таких факторов будут рассмотрены далее.

Одним из обстоятельств, которое непосредственно влияет на состояние рецидивной преступности условно осужденных, является недооценка общественной опасности данного вида преступности, которая привела к отставанию форм и методов работы правоохранительных органов по борьбе с данной преступностью. Немаловажным является и то, что формирование антиобщественной установки личности условно осужденного находится в прямой зависимости от недостатков в деятельности правоохранительных органов. Негативно данное обстоятельство сказывается и на деятельности судов при принятии решения об условном осуждении, что может быть подтверждено результатами нашего исследования, по результатам которого 93% опрошенных работников уголовно-исполнительных инспекций указали данное обстоятельство

в качестве основополагающего элемента, влияющего на преступность условно осужденных.

Отрицательное воздействие на поведение условно осужденных оказывает влияние на них криминальной среды, а также негативное воздействие их окружения, что отмечено в 50 и 54% случаев соответственно. Проникновение криминальной субкультуры в общество служит фактором, влияющим на рост уровня как рецидивной преступности в целом, так и повторной преступности условно осужденных. Как уже упоминалось ранее, условно осужденные в силу своего социального статуса становятся носителями криминальной субкультуры и в разной мере поддерживают установленные ею традиции. Указанные тенденции поддерживает и насаждение законов и правил криминальной субкультуры в молодежной среде.

Следует констатировать тот факт, что в последнее время произошли ослабление нравственных и социальных институтов общества, снижение значимости роли семьи, потеря культурного наследия, коренное изменение взглядов на моральные ценности, провозглашен культ насилия, что в той или иной мере влияет на уровень повторной преступности условно осужденных. Данные обстоятельства приводят к ослаблению и даже разрушению социально полезных связей условно осужденных, а также к трудностям социальной адаптации после осуждения, проблемам трудового, жилищного и бытового устройства. Материальная необеспеченность и низкий уровень доходов условно осужденных был отмечен в 61% случаев. Одним из основных факторов, обуславливающих данное обстоятельство, является проблема трудовой занятости условно осужденных.

В криминологической литературе давно отмечено, что среди преступников доля неработающих выше, чем среди законопослушных граждан, а неработающих в числе рецидивистов больше, чем в числе других преступников. Констатация указанных фактов приводит некоторых авторов к заключению, что вообще неработающие лица более склонны к совершению преступлений⁶, а определенной части преступников свойствен паразитический образ жизни⁷.

Возможность трудовой занятости условно осужденных относится к числу практически не решаемых проблем. Связано это прежде всего с законодательной регламентацией процедуры признания лица безработным. Так, безработными не могут быть признаны граждане, осужденные по решению суда к исправительным работам, а также к наказанию в виде лишения свободы. Данная норма распространяется и на граждан, наказание которым назначено условно, так как суд, применяя к лицу условное осуждение, устанавливает осужденному испытательный срок, в течение которого он должен своим поведением доказать свое исправление.

Учитывая изложенное, граждане, обратившиеся в центр занятости населения, которые по решению суда осуждены к лишению свободы условно, не могут быть признаны в качестве безработных до полного истечения установленного решением суда испытательного срока либо до его истечения, но на основании соответствующего решения суда об отмене условного осужде-

ния и о снятии с осужденного судимости. По истечении испытательного срока контроль за поведением условно осужденных прекращается, они снимаются с учета уголовно-исполнительной инспекции и впоследствии на общих основаниях могут обратиться в центр занятости населения и быть признанными безработными в соответствии с законодательством о занятости населения.

Серьезное влияние на уровень повторной преступности условно осужденных оказывает несовершенство процесса назначения наказания. Так, более 59% опрошенных указали тот факт, что суды применяют условное осуждение обоснованно только в половине всех случаев. Общеизвестно, что для эффективной реализации целей наказания необходимо его соответствие нормам закона, характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельствам дела, при полном учете смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств. Неэффективен как не в меру мягкий приговор, так и слишком суровый. Первый рождает надежду на возможность «легко отделаться» в случае совершения повторного преступления, снижая или устраняя чувство страха перед наказанием. Второй подрывает в условно осужденном веру в справедливость, вызывает в нем внутренний протест, озлобление⁸.

К сожалению, приходится обращать внимание на проявление недостатков в работе уголовно-исполнительных инспекций и малую эффективность контроля за поведением условно осужденных. При этом не в полную меру используются возможности контроля со стороны органов внутренних дел за лицами, чье поведение свидетельствует о вероятном совершении повторного преступления⁹. Подробнее следует остановиться на вопросе о нагрузке сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Научно обоснованные нормативы и показатели зарубежной практики дают основания говорить о том, что на одного специалиста должно приходиться около 50 осужденных¹⁰. В России в начале 2000-х гг. во многих УИИ средняя нагрузка составляла 212 осужденных на одного сотрудника, а в отдельных районах — 260 осужденных в год¹¹. В настоящее время нагрузка на одного сотрудника УИИ должна составить около 50 осужденных. Такой вывод следует из постановления Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360, утвержден соответствующий норматив — 2,1% среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях¹². Однако проведенные нами исследования показали несоответствие данного факта действительности по причине распределения нагрузки не только на сотрудников, осуществляющих непосредственный контроль за осужденными, но и на бухгалтеров, начальников уголовно-исполнительных инспекций и психологов, которые фактически не реализуют указанные мероприятия.

В таких условиях сотрудники инспекций успевают осуществлять только учет осужденных, на непосредственную работу, общение с ними остается минимум времени. Например, если средняя нагрузка на одного сотрудника уголовно-исполнительной

инспекции составляет 110 осужденных в год, на проведение воспитательной работы с каждым под-учетным приходится 40 минут в год¹³. Формальное осуществление контроля за осужденными создает почву для проявления ими своих негативных качеств. Поэтому только оптимизация нагрузки, в том числе путем увеличения штатной численности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, позволит более эффективно осуществлять контроль за состоящими на учете условно осужденными.

Непосредственным обстоятельством, влияющим на повторную преступность условно осужденных, можно считать злоупотребление спиртными напитками, данное обстоятельство было отмечено более чем в 78% случаев. Инспекторами уголовно-исполнительных инспекций на регулярной, плановой основе проводятся беседы о необходимости прохождения курса лечения от алкоголизма. Однако отсутствие нормативной базы для применения принудительного лечения от алкоголизма лиц, ведущих паразитический образ жизни, не дает должного эффекта.

К числу наиболее значимых субъективных обстоятельств, обуславливающих преступность условно осужденных, работники уголовно-исполнительных инспекций отнесли наличие у условно осужденных отрицательных морально-психологических качеств, что отмечено в 66% случаев. Минимизировать их влияние на поведение условно осужденных могут привлеченные к работе с осужденными штатные психологи, общение с которыми вменяется в обязанность практически всех условно осужденных. Однако, как уже упоминалось ранее, психологические особенности личности условно осужденного в значительной степени связаны с его воспитанием и воздействием ближайшего окружения, и изменить это нередко представляется практически невозможным.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов о причинах преступного поведения условно осужденных.

Сохранению высокого уровня рецидива среди условно осужденных способствует недооценка общественной опасности самого данного явления со стороны как правоохранительных органов, так и судебной системы.

К недостаткам, непосредственно вызывающим совершение повторных преступлений условно осужденными на стадии профилактического воздействия уголовно-исполнительных инспекций, возможно отнести тенденцию увеличения применения мер наказаний, не связанных с лишением свободы. Это приводит к тому, что на учете в уголовно-исполнительных инспекциях количество поднадзорных лиц с каждым годом увеличивается, что снижает качество воспитательно-исправительной работы с условно осужденными и проявляется в стабильно высоком уровне рецидива данной категории осужденных.

Нередки случаи, когда условно осужденные проводят свое время в компании ранее судимых лиц либо лиц со значительными девиациями в поведении. В процессе этого происходит вовлечение их в совершение новых преступлений. Трудовая и бытовая неустроенность

условно осужденных, как результат непринятия своевременных мер компетентными органами, также способствует повторности преступлений. Причинами повторных преступлений могут стать проблемы или конфликты в семье. Они проявляются в разных формах: от отсутствия взаимопонимания до привлечения условно осужденного к совершению повторных преступлений.

Проблемным остается вопрос проникновения криминальной субкультуры в общество, что служит негативным фактором, влияющим на рост уровня как рецидивной преступности в целом, так и повторной преступности условно осужденных. Как уже упоминалось ранее, более половины условно осужденных были ранее судимы, а более трети из них являются носителями криминальной субкультуры и в разной мере поддерживают установленные ею традиции. Негативную тенденцию усиливает и насаждение законов и правил криминальной субкультуры в молодежной среде.

Совокупность указанных причин в большинстве случаев и лежит в основе совершения конкретного преступления условно осужденным, и только комплексное влияние законодательных органов, суда, полиции и ФСИН на отмеченные обстоятельства позволит минимизировать их воздействие, в свою очередь, это приведет к снижению уровня рецидива данной категории осужденных.

¹ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 268; Карпец И. И. Проблема преступности. М., 1969. С. 167; Кузнецова Н. С. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 208.

² Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. М., 2006. С. 55.

³ Панкратов В. В. Методологические вопросы объяснения причин преступности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. М., 1981. С. 17–28.

⁴ Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2004. С. 74.

⁵ Зуйков Г. Г. К вопросу о понятии причин преступлений и условий, способствующих его совершению // Вопросы предупреждения преступности. М., 1965. С. 32.

⁶ Ахвердян Г. С. Паразитизм и преступность (по материалам Армянской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 6.

⁷ Тихова Е. А. Предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 15–16; Щербаков С. В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

⁸ Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. М., 2004. С. 65.

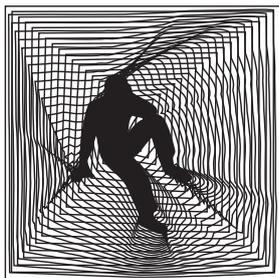
⁹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации М., 1984. С. 160–163.

¹⁰ Уткин В. А. Реорганизация уголовно-исполнительных инспекций как условие расширения альтернативных наказаний. М., 2001. С. 25.

¹¹ Тарабрин А. Без лишения свободы // Преступление и наказание. 2004. № 8. С. 37–39.

¹² Официальный сайт Российской газеты. Электронный ресурс: URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/fsin-dok.html> (дата обращения: 25.06.2014).

¹³ Байсаров Х. А. Сорок минут на перевоспитание? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 2.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ, ПРАВОВОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

УДК 37.01

ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР ОФИЦЕРА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-КОНТРАКТНИКОВ ЧАСТЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В. А. Губин, Д. А. Егоров

Обосновывается влияние личного примера офицера на воспитание военнослужащих-контрактников частей ВВ МВД России, выступающего как педагогическое условие. Рассматриваются понятия «педагогическое условие» и «пример». Выявлены психолого-педагогические характеристики офицера, определяющие его в качестве примера для подражания.

Ключевые слова: личный пример офицера, педагогическое условие, военнослужащие-контрактники, имитация, подражание, интериоризация, идентификация.

Повышение эффективности образовательного процесса связано с выявлением, обоснованием и проверкой педагогических условий, обеспечивающих успешность осуществляемой деятельности.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова «условие» понимается как:

- 1) обстоятельство, от которого что-нибудь зависит;
- 2) правила, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности;

- 3) обстановка, в которой что-нибудь происходит¹.

Результаты проведенного нами анализа позволяют охарактеризовать сущность педагогического условия: условие есть совокупность причин, обстоятельств, каких-либо объектов и т.д. Эта совокупность влияет на воспитание, обучение и развитие военнослужащего. Данное условие может ускорить или замедлить процессы воспитания, обучения и развития военнослужащего, а также воздействовать на их динамику и конечные результаты.

В данной работе мы рассматриваем педагогическое условие как компонент педагогической системы, отражающий возможности образовательной, материальной и пространственной среды, которые воздействуют на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивают ее эффективное функционирование и развитие.

Педагогические условия можно представить в виде организационно-педагогических, психолого-педагогических, дидактических условий:

— организационно-педагогические условия — это совокупность целенаправленно сконструированных

возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса, которые лежат в основе управления и развития процессуального аспекта педагогической системы;

— психолого-педагогические условия — это совокупность целенаправленно сконструированных взаимосвязанных и взаимообусловленных возможностей образовательной и материально-пространственной среды, которые направлены на развитие личностного аспекта педагогической системы;

— дидактические условия — это результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей.

Пример является не только одним из условий формирования определенных качеств личности, но и одним из методов воспитания военнослужащих-контрактников. Действительно, каждый человек в процессе общения с другими людьми постоянно испытывает на себе их влияние. Большое воспитательное значение наряду с этим играют жизнь, подвиги исторических личностей, а также выдающихся людей современности и художественные образы, запечатленные в литературе и искусстве.

Склонность людей к подражанию, изучению и заимствованию опыта других выступает психологической основой примера. Это способствует накоплению социального и нравственного опыта, т.е. происходит социализация личности. Подражание может носить сознательный характер или приобретать форму слепого, механического копирования образца. Несомненно, большую педагогическую ценность имеет сознательное подражание положительному примеру.

Психологами выделены три этапа в процессе подражания:

- непосредственное восприятие конкретного образа действия другого лица;
- формирование желания действовать по образцу;
- синтез самостоятельных и подражательных действий, проявляющихся в приспособлении поведения к поведению кумира².

Ведущую роль в процессе подражания играют опыт, интеллект, свойства личности, жизненные ситуации.

Особенно большое воспитательное значение имеет личный пример непосредственных и прямых начальников. Личный пример старшего, как правило, является по-

учительным. Военнослужащий на начальном этапе службы, попав в незнакомую для него обстановку воинской части, учится прежде всего на примере сержантов, старшин, офицеров, их поведение является для него примером в учебе, в службе, в быту. Пример командира, особенно в трудной обстановке, поднимает моральный дух военнослужащих, вселяет в них смелость, решительность, мужество, облегчает перенесение тягот и лишений, зовет на подвиги. Поэтому офицеры, сержанты и старшины призваны во всем служить примером для подчиненных.

Воспитательная работа — одна из самых трудных, так как она связана с личным поведением воспитателя. Следуя положительному примеру, подражая ему, военнослужащие-контрактники тем самым совершенствуют свои качества, приобретая уверенность в правильности своего поведения.

Во-первых, личный пример командира выступает тем условием, которое дает ему моральное право на воспитание подчиненных. Слову начальника они верят в том случае, если оно не расходится с делом, подкреплено практикой, высокой инициативностью и самостоятельностью, способностью офицера вместе с военнослужащими преодолевать трудности воинского труда.

Во-вторых, личный пример любого начальника является основой его авторитета. О достоинствах и недостатках командира подчиненные судят по его делам и поступкам. Исходя из поведения начальника военнослужащие составляют о нем свое мнение и определяют отношение к нему.

В-третьих, личный пример имеет для подчиненного большую наглядность в несении службы, в дисциплине, в учебе и быту.

Командир обязан показывать пример буквально во всем. Чтобы действительно воспитывать, необходимо не только хорошо знать военную специальность, но и иметь высокие морально-боевые качества.

В-четвертых, личный пример — важное средство вдохновения личного состава в трудной, напряженной обстановке, когда требуется поднять дух воинов, вселить в них мужество, уверенность в победе, способность перенести любые испытания.

Рассматриваемый метод воспитания включает систему воздействий на сознание, чувства и волю воина личным примером воспитателя, а также другими положительными примерами, которые служат образцом для подражания. Таковы основные требования к использованию примера в целях воспитательного воздействия на военнослужащих³.

Служебно-боевая деятельность офицера состоит из множества действий и поступков, которые в совокупности представляют личный пример офицера. Понятие «пример» от глагола «примерить (примерять)» буквально означает меру. Личный пример в этом случае может толковаться как мера, определяющая сознание офицера, его нравственный облик; мера служебной и боевой деятельности офицера, определяющая сознание офицера, в том числе его нравственный облик; мера деятельности офицера, отражающая его профессионально-нравственные качества в рамках его повседневной жизни (жизнедеятельность, служебно-боевая деятельности).

«Пример — ссылка на более конкретный, особо яркий случай, событие как на момент общего, более абстрактного предметного содержания с целью лучшего осещения и пояснения такового»⁴.

«Пример — в морали это одна из форм инициативы, проявляющаяся в том, что действия одного человека (группы лиц, коллектива) становятся образцом для поведения других. По сравнению с почином пример обладает той особенностью, что здесь инициатор не только побуждает других последовать за собой, но и предлагает им готовую форму деятельности, которая затем распространяется на других людей, становится нормой поведения многих. В этом отношении пример является одним из способов осуществления общественной дисциплины, проявления активности членов коллектива, их взаимного нравственного воспитания. В морали, в сущности, каждый отдельный поступок является для окружающих примером, положительным или отрицательным. Однако следование примеру других людей здесь не является простым подражанием, оно всегда предполагает ту или иную оценку совершенных действий. Без такой оценки и уяснения себе морального значения образца для подражания следование чужому примеру еще не есть акт свободного выбора и сознательной нравственной деятельности. Пример всегда играл большую роль в повседневных взаимоотношениях людей, в поддержании и развитии обычаев и нравов»⁵.

Для уточнения определения личного примера офицера обратимся к содержательному наполнению понятия «пример», его можно раскрыть через категорию «*деятельность*». Определение «примера» как *деятельности* делает возможным увидеть личный пример офицера более детально. «Под *деятельностью* понимается активность субъекта, направленная на изменение мира, на производство или порождение определенного объективированного продукта материальной или духовной культуры. Деятельность человека выступает сначала как практическая, материальная деятельность. Затем из нее выделяется деятельность теоретическая. Всякая деятельность состоит обычно из ряда актов — действий или поступков, основанных на тех или иных побуждениях или мотивах и направленных на определенную цель»⁶.

Деятельность — категория социальная. Действия могут быть направлены не только на предмет, но и на окружающих людей. Тогда они становятся, как было отмечено ранее, актом поведения: поступком, если они соответствуют установившимся в обществе нормам поведения, или проступком, если противоречат им⁷. Именно действия офицера, в том числе и осуществляемые в отношении своих подчиненных, отражают соответствие или противоречия установившимся в воинской среде правилам поведения.

Деятельность офицера направлена на обучение и воспитание подчиненных. В процессе обучения у последних формируются и развиваются знания, умения и навыки. Воспитание подчиненных предполагает формирование у них качеств гражданина-патриота, военного профессионала и высоконравственной личности⁸.

Исследование, проведенное в частях внутренних войск МВД России, показало, что из 108 опрошенных

Таблица. Иерархия психологических качеств, характеризующих представления о личном примере офицера

Офицеры			Военнослужащие-контрактники		
Ранг	Качества	Средний балл	Ранг	Качества	Средний балл
1	Ответственность	6,41	1	Организованность	5,88
2	Достоинство	6,19	2	Ответственность	5,86
3	Уверенность в себе	6,13	3	Настойчивость	5,84
4	Честность	6,12	4	Достоинство	5,83
5	Требовательность	6,12	5	Работоспособность	5,82
6	Доброжелательность	6,11	6	Дисциплинированность	5,81
7	Пунктуальность	6,07	7	Исполнительность	5,79
8	Уважение к людям	6,06	8	Требовательность	5,79
9	Умение слушать и выслушивать	6,00	9	Целеустремленность	5,79
10	Трудолюбие	5,99	10	Строгость	5,78
11	Бытовая самостоятельность	5,98	11	Активность	5,76
12	Работоспособность	5,98	12	Уверенность в себе	5,74
13	Принципиальность	5,97	13	Коммуникабельность	5,72
14	Логическое мышление	5,95	14	Организаторские умения и навыки	5,72
15	Организованность	5,94	15	Умение руководить	5,71
16	Справедливость	5,94	16	Наблюдательность	5,69
17	Дисциплинированность	5,93	17	Принципиальность	5,64
18	Чувство долга	5,90	18	Эрудиция	5,64
19	Дружелюбие	5,89	19	Пунктуальность	5,62
20	Умение руководить	5,89	20	Чувство долга	5,60

военнослужащих-контрактников военным профессионалом в полной мере считают себя 36,6% их, 55,36% опрошенных указали, что недостаток профессиональных знаний, навыков и опыта мешает им реализоваться как военным профессионалам.

На процесс формирования качеств военнослужащих существенное влияние оказывает личный пример офицера. Военнослужащие, оказавшись под воздействием личного примера офицера, сознательно или неосознанно стремятся к заимствованию тех качеств личности офицера, которые в нем наиболее ярко выражены и способствуют развитию военнослужащего как гражданина-патриота, военного профессионала и высококонтрастной личности.

Результаты исследования показали, что всегда берут пример со своих командиров 23,21% опрошенных военнослужащих-контрактников, практически всегда — 33,04, иногда — 39,29 и никогда — 4,46% от их числа. Вместе с тем 24,11% опрошенных военнослужащих-контрактников обращают внимание на личный пример офицера с отрицательной стороны, вследствие чего 20,54% не считают своего командира образцом для подражания.

Анализ различных источников позволил выявить 44 наиболее часто встречающиеся качества личности офицера как образца для подражания. Проведенный опрос среди офицеров подразделений и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях солдат и сержантов, дал основание определить 20 наиболее значимых из них (рис.1, 2), построить иерар-

хию и провести сравнение психологических качеств, характеризующих представления о личном примере офицера (табл.) у самих офицеров и военнослужащих-контрактников.

Данные качества в той или иной степени представляют для опрошенных военнослужащих определенную ценность, которая выражена в их оценке по 7-балльной шкале (рис. 3).

Таким образом, проведенное исследование позволило охарактеризовать личность офицера как пример для подражания; представить личный пример офицера как педагогическое условие, оказывающее существенное влияние на воспитание военнослужащего.

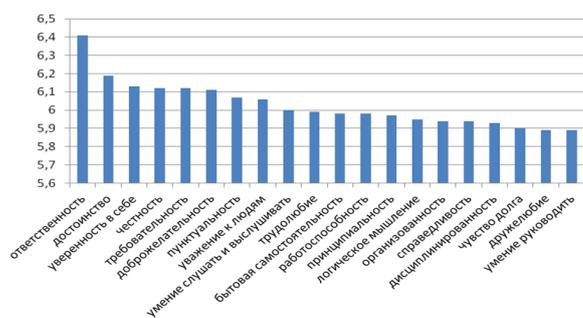

Рис. 1. Иерархия психологических качеств офицеров, являющихся примером для подражания (оценка дана офицерами)

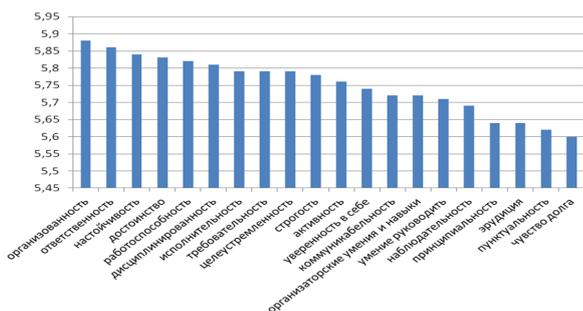

Рис. 2. Иерархия психологических качеств офицеров, являющихся примером для подражания (оценка дана военнослужащими-контрактниками)

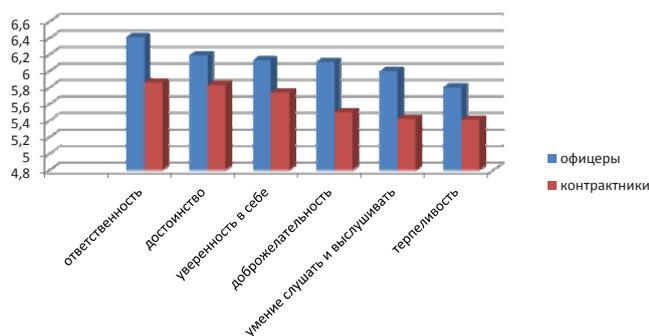

Рис. 3. Структура психолого-педагогических качеств офицера, определяющих личную примерность в воспитании военнослужащих-контрактников

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2007. С. 588.
² Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов — 100 ответов: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004. С. 285.
³ Теория и практика воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: учебное пособие / под общ. ред. И. А. Алехина. М., 2003. С. 119–121.
⁴ Начала современного естествознания: тезаурус / В. Н. Савченко, В. П. Смагин. Ростов н/Д, 2006. 336 с.

⁵ Словарь по этике / под ред. И. Кона, М., 1981. 186 с.
⁶ Деятельность [Электронный ресурс]. URL: <http://azps.ru/articles/cmmn/indexde.html> (дата обращения: 9.03.2014).
⁷ Там же.
⁸ Човдырова Г. С. Психодиагностика профессионально важных качеств оперативных сотрудников полиции для общения с гражданами // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 38–43.

УДК 316.6

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

А. А. Шадрин

Рассмотрены межличностные взаимоотношения курсантов в высшем военном учебном заведении как один из факторов субъективного благополучия, исследована их взаимосвязь с эмоциональным благополучием и социальной фрустрированностью, определены наиболее значимые отношения, влияющие на благополучие в процессе обучения.

Ключевые слова: субъективное благополучие, эмоциональное благополучие, социальная фрустрированность, социализация, военная служба.

Подготовка высококлассных специалистов, глубоко мотивированных в избранной ими профессии, в настоящее время является одной из приоритетных задач высших учебных заведений. Вместе с тем учебный процесс в современных вузах характеризуется высокой эмоциональной напряженностью, наличием большого числа стрессогенных факторов, повышенной ответственностью, высоким динамизмом и рядом других обстоятельств (достаточно полно раскрытых В. Л. Цветковым и А. М. Тановым¹), при отсутствии психологической поддержки влекущих за собой негативные функциональные состояния, эмоциональный стресс, дезадаптацию и ряд других негативных последствий. В этих условиях одним из важнейших характеристик профессиональной социализации личности выступает субъективное благополучие. Оно опреде-

ляется Р. М. Шамионовым как понятие, выражающее собственное отношение индивида к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде и характеризующееся переживанием удовлетворенности². Высокий уровень благополучия обеспечивает полное и всестороннее развитие личности, успешную адаптацию и профессиональную социализацию. Неблагополучие же создает предпосылки для возникновения психических расстройств, нарушений эмоционально-волевой сферы личности, девиантного поведения, депрессивных состояний³.

Являясь регулятором жизнедеятельности, субъективное благополучие имеет множество детерминант, среди которых существенную роль играет система межличностных отношений. При этом взаимоотношения в военном вузе, по отношению к другим учебным заведениям, имеют ряд отличий, обусловленных прежде всего совмещением обучения и прохождения военной службы. Изучению влияния межличностных отношений на субъективное благополучие посвящены работы М. Аргайла, Л. В. Куликова, Р. М. Шамионова и других известных авторов⁴. Вместе с тем детерминация благополучия сферой взаимоотношений в военных организациях по настоящее время остается малоизученной. Воинские коллективы в данном проблемном поле могут представлять особенный интерес, поскольку в основе их деятельности лежат определенные функциональные факторы, жестко закрепленные особой регламентной базой, не зависящей от индивидуальных особенностей военнослужащих. Кроме того, в воинских коллективах к каждому военнослужащему предъявляется строго определенный «стандарт» не только про-

Таблица. Статистика соотношения пункта и суммарного балла.

Удовлетворенность	Альфа Кронбаха
Образованием	0,89
Отношениями с товарищами	0,89
Отношениями с командирами	0,89
Отношениями с преподавателями	0,88
Обучением	0,89
Условиями военной службы	0,89
Социальным статусом	0,89
Денежным довольствием	0,89
Жилищно-бытовыми условиями	0,89
Отношениями с родителями	0,89
Отношениями с друзьями	0,89
Сферой услуг	0,88
Медицинским обеспечением	0,89
Досугом	0,89
Возможностью проводить отпуск	0,89
Образом жизни	0,89
Возможностью выбора места дальнейшей службы	0,89

фессиональных, но и личностных качеств, независимо от типа личности и ранее усвоенных социальных норм. Исследование влияния межличностных отношений на субъективное благополучие в таких условиях является одной из актуальных проблем, может способствовать более полному раскрытию картины данного сложного психологического феномена и позволяет лучше понять причины возникновения напряженных психологических ситуаций в воинских коллективах, а также решить многие проблемы психологического обеспечения учебного процесса в военном вузе.

В исследовании влияния межличностных отношений курсантов на субъективное эмоциональное благополучие и социальную фрустрированность приняли участие 269 курсантов военного института, средний возраст 19,9 лет, SD=1,69. Объем подвыборок: 1 курс — n=55, средний возраст 18,5 лет, SD=1,05; 2 курс — n=50, средний возраст 19 лет, SD=0,75; 3 курс — n=55, средний возраст 19,9 лет, SD=0,94; 4 курс — n=59, средний возраст 20,4 года, SD=0,79; 5 курс — n=50, средний возраст 22,4 года, SD=1,53.

Для исследования социально-психологических характеристик личности использовалась методика Л. И. Вассермана «Уровень социальной фрустрированности»⁵, модифицированная применительно к сфере военной службы. Модификация проверялась путем соотношения пунктов и суммарных баллов и показала высокую надежность результатов (табл.).

В целях исследования субъективного эмоционального благополучия использовалась шкала Perrudet-

Badoux, модифицированная М.В. Соколовой⁶. Опросник состоит из 17 пунктов, содержание которых связано с социальным поведением, эмоциональным состоянием и физическими симптомами. Пункты разделены на шесть кластеров, объединенных интегральным показателем: напряженность и чувствительность; признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику; изменения настроения; значимость социального окружения; самооценка здоровья; степень удовлетворенности повседневной деятельностью.

Данные методики были оформлены в виде единой батареи. Опрос проводился в форме анкетирования группами численностью от 15 до 25 человек. Опрашиваемые курсанты находились в отдельном помещении, не имели возможности общаться и наблюдать за результатами анкетирования других респондентов.

Результаты исследования показывают, что взаимоотношения в родительской семье (демократический и либеральный стиль воспитания) оказывают последующее влияние на эмоциональное благополучие курсантов в процессе их социализации в военном институте (F=3,87, p<0,05; F=5,55, p<0,05). Так, среди курсантов, родители которых отдавали предпочтение демократическим отношениям, 14,4% респондентов имеют высокий уровень благополучия и 10,1% — низкий. В то же время курсанты с либеральными взаимоотношениями в родительской семье характеризуются более низкими показателями субъективного благополучия: лиц с высоким уровнем благополучия среди них не обнаружено, а число неблагополучных составляет 27,8%. Очевидно, либеральный стиль воспитания связан с установками в отношениях, в которых мало места контролю и дисциплине. Между тем жизнь курсанта предполагает известные ограничения и иерархические взаимоотношения. Возникает ситуация несогласованности установок и реальной социальной ситуации жизни таких курсантов. Изучая повседневную деятельность курсантов, А. В. Созонник также отмечает, что в условиях военного института личность может проявлять самостоятельность лишь в рамках, строго определенных нормативными документами⁷. Кроме того, одним из главных требований к воинским подразделениям является их слаженность, характеризующаяся согласованностью действий между военнослужащими⁸. Вполне очевидно, что поведение курсантов, не согласованное с коллективом, в ряде случаев вызывает негативное отношение как других курсантов, так и командиров подразделений и, как следствие, проявление негативных эмоциональных реакций. Учитывая данные обстоятельства, можно прийти к выводу, что курсантам, родители которых придерживались либеральных взаимоотношений, тяжелее приспособиться к условиям военной службы, что в конечном счете сказывается на уровне их эмоционального благополучия.

Исследование показало, что одним из немаловажных факторов субъективного благополучия курсантов выступает количество дружеских связей. Результаты анализа позволили установить влияние на эмоциональное благополучие оценки курсантами общего количества таких связей — «более 30 друзей» (F=8,85, p>0,01) и «менее 6 дру-

зей» ($F=10,85$, $p>0,01$), при этом среди курсантов, отмечающих большое число дружеских связей, 20,7% имеют высокий уровень благополучия, а низкий — 9,9%, в то время как во второй группе высокий уровень благополучия обнаружен у 12,1%, а низкий — у 24,2%. Вполне очевидно, что в данном случае количественная оценка дружеских связей в большей степени отражает социальную активность. Р. М. Шамионов выделяет межперсональные отношения как одну из детерминант удовлетворенности профессиональной деятельностью, связывая последнюю с благополучием личности⁹. Значимое влияние социальной активности на субъективное благополучие показано и в работах Л. А. Кларка и Д. Ватсона, М. Р. Канигхама и многих других¹⁰.

Установлено, что субъективно оцениваемое количество дружественных связей оказывает влияние и на уровень социальной фрустрированности. Среди «имеющих более 30 друзей» курсантов ($F=5,99$, $p>0,05$) у 14,4% их отмечен низкий уровень фрустрированности и у 7,21% — высокий; у курсантов, «имеющих до 6 друзей» ($F=4,50$, $p>0,05$), низкий уровень фрустрированности отмечен только у 9,1%, в то время как высокий — у 22,7%.

Рассматривая групповую динамику, К. Левин установил, что в основе сплоченности каждой группы лежит ее возможность удовлетворять потребности людей в эмоционально насыщенных межличностных связях. При этом сплоченность формулируется им как «тотальное поле сил, заставляющее участников оставаться в группе»¹¹. Вполне очевидно, что в среде курсантов, чья принадлежность к группам в большей степени определена жесткой организационно-штатной структурой, количество межличностных связей характеризует степень удовлетворенности отношениями в группе.

Изучение количества дружеских связей также позволило установить, что высокая социальная активность курсантов, «имеющих более 30 друзей», оказывает влияние на согласованность значимости и доступности ценностей ($F=5,93$, $p<0,05$), при этом у 23% их ценности согласованы на высоком уровне, а значительное рассогласование отмечается всего у 7,2%. Учитывая результаты изучения активности личности, проведенные К. А. Абульхановой, в которых она отмечает, что ценностное отношение к жизни прослеживается в мотиве самовоплощения, одном из базовых потребностей личности, проявляющемся в стремлении расширить границы индивидуального бытия¹², можно предположить, что влияние большего количества дружественных связей на согласованность ценностей показывает ориентированность курсантов на самоорганизацию и самореализацию в условиях военного института.

Важность влияния межличностных отношений курсантов на субъективное благополучие подтверждается и оценкой курсантами внутреннего единства коллектива. Так, имеются различия степени эмоционального благополучия у курсантов, оценивающих степень единства коллектива: от «считающих подразделение полностью единым коллективом» ($F=15,56$, $p>0,01$) и «единым коллективом во взводах» ($F=5,81$, $p>0,05$) к «полагающих разрозненным коллективом» ($F=15,21$, $p>0,01$). При этом численность курсантов с высоким уровнем благополучия снижается по мере субъективной оценки раз-

розненности (24,3%, 6,82, 2,86%), а эмоционально неблагополучных — возрастает (9,9%, 13,6, 34,3%).

От внутреннего единства коллектива зависит и удовлетворенность социальными отношениями. Фрустрированность курсантов, также как и неблагополучие, возрастает с усилением разрозненности. Среди считающих подразделение «полностью единым коллективом» ($F=9,60$, $p>0,01$) 17,1% имеют низкий уровень фрустрированности и 6,3% — высокий; «в основном единым» ($F=3,88$, $p>0,05$) — низкий уровень у 10,3%, высокий — у 7,69%; при оценке «единым коллективом во взводах» ($F=5,80$, $p>0,01$) данные показатели составляют 4,55 и 25,0%, а в группе курсантов, полагающих коллектив «разрозненным» ($F=21,79$, $p>0,01$), низкий и высокий уровень фрустрированности составляет 2,86 и 37,1%.

Вполне очевидно, что процессы взаимодействия в воинском коллективе предполагают взаимозависимость его членов, при этом специфика военной организации создает предпосылки для достижения консенсуса в ходе консолидации, что способствует положительной когнитивной и эмоциональной оценке, а конформизм и неконформизм детерминируют эмоциональное неблагополучие и социальную фрустрированность.

Отношения курсантов с командирами, как компонент межличностных отношений, характеризуется рядом особенностей. С одной стороны, они основаны на принципах единоначалия и субординации, обязывающих командиров проявлять требовательность и принципиальность, с другой — младшие командиры одновременно являются и обучаемыми, получая образование на равных условиях с курсантами своих подразделений и обретая равный с ними статус после выпуска из военного института.

Исследование показало, что оценка курсантами данных отношений оказывает значимое влияние на уровень их эмоционального благополучия. Среди курсантов, полагающих, что предвзятое отношение отсутствует ($F=21,86$, $p<0,01$), 22,8% их имеют высокий уровень благополучия и только 11,4% — низкий. Среди тех, кто считают, что к ним предвзято относятся только отдельные командиры ($F=4,37$, $p<0,05$), 7,69% характеризуются высокой степенью благополучия, в то время как эмоционально неблагополучны 17,5% из их числа. В группе курсантов, считающих, что к ним относится предвзято большинство командиров ($F=16,15$, $p<0,01$), испытывающих высокий уровень эмоционального благополучия нет, а эмоционально неблагополучных — 44,0%. Приведенные данные позволяют выделить отношения с командирами среди всех факторов межличностных отношений, влияющих на эмоциональное благополучие, как доминирующие.

Влияние удовлетворенности отношениями с командирами проявляется и на когнитивном уровне. Среди курсантов, считающих, что предвзятое отношение в подразделении отсутствует ($F=23,81$, $p<0,01$), 17,7% лиц имеют низкий уровень социальной фрустрированности и только 6,9% — высокий. Курсанты, полагающие, что к ним предвзято относятся отдельные командиры, более фрустрированы ($F=10,31$, $p<0,01$), среди них высокий уровень удовлетворенности социальными отношениями только у 2,56%, в то время как низкий — у 28,2%.

Среди курсантов, считающих, что к ним относятся предвзято большинство командиров ($F=5,46$, $p<0,05$), высокий уровень удовлетворенности социальными отношениями испытывают 11,1%, а низкий — 44,4%. Учитывая, что «административный» состав военного института, руководствуясь нормативными требованиями, определяет вектор социализации, проводя постоянную работу по изучению, формированию и совершенствованию личностных качеств курсантов, фактически регламентируя весь уклад их жизни, высокий уровень фрустрированности и эмоциональное благополучие курсантов, не удовлетворенных отношениями с командирами, вполне закономерно.

Между тем анализ результатов исследования показал, что среди курсантов, считающих, что они лишь изредка сталкиваются с предвзятым отношением, фактор «предвзятости» влияет не на эмоциональное благополучие ($F=3,45$, $p>0,05$) и социальную фрустрированность ($F=3,40$, $p>0,05$), а на согласованность ценностных ориентаций ($F=5,14$, $p<0,05$), при этом значимость и доступность ценностей согласована на высоком уровне у 17,0% и рассогласована у 21,0% лиц. Данные результаты позволяют сделать вывод, что, сталкиваясь с недоступностью ряда значимых ценностей, курсанты склонны винить командиров в невозможности их достижения.

Из приведенных данных следует, что межличностные отношения в воинском коллективе выступают одним из важнейших факторов субъективного благополучия курсантов. При этом наиболее значимыми выступают отношения с командирами. Данный вид отношений строго регламентирован общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации и основан на принципе единоначалия. Он направлен на подготовку личности в соответствии с военно-учетной специальностью, формирование ее ценностных ориентаций, поддержание высокого морально-психологического состояния, а также сплочение воинского коллектива и многие другие аспекты прохождения личным составом военной службы¹³. Учитывая данные обстоятельства, можно предположить что субъективное благополучие курсан-

тов в большей степени будет зависеть от полноты реализации командирами своих функциональных обязанностей. При этом рассогласование реализуемых отношений, очевидно, будет детерминировать эмоциональное неблагополучие и социальную фрустрированность.

¹ Цветков В. Л., Танов А. М. Руководитель и подчиненный: проблемы взаимоотношений в контексте стиля общения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №2. С. 3.

² Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы : монография. Саратов, 2008. С. 296–297.

³ Идобаева О. А. Исследование эмоционального благополучия современных подростков как предпосылка коррекционной работы школьного психолога : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 143 с.

⁴ Аргайл М. Психология счастья. М, 1990. 336 с. ; Куликов Л. В. Психогигиена личности: вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики : учебное пособие. СПб., 2004. 464 с. ; Шамионов Р. М. Указ. соч.

⁵ Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 18.

⁶ Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. 2-е изд. Ярославль, 1996. 17с.

⁷ Созонник А. В. Характеристики личности и преодолевающего поведения в условиях военно-профессиональной социализации // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4(7). С. 260–262.

⁸ Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2008. С. 31.

⁹ Шамионов Р. М. Указ. соч. С. 105.

¹⁰ Clark L. A., Watson D. Mood and the mundane: Relations-between-daily-life-events-and-self-reported-mood // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. № 54. P. 296–308 ; Cunningham M. R. Does happiness mean friendliness? Induced mood and heterosexual self-disclosure // Personality and Social Psychology Bulletin. 1988. № 14 (2). P. 283–297.

¹¹ Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 360 с.

¹² Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001. 304 с.

¹³ Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. С. 30–35.

УДК 342

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЬИ КАК ОДНА ИЗ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

А. В. Агеева

В статье рассматриваются вопросы социальной политики государства относительно семьи. Освещаются вопросы становления и развития семейной политики, ее связи с социальной политикой государства. Особое внимание в статье уделяется мерам государственной поддержки семьи, вопросу взаимоотношений семьи и государства как равных сторон государственной семейной политики.

Ключевые слова: семья, семейная политика, социальная политика, защита семьи.

На XX Международном конгрессе «Семья на пороге тысячелетия», проходившем в Москве 6–9 сентября

1999 г., была емко определена взаимосвязь семьи и государственной семейной политики: «политика семьи — политика государства»¹, что, безусловно, указывает на их тесную связь и взаимозависимость друг от друга. Ведь семья в любые периоды остается достаточно устойчивым социальным институтом, несмотря на потрясения и кризисы общества и государства.

В настоящее время учеными России построены теоретические основы семейной политики, на которых в полной мере может быть создана целостная система управления социальными процессами в семье. Социальная политика в сфере семейных отношений (семейная политика) понимается как одно из направлений социальной политики государства, которое предполагает научно обоснованное, комплексное, целенаправленное воздействие общества на семейные отношения. В зна-

чительной степени уже разработаны основы политики в отношении семьи, и об этом свидетельствует «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации», одобренная решением Национального совета по подготовке и проведению Международного года семьи в Российской Федерации от 12 мая 1993 г. Термин «политика» в этой сфере достаточно активно стал использоваться на федеральном уровне, в сочетании с понятием защиты семьи. Примером может послужить Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г., которым были утверждены «Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года» («Национальный план действий в интересах детей»)². Если говорить о женщине как члене семьи, то в данном случае политика по отношению к ней определяется как общая стратегия государства, которая должна реализовываться в тесном взаимодействии всех звеньев федеральной и региональной власти, неправительственных организаций и общественных объединений³.

Государственная социальная политика по улучшению положения семьи в настоящее время должна быть в первую очередь направлена на то, чтобы семья была более самостоятельной в решении вопросов содержания и воспитания детей (вариативность и введение платных услуг в образовании и здравоохранении, коммерциализация сферы культуры, спорта и досуга, сужение системы внесемейного дошкольного и внешкольного воспитания и т. д.) и иных бытовых проблем.

Семейная политика стала предметом изучения сравнительно недавно, в 1970-е гг. В 1990-е гг. внимание политиков и ученых к проблемам семьи возросло, и здесь следует отметить работы А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, А. Г. Вишневого, С. В. Дармодедина, В. В. Елизарова, Л. П. Кука, М. С. Мацковского, В. М. Медкова, Н. М. Римашевской и др. В науке существует множество подходов как к определению семейной политики государства, так и к ее содержанию.

Существует две теории, в зависимости от того, какую роль играет семья. Если следовать теории социально-экономического развития семьи, то в соответствии с ней она меняется параллельно с экономической средой (например, развитием промышленности или урбанизацией), появляются новые потребности. Социально-экономические проблемы семьи являются движущей силой для развития государственной семейной политики. Например, демографические или гендерные проблемы заставляют государство реформировать или расширять систему поддержки семьи и ее защиту. Следующая теория предполагает, что основной движущей силой в развитии семейной политики является конфликт между участниками политического процесса. И для повышения собственного авторитета они могут обращать внимание на актуальные проблемы семьи, тем самым заставляя органы государственной власти действовать более активно в части ее поддержки.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовых актов по вопросам семьи показывает, что семейная политика в разных государствах

имеет различные главные цели. Например, во Франции основная цель – повышение рождаемости, в странах Северной Европы – достижение равенства прав и возможностей мужчин и женщин, в южноевропейских странах — поддержка молодых семей. Правительства США и Великобритании не включают ее в сферу своей ответственности. В Китае в 1979 г. провозглашена «политика однодетной семьи». Что касается России, то, учитывая катастрофическое падение численности населения в стране, главной целью государственной семейной политики, на наш взгляд, должно стать создание благоприятной атмосферы для семьи, в которой супруги хотят пополнить семью и воспитывать детей. Мы разделяем положение, высказанное А. И. Антоновым и В. М. Медковым, что «в качестве основной модели семьи, поощряемой государством, мы видим полную семью с 3–4 детьми»⁴.

По мнению ученых, «Самым мощным фактором семейной дезорганизации явилось вовлечение в производство других, помимо мужчин, членов семьи — женщин и детей — в целях понижения стоимости рабочей силы»⁵. На основании этого авторами делается вывод, что «государство должно стремиться к возрождению ситуации «одноходной семьи», когда доход одного взрослого члена семьи является достаточным для нормальной жизнедеятельности семьи, включая рождение и социализацию нескольких детей»⁶. Представляется, что данный вывод справедлив, но развитие ситуации по такому сценарию маловероятно.

В науке существуют различные концепции семейной политики. Выделяют семейную политику с позиции государственных интересов, где наиболее значимыми функциями семьи являются демографическая, жизнеохранительная, воспитательная и социализация детей, а также воспроизводство трудовых ресурсов⁷. Государство заинтересовано в простом или расширительном воспроизводстве населения, в улучшении состояния здоровья населения и качества трудовых ресурсов, в эффективной социализации детей, что позволяет создать фундамент для его экономической, политической, военной безопасности и дальнейшего эволюционного продвижения. В логике этой константы наиболее широко разрабатываются направления и адекватные им меры государственной семейной политики, связанные с рождением и социализацией детей.

Имеет место рассмотрение семейной политики с позиции интересов семьи и семейных ценностей, где основными в создании и сохранении семьи должен стать процесс рождения и воспитания детей, воспитание в них семейных и духовных ценностей. Семья заинтересована также в росте благосостояния, укреплении и поддержании здоровья своих членов, повышении их профессионального и социального статуса. Таким образом, интересы семьи и социального государства в контексте этих двух подходов в основном совпадают, что проявляется в государственной семейной политике, направленной на гармонизацию интересов семьи и государства. Хотя в науке существует и иная точка зрения, где государственная семейная политика определяется как само-

стоятельное направление социальной политики, система комплексной деятельности государства, направленная на социальный институт семьи с целью укрепления и развития, защиты институциональных прав и интересов, активизации субъектной роли, обеспечения суверенитета и благополучия семьи на основе правового регулирования ее отношений с государством⁸. Такой подход дает возможность рассматривать семью как комплексный институт, имеющий собственный статус, права, гарантии, необходимые для ее достойного существования. Компетенция семейной политики включает в себя именно специфические проблемы семьи, и семейная политика, соответственно, направлена на семью как целостный объект. Таким образом, политика государства по отношению к семье обретает комплексный характер, и, самое главное, формируется ее суверенитет, создаются наиболее благоприятные условия для ее существования.

Исходя из изложенного выше, мы склонны утверждать, что интересы семьи и социального государства в основном совпадают, что проявляется в государственной семейной политике, направленной на гармонизацию интересов семьи и государства. Государственная семейная политика тесно связана с социальной и представляет определенную часть этого целого, но обладает и значительными особенностями.

Вместе с тем, отметим и некоторые существующие проблемы в области формирования государственной семейной политики, которые связаны в первую очередь с проблемами самого института семьи:

- отсутствие единой правовой базы государственной семейной политики;
- неопределенный правовой статус семьи во взаимоотношениях с государством;
- «пассивность» семейной политики, что характеризуется отсутствием в деятельности органов государственной власти конкретных функций, связанных с поддержкой семьи, и др.

Как видим, в настоящее время семейная политика недостаточно развита. Нарушенная система в семье породила такие проблемы, как социальная и школьная дезадаптация, детский суицид, детская проституция, наркомания, алкоголизм, распространение детской беспризорности и безнадзорности, социальное сиротство⁹.

В связи с обозначенными проблемами можно определить главные направления развития семейной политики нашего государства:

- экономическая поддержка молодых семей, независимо от материального статуса семьи;

- создание на предприятиях экономических программ, стимулирующих основы семейности;
- оказание помощи в разрешении жилищных проблем;
- усиление ответственности работодателей за выполнение норм и правил охраны труда женщин, в первую очередь, беременных и женщин детородного возраста;
- оказание поддержки семьям, которые воспитывают детей; разработка комплекса мер по поддержке подрастающего поколения и организация свободного времени;
- формирование общественного мнения в поддержку семьи.

Выбранный нашим правительством курс социальной политики имеет узкую направленность — в основном на решение демографических проблем. На наш взгляд, семейная политика должна включать: оказание социальной и юридической поддержки семьям, независимо от социального статуса, материального положения; формирование уверенности в завтрашнем дне; поднятие авторитета института семьи в глазах молодежи. Следует учесть, что в условиях патерналистской системы государство стремится подменить семью, взять на себя выполнение значительной части ее функций. И поэтому должна быть создана новая концепция семейной политики, основанная на принципах саморазвития, самообеспечения семьи, которые станут основополагающими в социальной политике государства.

¹ XX Международный конгресс «Семья на пороге тысячелетия»: мат-лы конгресса. М., 2000. С. 174.

² *Об утверждении* основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (национального плана действий в интересах детей): указ Президента Российской Федерации от 14.09.1995 г. № 942 // Рос. газета. 1995. 19 сент.

³ *О концепции* улучшения положения женщин в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 8 января 1996 г. № 6// Рос. газета. 1996. 14 февр.

⁴ Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М., 1996. С. 252.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же.

⁷ Климантова Т. К. Государственная семейная политика современной России. М., 2004. С. 22.

⁸ Дармодехин Ю. В. Государственная семейная политика в современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 39 с.

⁹ Сазонова А. В. Проблемы формирования государственной семейной политики // Власть. 2007. № 4. С. 21.

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

УДК 343.95

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Н. Е. Колесникова, А. И. Шипилов

Обобщены традиционные международные технологии ресоциализации. Определен круг тех задач и вопросов по ресоциализации осужденных молодежного возраста, которые требуют решения на уровне законодательства Российской Федерации. Представлено авторское видение данной проблемы.

Ключевые слова: осужденный молодежного возраста, ресоциализация, технологии ресоциализации, социализация, реинтеграция, адаптация на свободе, единая концепция ресоциализации.

Современное российское общество ожидает от уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) такой подготовки осужденных к жизни на свободе, чтобы они успешно реинтегрировались в общество. Подразделения УИС призваны осуществлять уголовное наказание в виде лишения свободы, обеспечивать ресоциализацию осужденных в ходе его отбывания, содействовать подготовке к условиям жизни после освобождения. Законодательная основа деятельности персонала пенитенциарной системы регламентирована четкой нормативно-правовой базой, в которой нашли свое отражение отечественные и международные нормы обращения с осужденными. Так, на XIX Конгрессе ООН по предупреждению преступлений и обращению с преступниками было принято практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил. Например, правило 58 гласит: «Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является, в конечном счете, защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока наказания и по возвращении к нормальной жизни в общество правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить свое существование»¹.

Особенно важным это является для молодежи, так как она представляет собой стратегический ресурс любой страны. В настоящее время исследователи не при-

шли к единому мнению о возрастном диапазоне молодежного возраста, наиболее часто указывают период 19–30 лет.

Социально-психологические особенности осужденных (в том числе осужденных молодежного возраста) изучали Ю. М. Антонян, В. Л. Васильев, А. Д. Глоточкин, В. В. Гульдман, М. Г. Дебольский, М. И. Еникеев, В. И. Моросанова, А. Н. Пастушеня, В. Ф. Пирожков, В. М. Поздняков, Д. В. Сочивко, В. М. Литвишков, А. И. Ушатиков. Анализ научной литературы позволил выявить некоторые социальные, психологические и уголовные характеристики этой категории граждан:

— среди них в несколько раз больше, чем в других возрастных группах, осужденных за бандитизм, разбой², хулиганство, грабежи, но меньше — за хищение личного имущества³;

— многие осужденные не имеют профессии, трудового стажа и даже образования⁴;

— лица молодежного возраста составляют свыше 70% организованных преступных групп. И это неудивительно, так как общение и реакция группирования являются основными потребностями молодежи. Обычно преступления в группе носят характер дерзких, отличаются особой жестокостью и насилием над потерпевшими;

— на первом месте среди ценностных ориентаций стоит достижение высокого материального благосостояния, содержательная составляющая досуга — праздность⁵, а такие ценности, как семья, работа, учеба, занимают последние места.

Исследователи отмечают потребность молодых в авантюризме, который необходим при движении вперед и реализации целей. Авантюризм сопровождается азартным стремлением к новизне, риску, быстрым переменам. Как отмечает Т. Н. Волкова, эти особенности достаточно широко использовались мировыми государственными и политическими деятелями и нередко — преступниками при подготовке и проведении всевозможных политических акций и криминальных актов (например, события в Москве на Дубровке, где среди тщательно физически и психологически подготовленных террористов, захвативших культурный центр, не было ни одного, чей возраст превышал бы 35 лет)⁶.

В целом, по статистике, правонарушители молодежи представителей других слоев общества⁷, в местах

лишения свободы осужденные молодежного возраста составляют самую многочисленную группу. Например, в 2012 г. осужденных возраста 18–25 лет в них содержалось 123 987 чел. Поэтому особенно актуальными являются вопросы ресоциализации этой категории граждан.

По мнению некоторых исследователей, процесс ресоциализации реализуется посредством первичной социализации⁸. Сущность социализации заключается в приспособлении и обособлении человека в условиях общества, его способности быть успешным и адекватно жить среди людей. В настоящее время среди исследователей нет единого подхода к определению понятия «ресоциализация», так же, как не существует и целостной концепции организации данного процесса в пенитенциарной системе или в системе постпенитенциарного сопровождения осужденных, отбывших наказание или освобожденных условно-досрочно. Однако, по мнению большинства ученых, ресоциализация является составной частью процесса реинтеграции осужденных в общество, его начальным этапом.

В психологию термин «ресоциализация» ввели американские социальные психологи А. Кеннеди и Д. Кербер для обозначения процесса вторичного вхождения индивида в социокультурную среду в результате дефектов социализации (ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы) или в результате смены социокультурного окружения. Э. Гидденс определяет ресоциализацию как вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде⁹. П. Бергер и Т. Лукман считают крайним случаем ресоциализации такое преобразование индивида, когда он «переключается» с одного мира на другой (эмиграция, обретение нового вероисповедания, восходящая вертикальная мобильность, длительная госпитализация), тогда процессы ресоциализации по содержанию становятся похожими на первичную социализацию, так как позволяют с учетом новых диспозиций рассматривать имеющуюся реальность¹⁰.

Относительно исследования проблем ресоциализации пенитенциарными учеными психолог Ю. В. Жулева определяет ее как возобновление или повторность действий, используя это понятие в смысле социальной адаптации¹¹; Т. И. Предов рассматривает ресоциализацию как профилактическую деятельность¹²; Е. В. Кулебякин — как способ адаптации осужденного к правопослушному поведению, он усматривает в этом процессе несколько видов адаптации — адаптацию к макросреде, микросреде, к самому себе¹³. Некоторые исследователи приравнивают ресоциализацию к процессу исправления или реабилитации. В настоящее время этот термин понимается широко — как сознательное изменение поведения человека в ситуации очевидного социального неуспеха.

Что касается пенитенциарной системы и постпенитенциарного сопровождения, то вопросы ресоциализации, социальной адаптации и оказания социальной и социально-психологической помощи молодым

осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в российском законодательстве должным образом не урегулированы. В настоящее время существуют лишь отдельные исследования и разработки, посвященные этой проблеме (Х. Алиев, С. А. Ветошкин, М. Г. Дебольский, Э. В. Зауторова, А. А. Клепач, Н. Е. Колесникова, А. В. Лебедев, А. С. Новоселова, Г. Н. Рослова, В. Е. Рожнова, В. И. Серов, Г. А. Шичко, А. Н. Пастушеня). Исследователями установлено, что наибольшие положительные изменения показателей ресоциализации осужденных достигнуты в возрастных группах 18–25 и 31–39 лет¹⁴, поэтому эти осужденные являются наиболее перспективными для организации индивидуально-групповой работы.

В международных нормативных правовых актах, в частности Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, традиционными технологиями ресоциализации осужденных являются:

- организация режима и создание благоприятных условий содержания как важнейших факторов оказания позитивного воздействия на осужденных;
- организация времени, проводимого осужденными вне камер (труд, занятия спортом, получение образования, культурные мероприятия и т. д.);
- религиозно-нравственное воспитание;
- социально-психологические технологии ресоциализации (социально-психологическая диагностика, коррекция, профилактика и активное социально-психологическое обучение, социоцентрированная психотерапия, социально-психологическое консультирование, тренинг, сопровождение);
- добровольное лечение от алкоголизма и наркомании и др.

К проблемным аспектам ресоциализации осужденных в местах лишения свободы исследователи относят следующие:

- на уровне Федеральной службы исполнения наказаний не существует единой концепции ресоциализации граждан, отбывающих наказание, в том числе осужденных молодежного возраста;
- в настоящее время нет системного учета условий и факторов развития молодых осужденных как личностей. Кроме того, необходимы критерии социально-психологических особенностей позитивной или негативной адаптации к пенитенциарному учреждению для анализа возможностей и стратегий ресоциализации;
- слабо ведется такая продуктивная форма работы, как организация малых психокоррекционных групп и моделирование коррекционных программ с учетом возрастных и индивидуально-личностных ограничений и ресурсов осужденных молодежного возраста;
- требуется усиление организации активного социально-психологического обучения осужденных молодежного возраста в период отбывания срока наказания;
- необходимо укрепление и развитие материально-технической базы, обеспечивающей процесс подготовки к освобождению (специально оборудованной).

дованные помещения для индивидуально-групповой социально-психологической работы с осужденными);

— следует повысить качество подбора персонала исправительных учреждений, поскольку их особенностью является закрытый характер, а круг общения осужденных сужен до представителей администрации и осужденных (сотрудники пенитенциарного учреждения являют собой образец взаимодействия с миром);

— требуется повышение собственной социально-психологической компетентности сотрудников исправительного учреждения с большим стажем работы и получение знаний по психолого-педагогическому взаимодействию с гражданами, отбывающими наказание;

— важным фактором качественной ресоциализации осужденных является повышение роли и ответственности администрации пенитенциарного учреждения за результаты процесса адаптации осужденного к жизни на свободе;

— необходимо создать переходные структуры, функционирующие на уровне государственных, которые смогут осуществлять не только контроль поведения на свободе, но и помогут освобожденным гражданам с помощью социального сопровождения.

В России за последние пять лет на уровне регионов приняты 35 региональных законов и 85 постановлений правительств, утверждающих программы, которые предусматривают социальную и социально-психологическую поддержку и обслуживание осужденных. Не является исключением и Псковская область, где постановлением администрации Псковской области от 1 августа 2013 г. № 336 утверждена долгосрочная целевая программа «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Псковской области на 2013–2016 годы». Ранее, в 2011 г., было принято постановление администрации Псковской области «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Содействие занятости лиц, освобожденных из мест лишения свободы и осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, на территории Псковской области на 2012–2015 гг.». Основным результатом ее реализации должно явиться трудоустройство 770 граждан, которые в этот период освободятся из мест лишения свободы и/или отбудут наказание без изоляции от общества¹⁵.

Положительным в этом является следующее:

— региональные законы и постановления правительств учитывают специфику регионов;

— большинство принятых на региональном уровне программ касается лиц, освобожденных из мест лишения свободы¹⁶.

Однако существует ряд проблемных задач в адаптации осужденных к жизни на свободе:

— вопросы правовой защиты недостаточно урегулированы на уровне как пенитенциарной системы, так и общества в целом;

— отсутствуют комплексные государственные программы социальной защиты категорий граждан, освобожденных из мест лишения свободы (есть про-

граммы контроля поведения, но нет социального сопровождения);

— отсутствуют комплексные государственные программы развития социальных навыков и социального сопровождения граждан, освобожденных из мест лишения свободы;

— существует необходимость расширения числа организаций, занимающихся социальной адаптацией бывших осужденных.

Таким образом, в настоящее время пенитенциарная система не может в полном объеме решить вопросы ресоциализации и последующей социальной адаптации в общество граждан, освобожденных из мест лишения свободы. Решение этих задач имеет несколько компонентов.

1. Качественные индивидуально-групповые программы ресоциализации граждан, отбывающих наказание в пенитенциарной системе. Для этого необходимы единая концепция ресоциализации осужденных и критерии ответственности администрации пенитенциарного учреждения за ее результаты.

2. Организация пространства переходного типа для граждан, освобожденных из мест лишения свободы, прежде всего, с целью социального сопровождения, а также контроля поведения на свободе. Для этого необходима специальная государственная программа.

3. Комплексные государственные программы социальной защиты категории граждан, освобожденных из мест лишения свободы.

Совокупность этих факторов даст возможность полноценно вернуть в общество граждан молодежного возраста и таким образом повысить социальную безопасность страны.

¹ *Практическое руководство по эффективному применению международных тюремных правил: как заставить стандарты работать.* М., 1998. С. 206.

² *Бродченко О. И., Логунова О. А.* Разработка психологического типа преступников, совершивших разбойные нападения // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2007. № 4. С. 58–64.

³ *Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б.* Пенитенциарная психология. Ростов н/Д, 2007. 681 с.

⁴ *Трубников В. М.* Социальная адаптация освобожденных от наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991. 519 с.

⁵ *Савельев А. И., Урусов А. А.* Психологические особенности личности несовершеннолетних с противоправным поведением // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2008. № 2. С. 54–56.

⁶ *Волкова Т. Н.* Социальные и психологические проблемы старости // *Вопросы психологии.* 2005. № 2. С. 118–126.

⁷ *Работа с правонарушителями в обществе.* СПб., 2012. 153 с.

⁸ *Баранов Ю. В.* Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. 275 с.

⁹ *Гидденс Э.* Социология / науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. М., 1999. 703 с.

¹⁰ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

¹¹ *Жулева Ю. В.* Ресоциализация осужденных несовершеннолетних женского пола, отбывающих наказание в воспи-

тательных колониях: правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. 223 с.

¹² Предов Т. И. Ресоциализация преступников-рецидивистов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 24 с.

¹³ Кулебякин Е. В. К проблеме соотношения объективного и субъективного в процессе социальной адаптации в современных условиях (макросоциологические аспекты) // Проблемы социальной адаптации различных групп населения в современных условиях. Владивосток, 2000. С. 28–36.

¹⁴ Колесникова Н. Е., Цветкова Н. А. Социально-психологический подход к ресоциализации осужденных мужчин: тео-

рия и технология индивидуально-групповой работы: монография. Псков, 2011. 251 с.

¹⁵ Левочкина М. В., Цветкова Н. А. Социально-психологическое содействие трудоустройству мужчин, вернувшихся из мест лишения свободы // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: сборник материалов международных НПК / под ред. Ю.П. Платонова. СПб., 2012. С. 43–46.

¹⁶ Городецкий Н. Н. Социальная помощь осужденным без изоляции от общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5. С. 17–20.

УДК 159.9: 376. 6

ВКЛАД ДУХОВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В РЕСОЦИАЛИЗАЦИЮ АДДИКТИВНОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Н. Г. Штейн

Статья затрагивает научные аспекты ресоциализации и аддиктивного поведения несовершеннолетних делинквентов. Показана сущность духовно-ориентированного подхода к психокоррекции зависимостей, его позитивные и негативные стороны.

Ключевые слова: личность, аддикция, аддиктивное поведение, духовно-ориентированный подход, психокоррекция, делинквентное поведение.

Сегодня в Украине распространение наркомании приобрело характер эпидемии; по линии МВД зарегистрировано 107 тыс. наркоманов (реально — в 10–15 раз больше, более 1 млн), каждый пятый наркоман — женщина¹. Наркомания выходит на одно из первых мест среди проблем, которые серьезно угрожают физическому, социальному, а главное — духовному здоровью и благополучию общества.

По оценкам экспертов, в общем количестве людей, знакомых с наркотиками, молодежь составляет около 70%. Характерно, что стойкое пристрастие к наркотическим средствам, как показывают проведенные учеными исследования, формируется преимущественно в несовершеннолетнем возрасте². Существует ряд факторов риска, способствующих появлению аддиктивного поведения³.

Употребление наркотиков несовершеннолетними приводит к деформации процесса социализации, к трудностям построения нормальных связей с миром, социумом. Усвоение несовершеннолетним социального опыта, формирование необходимых знаний, умений, привычек, т.е. способности адекватно общаться и взаимодействовать с другими, тормозится⁴.

Целью нашего исследования было выявление возможностей духовно-ориентированного подхода к ресоциализации наркозависимых несовершеннолетних девиантов и делинквентов. В исследовании принимали участие 77 несовершеннолетних: 1-я группа — 37 учеников Куряжской воспитательной колонии Харьковской области, мужского пола, 15–16 лет; 2-я группа — 40 учеников общеобразовательной школы г. Донецка того же возраста и пола, состоящих на учете в милиции в связи с правонарушениями. В анамнезе испытуемых этих двух

групп было зафиксировано регулярное употребление наркотиков.

На первом этапе исследования было проанализировано состояние проблемы аддиктивного поведения в психологической науке; проведен системный анализ основных научных подходов к этой проблеме, определены основные детерминанты зависимого поведения несовершеннолетних. Был подобран комплекс эмпирических психодиагностических методик, который позволил охватить основные проявления индивидуально-психологических свойств личности аддиктивных делинквентов в плане последующего построения иерархических и координационно-функциональных соотношений этих свойств. В комплекс были включены методики для определения: типологических и характерологических особенностей личности испытуемых; степени интеллектуального развития личности, доминирующих эмоциональных состояний; волевой саморегуляции; коммуникативных особенностей индивидуального и группового общения; риска употребления психоактивных веществ; мотивации поведения в социально сложных и криминогенных ситуациях.

Для решения поставленной задачи была разработана программа психокоррекции. В программу были включены техники арттерапии, сказкотерапии, ролевые игры. В информационной части программы использовались фрагменты научно-популярных фильмов по наркомании.

Программа ресоциализации прошла апробацию в Куряжской воспитательной колонии Харьковской области (основанной А. С. Макаренко) и в Донецком областном центре ресоциализации наркозависимой молодежи «Твоя победа» (ДОЦРМ), в котором реализуется духовно-ориентированный подход в психокоррекции «12 шагов»⁵, состоящий из шести этапов. В основе этого подхода — гипотеза о том, что возвращение в общество возможно в случаях, если отказ от наркотиков и других психоактивных веществ мотивирован самим наркозависимым человеком и дополняется продолжительным реабилитационным периодом, наполненным духовно-просветительским содержанием и активной психокоррекцией.

Отличие от современных психокоррекционных и психотерапевтических подходов заключается в обращении этого подхода к духовному началу в человеке, триединству его духа, души и тела.

«Ревитализация» (от лат. *re...* — возобновление и *vita* — жизнь; дословно — *возвращение жизни*) — понятие, используемое в научной и практической деятельности

(медицине, косметологии, архитектуре, технике, экономике, культуре, языкознании и др.) и характеризующее процессы восстановления, оживления, воссоздания. Цель духовного консультирования заключается в том, чтобы развивать христианскую зрелость, чтобы помогать людям, испытывать более богатое в эмоциональном отношении переживание и реализовать более эффективную жизнь. Регендеризация означает создание мотивации к переменам (создание почвы в альтернативном размышлении). Реидентификация — это консультационная поддержка на пути к переменам (принятие решения).

На доаналитическом этапе испытуемый не осознает конкретной проблемы, но испытывает переживания типа «что-то со мной не так»). Психолог проводит интервью по вопросам, направленным на формирование мотивации к изменениям, например: «Что происходит с Вами и окружающими?»; «Вам от этого хорошо или плохо?»; «Вследствие чего?»; «Для чего жить?» Здесь важно дать возможность испытуемому подумать, размышлять над поставленными вопросами.

На аналитическом этапе отмечены размышления, связанные с переживаниями (консультируемый часто говорит о себе не определенно, как о личности, а: «Я какой-то не такой»). На этом этапе часто можно встретиться с тревогой, чувством отверженности испытуемого. Работа психолога также ограничивается интервью, которое направляется на осознание важности ситуации, создание мотивации на принятие решения. Вопросы: «Что происходило?»; «Как происходило?»; «На Ваши действия кто-то влиял?»; «Мешало ли Вам это жить?».

На этапе принятия решений и поддержки обычно приходит сожаление, раскаяние. На фоне переживаний, связанных с переходом на новый жизненный этап, происходит систематизация размышлений, поиск способов и альтернатив, появляется необходимость выбора вариантов и ответственности. Психолог фиксирует появление тревоги, чувства отчуждения (связано с прежним окружением), часто непринятия новым окружением. Вопросы: «Что решили делать?»; «Кто помогает Вам?»; «Как справляетесь?»; «Чем я могу быть Вам полезен?»

На этапе удержания результатов требуется совладание с дискомфортом, размышление, создание новых стратегий совладания, поиск поддержки в среде. На этапе сохранения результатов происходит размышление, поиск новых способов преодоления стрессов, на этапе восстановления — самостоятельный поиск новых форм деятельности, уверенность в своей позиции.

Целью психологической коррекции являлось устранение недостатков в развитии личности. Психокоррекция рассматривается как процесс расширения диапазона реагирования человека на разные жизненные события, формирование навыков, которые делают его поведение более гибким, повышают адаптивные возможности личности.

Социальная адаптация аддиктов в процессе коррекции на уровне отдельных личностей включает:

1) реализацию механизма взаимодействия личности аддиктивного несовершеннолетнего с микросредой путем определенного приспособления к ней через деятельность, общение, поведение;

2) усвоение норм, моральных ценностей ближайшего положительного социального окружения путем их рационального осознания;

3) достижение состояния адаптированности субъекта путем установления динамического равновесия между его личностными установками и ожиданиями социальной среды при наличии контроля с ее стороны.

В процессе групповой психокоррекции решались следующие задачи: 1. Осознание подработками являлись созависимости, идентификация собственных чувств, мыслей, потребностей, переживание чувства стыда. 2. Принятие на себя ответственности за свои мысли, чувства и поведение. 3. Повышение уровня уверенности в своих силах. 4. Повышение самооценки. 5. Получение подтверждения принятия средой ровесников. 6. Формирование противонаркотических негативных установок и убеждений. 7. Достижение понимания своих внутренних проблем и способов их разрешения.

В целом процесс психокоррекции опирался на психические механизмы внушения и самовнушения, убеждения и самоубеждения.

Исследование показало, что использование в программе ресоциализации несовершеннолетних аддиктов духовно-ориентированного подхода «12 шагов» было более успешным в первой группе (воспитанников колонии), чем во второй группе (школьников). С нашей точки зрения, это объясняется прежде всего различием условий проведения занятий, возрастными и индивидуально-психологическими особенностями личности испытуемых двух групп. В условиях колонии режим достаточно суровый, все занятия, процесс общения и деятельность воспитанников происходят под контролем учителей, воспитателей и других сотрудников. Положительное отношение к дополнительным коррекционным занятиям говорит о возможном их восприятии в качестве расширения досуга. В то время как у школьников, находящихся на свободе, возможностей досуга значительно больше, и занятия по психокоррекции могут восприниматься как досадная помеха. Результаты психодиагностического обследования испытуемых показали, что воспитанники колонии (первая группа) имеют более высокий уровень экстернальности, чем школьники (вторая группа) — значимость различий $p \leq 0,5$, т. е. более низкий уровень субъективного контроля своего поведения; отмечается значимо более высокий уровень тревожности, изолированности, внушаемости, что является основной причиной более легкого усвоения коррекционных воздействий. Так, в группе школьников отмечен значительный позитивный эффект от встречи с наркоманами, находящимися на реабилитации в ДООЦРМ, по сравнению с восприятием фотографий наркозависимых и фильмов о них.

В работе с несовершеннолетними аддиктами необходим комплексный подход с применением разнообразных техник, активных методов психокоррекции.

Также были получены положительные результаты применения духовно-ориентированного подхода «12 шагов» в ДООЦРМ г. Донецка для ресоциализации наркозависимых молодых и взрослых людей (19–26 лет и 27–34 года)⁷. Эти лица, осознав свое бессилие перед зависи-

мостью от наркотиков и желая прекратить их прием, обратились в Центр с просьбой оказать психологическую помощь. Главными задачами ресоциализации аддиктов являются: отказ от приема любых количеств любых наркотиков, качественное изменение личности аддикта и членов его семьи, изменение взаимоотношений с окружающим миром и обретение духовного опыта. В английском языке слово «здоровье» происходит от староанглийского *hal*, означающего «целый». То же значение имеет славянское слово «исцеление». Задача психолога, работающего в русле подхода «12 шагов», состоит в том, чтобы привести наркозависимого человека к состоянию целостности духа, души и тела. Освобождение от рабства наркомании невозможно без обретения реально существующей духовной основы, способной заполнить духовный и душевный вакуум. Для христианина обретение такой основы начинается со встречи с Богом. Не с философской доктриной, не с исполнением каких-то обрядов и традиций, а со Всемогущим Богом. Наркозависимые при прохождении курса ресоциализации показали снижение постнаркотических проявлений. Смысл работы психолога с человеком по этой программе в том, чтобы подготовить его общение со священником. В настоящее время в обществе заметно возрос интерес к религии, священники проводят работу по реабилитации лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных заведениях. Психолог не подменяет священнического служения, а просто помогает человеку совершить первоначальную работу размышления над собственной жизнью, чтобы он нашел болевые точки собственного Я, которые ему помогут потом покаяться (И. Н. Машков)⁷.

Выводы

1. Духовно-ориентированный подход в ресоциализации несовершеннолетних аддиктов должен дополняться другими подходами и техниками (ролевые игры, арттерапия, сказкотерапия), что обусловлено низким уровнем нравственно-правовой, духовной социализации, отсутствием опыта посещения церкви, общения со священником.

2. Следует отметить, что главный мотив убеждения должен быть позитивным, а не только негативным.

3. Программа ресоциализации подростков должна быть обращена к их самолюбию, уверенности в себе и потребности в самоутверждении, чувству гордости за свои (пусть небольшие) достижения.

4. Необходимо поощрять их стремление контролировать собственное поведение и не перекладывать вину за свои негативные привычки на других или на мифические обстоятельства. 5. Эффективной тактикой является внушение несовершеннолетним и молодым людям, что престижно поддерживать хорошую физическую форму.

¹ *Організація працівниками кримінальної міліції у справах дітей профілактики незаконних дій з наркотиками* : наук. практ. посібник / В. В. Марков, В. В. Корнієнко, О. М. Галкіна та ін. Харків, 2010. С. 6.

² *Преступность в изменяющемся мире и проблемы оптимизации борьбы с ней* / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2006. С. 188.

³ *Личко А. Е., Битенский В. С.* Подростковая наркология: руководство. Л., 1991. С. 26–27; *Павлова И. В., Герман Е. В., Антипин В. Б.* Профилактика аддиктивного поведения студенческой молодежи в вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3. С. 46–49.

⁴ *Землянська О. В.* Особистість як об'єкт судово-психологічної експертизи : монографія. Харків, 2004. С. 117.

⁵ *Психодиагностика и психокоррекция* / под ред. А. А. Александрова. СПб., 2008. С. 266–268; *Клиническое руководство по психическим расстройствам* / под ред. Д. Барлоу. 3-е изд. СПб., 2008. С. 549–553; *Клиническая психология и психотерапия* / под ред. М. Пере, У. Баумана. 3-е изд. СПб., 2012. С. 581–590.

⁶ *Штейн Н. Г.* Сучасне трактування поняття «ресоціалізація» відносно наркозалежності особистості // Актуальні проблеми сучасної психології та педагогіки вищих навчальних закладів МВС України : матер. наук.-прак. конф. (Харків, 24 травня 2013 р.). Харків, 2013. С. 182–184.

⁷ *Психодиагностика и психокоррекция*. С. 269.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ РАБОТНИКОВ ОВД К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМ

О. В. Коноплицкая

Рассматривается эмоционально-оценочная составляющая социально-психологических установок сотрудников ОВД в отношении различных категорий несовершеннолетних правонарушителей. Осуществлен сравнительный анализ эмоций и чувств сотрудников относительно несовершеннолетних правонарушителей различных категорий.

Ключевые слова: социально-психологические установки, эмоционально-оценочный компонент установок, личность несовершеннолетнего правонарушителя, работники ОВД.

В современных условиях общество и государство ставит перед сотрудниками ОВД Украины задачу способствовать созданию каждому ребенку надлежащих условий для полного и гармоничного развития личности, обеспечить правильность и эффективность правовых решений по несовершеннолетнему, который находится в конфликте с законом, содействовать перевоспитанию и дальнейшей социальной поддержке. Поэтому главным социальным назначением правоохранительных органов, приоритетным направлением их многофункциональной деятельности является профилактика правонарушений среди подростков¹.

Целью работы являлось изучение эмоционально-оценочной сферы как составляющей социально-психологических установок работников ОВД в отношении различных категорий несовершеннолетних правонарушителей. Для исследования мы использовали цве-

Таблица 1. Выбор цветов, с которыми работники ОВД ассоциируют различные категории несовершеннолетних правонарушителей, %

Цвет	Категория деяния			Вероятность отличий		
	административные	насильственные	корыстно-насильственные	$P_{1,2}$	$P_{2,3}$	$P_{1,3}$
Синий	11,7	0,0	0,0	0,01	–	0,01
Зеленый	0,0	0,0	0,0	–	–	–
Красный	34,2	55,0	87,5	0,01	0,01	0,01
Желтый	23,3	20,0	1,67	–	0,01	0,01
Фиолетовый	30,8	25,0	10,8	–	0,01	0,01
Коричневый	0,0	0,0	0,0	–	–	–
Черный	0,0	0,0	0,0	–	–	–
Серый	0,0	0,0	0,0	–	–	–

товой тест отношений Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда и семантический дифференциал. С помощью этих методик работники ОВД оценивали правонарушителей по трем категориям деяний: первая категория — административные правонарушения; вторая категория — насильственные правонарушения; третья категория — корыстно-насильственные правонарушения.

Исследования проводились с работниками следующих подразделений: криминальная милиция по делам детей, следствие, участковые инспекторы милиции. В опросе приняли участие 120 работников милиции со стажем работы в органах внутренних дел от 1 до 28 лет; 85% опрошенных сотрудников милиции — мужчины, 15% — женщины. Рассмотрим результаты цветового теста отношения при тестировании (табл. 1).

Анализ ответов на основе ассоциаций цвета по первой категории позволяет выявить следующие различия в выборах цветов: 34,2% работников ОВД ассоциируют несовершеннолетних правонарушителей, совершивших правонарушение, с красным цветом; фиолетовый цвет выбрали 30,8% респондентов; 23,3% от их числа ассоциируют несовершеннолетних с желтым цветом. По мнению правоохранителей, лиц, совершивших административные правонарушения, можно оценить как активных, направленных на поиск выхода из неблагоприятной ситуации, с нетривиальным подходом к решению проблем, оригинальностью, стремлением привлечь внимание к себе и вовлечь в сферу своих интересов тех, мнение которых является весомым, с высокой мотивацией достижений, со стремлением к доминированию, непосредственностью и раскованностью поведения, высокой самооценкой. Данной категории несовершеннолетних свойственны потребность в деятельности, эмоциональной увлеченности, общении, признании и стремление к соперничеству в межличностном взаимодействии. Важным аспектом является выбор синего цвета 11,7% правоохранителей, так как он выделен только в данной категории несовершеннолетних правонарушителей. Он символизирует потребность в прочной и глубокой привязанности, эмоциональном комфорте и защите от внешнего воздействия.²

Несовершеннолетние, совершившие насильственное правонарушение, ассоциируются у 55,0% работников ОВД с красным цветом, 25,0% их ассоциируют данную категорию несовершеннолетних с фиолетовым цветом; 20,0% от их числа выбрали желтый цвет. По мнению сотрудников правоохранительных органов, несовер-

шеннолетним, которые совершили насильственные правонарушения, присущи оригинальность мышления, богатое воображение, повышенная тревожность, робость, застенчивость, уязвимость, индивидуалистичность (которая создает трудности в попытке налаживать контакты), целенаправленная активность, самоутверждение, выражение жизненной силы, желание побеждать, высокая мотивация достижений, стремление к доминированию. Агрессивность направлена на противостояние тенденциям окружающей среды.

Несовершеннолетние правонарушители, совершившие корыстно-насильственное правонарушение, вызывают у 87,5% сотрудников ОВД ассоциации с красным цветом. На втором месте, как и в предыдущих случаях, — фиолетовый цвет, который выбрали 10,83% сотрудников, и только 1,7% их ассоциируют несовершеннолетних правонарушителей третьей категории совершивших правонарушение, с желтым цветом. По их мнению, данная группа несовершеннолетних чрезвычайно активна и имеет большое желание самоутвердиться. В них выражены жизненная сила, желание побеждать, присутствует высокая мотивация достижений, стремление к доминированию. Они не терпят, когда им противоречат, чрезвычайно агрессивны и могут без сожаления использовать силу; чтобы достичь цели, склонны к риску.

Как видим, для всех категорий несовершеннолетних правонарушителей правоохранители выбрали три цвета: красный, фиолетовый и желтый. С увеличением тяжести и корысти преступления растет удельный вес ассоциаций с красным цветом (34,2%, 55,0 и 87,5%; $p_{1,2} \leq 0,01$, $p_{2,3} \leq 0,01$, $p_{1,3} \leq 0,01$) и постепенно уменьшается выбор фиолетового (30,8%, 25,0 и 10,8%; $p_{2,3} \leq 0,01$, $p_{1,3} \leq 0,01$) и желтого цветов (23,3%, 20,0 и 1,67%; $p_{2,3} \leq 0,01$, $p_{1,3} \leq 0,01$). Это свидетельствует о возрастании целенаправленной активности, самоутверждения, желания побеждать. При этом сильно выражены чувство эгоизма, проявления жестокости, отсутствие сопереживания и сочувствия. Действия и поступки несовершеннолетних правонарушителей становятся более последовательными и рассудительными, не нуждаются в поддержке и одобрении других людей. Работники правоохранительных органов относятся к такому несовершеннолетнему как к взрослой, сформировавшейся личности.

Рассмотрим аспекты неосознанного отношения сотрудников ОВД к различным группам несовершеннолетних правонарушителей.

Таблица 2. Эмоции и чувства, которые испытывают работники ОВД к различным категориям несовершеннолетних правонарушителей ($x \pm \sigma$)

Эмоции и чувства	Категория деяний			Вероятность отличий		
	административные	насильственные	корыстно-насильственные	P _{1,2}	P _{2,3}	P _{1,3}
Добродушие	-1,3±0,9	-0,5±1,5	-2,0±1,3	0,01	0,01	0,01
Предпочтение	-1,0±0,8	-0,9±1,4	-2,1±1,0	–	0,01	0,01
Уважение	-1,2±0,7	-0,7±1,1	-2,5±0,7	0,01	0,01	0,01
Любовь	-1,1±1,0	-0,9±1,3	-2,1±1,4	–	0,01	0,01
Радость	-0,7±0,8	-0,6±1,2	-1,8±1,4	–	0,01	0,01
Жалость	-0,4±1,1	-0,6±1,3	-1,8±1,6	–	0,01	0,01
Успокоение	-1,7±1,0	-0,3±1,5	-2,3±1,3	0,01	0,01	0,01
Милосердие	-0,7±1,0	-0,2±1,5	-2,5±0,7	0,01	0,01	0,01
Терпение	-0,3±1,5	-0,4±1,2	-2,1±1,3	–	0,01	0,01
Сочувствие	-0,3±1,6	0,1±1,6	-2,0±1,3	–	0,01	0,01
Безмятежность	-0,5±1,5	-0,3±1,7	-2,2±1,2	–	0,01	0,01
Симпатия	-0,8±0,7	-0,6±1,2	-1,8±1,6	–	0,01	0,01
Утешение	-0,3±1,1	-0,5±1,1	-1,4±1,6	–	0,01	0,01
Заинтересованность	-1,0±1,2	-1,2±1,1	-2,0±1,3	–	0,01	0,01
Умиротворение	-0,8±0,7	0,0±1,3	-2,2±1,3	0,01	0,01	0,01
Доверие	-0,6±0,6	-0,4±1,2	-1,3±1,2	–	0,01	0,01
Уравновешенность	-0,8±1,3	-1,4±1,1	-1,3±1,4	0,01	–	0,01
Приверженность	-0,6±0,7	-0,3±1,3	-1,2±1,6	–	0,01	0,01

Показатель неосознанного отношения к несовершеннолетним правонарушителям, которые совершили административное правонарушение, нейтральный — 4,32; насильственное правонарушение — 5,13, а к совершившим корыстно-насильственное правонарушение — 6,10. То есть, с повышением тяжести и корысти преступления увеличивается и отрицательный показатель неосознанного отношения к несовершеннолетним правонарушителям ($p_{1,2} \leq 0,01$, $p_{2,3} \leq 0,01$, $p_{1,3} \leq 0,01$).

Для изучения эмоционально-оценочной составляющей социально-психологических установок сотрудников ОВД относительно различных категорий несовершеннолетних правонарушителей мы также использовали методику семантического дифференциала. Оценки эмоций, которые испытывают правоохранители к различным категориям несовершеннолетних, занесены в табл. 2.

Результаты проведенного нами тестирования позволяют обратить внимание на то, что все эмоции и чувства, которые испытывают правоохранители к несовершеннолетним правонарушителям, являются отрицательными. Выделим наиболее значимые эмоции и чувства сотрудников ОВД к каждой из категорий несовершеннолетних правонарушителей:

1. К несовершеннолетним правонарушителям, которые совершили административное правонарушение:

— возмущение (успокоение: -1,7) — свидетельствует о сильном недовольстве, раздражении данной категорией несовершеннолетних;

— гнев (добродушие: -1,3) — чувство недовольства поведением несовершеннолетних, которое возбуждает и раздражает работников ОВД;

— презрение (уважение: -1,2) — чувство пренебрежения, неуважения к тем, совершил административное правонарушение;

— ненависть (любовь: -1,1) — большая враждебность;

— отсутствие интереса (заинтересованность: -1,0) — незаинтересованность жизнью несовершеннолетних, нежелание изучать их, работать с ними, равнодушие;

— предпочтение (пренебрежение: -1,0) — свидетельствует о презрении, неуважении, невнимательности, халатном отношении к людям и вещам;

— нетерпимость (терпение: -0,3), равнодушие (сочувствие -0,3), обида (утешение: -0,3). Эти эмоции наименее выражены в отношении данной категории несовершеннолетних; их значение близко к 0.

2. К несовершеннолетним, совершившим насильственное правонарушение, правоохранители испытывают нейтральные эмоции (значения колеблются в пределах «0»), за исключением таких особенностей, как:

— беспокойство (уравновешенность: -1,4) — несовершеннолетние вызывают чувство волнения, тревоги;

— отсутствие интереса (заинтересованность: -1,2) — незаинтересованность жизнью несовершеннолетних, нежелание изучать, работать с ними, равнодушие;

— предпочтение («пренебрежение»: -0,9), любовь («ненависть»: -0,9).

3. В отношении несовершеннолетних, совершивших корыстно-насильственное правонарушение, у сотрудников ОВД выражены практически все негативные эмоции, поэтому отметим те, которые выражены меньше:

— презрение (уважение: -2,5) — чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к несовершеннолетним правонарушителям, которые совершили административное правонарушение;

— жестокость (милосердие: -2,5) — проявляется в бесчеловечном, грубом, оскорбительном отношении к другим, причинении им боли и в посягательстве на их жизнь;

— возмущение (успокоение: -2,3) — чувство сильного недовольства, раздражения;

— паника (безмятежность: -2,2) — внезапное замешательство, растерянность или проявление страха;

— тревога (умиротворение: -2,2) — беспокойство, смущение, вызванные опасением, страхом, предчувствием неприятного, опасного;

— апатичность (приверженность: $-1,2$) — чувство незаинтересованности, безразличия, вялости;

— беспокойство (уравновешенность: $-1,3$) — желание активно действовать;

— недоверие (доверие: $-1,3$) — испытывают неискренность, не верят;

— грусть (утешение: $-1,4$) — поведение несовершеннолетних вызывает печаль.

Применение методики семантического дифференциала позволило сделать следующий сравнительный анализ:

— работники ОВД в отношении несовершеннолетних, совершивших корыстно-насильственные преступления, в сравнении с теми, кто совершил административные и насильственные правонарушения, чувствуют достоверно более выраженные: презрение ($-2,5, -1,2, -0,9$; $p_{1,3} \leq 0,01, p_{2,3} \leq 0,01$); жестокость ($-2,5, -0,7, -0,2$; $p_{1,3} \leq 0,01, p_{2,3} \leq 0,01$); негодование ($-2,3, -1,7, -0,3$; $p_{1,3} \leq 0,01, p_{2,3} \leq 0,01$); панику ($-2,2, -0,5, -0,3$; $p_{1,3} \leq 0,01, p_{2,3} \leq 0,01$) и тревогу ($-2,2, -0,8, 0,0$; $p_{1,3} \leq 0,01, p_{2,3} \leq 0,01$). Как видно из табл. 2, по всем эмоциям обнаружены достоверные различия в сторону их большей выраженности в отношении несовершеннолетних насильственно-корыстной направленности с отрицательным знаком. Исключение составляет «уравновешенность-неугомонность» ($-1,3, -1,4$; $p_{2,3} > 0,01$).

Работники ОВД в отношении несовершеннолетних, совершивших насильственные правонарушения, сравнительно с теми, кто совершил административные правонарушения, чувствуют достоверно более выраженную неугомонность ($-1,4$ и $-0,8$; $p_{1,2} \leq 0,01$) и достоверно менее выражены: гнев ($-1,3$ и $-0,5$; $p_{1,2} \leq 0,01$), презрение ($-1,2$ и $-0,7$; $p_{1,2} \leq 0,01$), негодование ($-1,7$ и $-0,3$; $p_{1,2} \leq 0,01$), жестокость ($-0,7$ и $-0,2$; $p_{1,2} \leq 0,01$), тревога ($-0,8$ и $0,0$; $p_{1,2} \leq 0,01$).

Таким образом, исследование эмоционально-оценочного компонента установок сотрудников ОВД в отношении различных категорий несовершеннолетних правонарушителей показало:

— правоохранители испытывают сильное недовольство поведением несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение, чувствуют

раздражение, пренебрежение к ним, враждебность, незаинтересованность их жизнью. Эмоции наименее присущи правоохранителям в отношении административных несовершеннолетних, это: нетерпимость, равнодушные, обида. Но, как видим, правоохранители их, скорее, недолюбливают, чем боятся, так как гораздо менее выражены эмоции паники, тревоги.

В отношении несовершеннолетних, совершивших насильственное правонарушение, правоохранители испытывают нейтральные эмоции и чувства, оценки изучаемых эмоций близки к нулю. Можно сказать, что по отношению к данной категории несовершеннолетних они чувствуют незначительную тревогу, волнение, раздражение, не интересуются их жизнью.

По отношению к несовершеннолетним, совершившим корыстно-насильственное правонарушение, правоохранители испытывают негативные эмоции и чувства, а также ощутимые опасения, тревогу, волнение, страх. Правоохранители готовы ограничить сотрудничество с несовершеннолетними. Как результат, они стараются держаться в стороне от данной категории несовершеннолетних, не интересуются ими, безразлично относятся к их проблемам и испытывают к ним только пренебрежение и презрение.

Изучение психоэмоциональной сферы сотрудников ОВД относительно несовершеннолетних правонарушителей позволило нам выявить эмоционально-оценочную составляющую социально-психологических установок. Обозначенные закономерности показывают, что данная проблема требует продолжения исследования в этой части, особенно в сфере работы с несовершеннолетними.

¹ Каширский Д. В. Субъективные ценности современной молодежи: монография. Барнаул, 2012. 224 с.; Кудрявцев В. Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. М., 2006. 734 с.; Гулевич О. А., Голынич Е. О. Правосознание и правовая социализация. М., 2003. 270 с.

² Рогов Е. И. Настольная книга практического психолога: учеб. пособие: в 2 кн. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. 384 с.

УДК 159.9

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ О ПОЖИЛЫХ И СТАРЫХ ЛЮДЯХ

В. В. Лемиш

В статье анализируется специфика образов старого и пожилого человека в представлениях девушек и юношей, обучающихся на первой ступени профессионального образования. Показано, что эти образы слабо дифференцированы, вместе с тем образ пожилого человека более позитивен, чем старого. В исследовании использовались оценочные шкалы, составленные автором на основе применения метода репертуарных решеток Келли.

Ключевые слова: возраст, возрастной символизм, старение, образ старого человека, образ пожилого человека.

Многопоколенное общество — социальная реальность современности. Без адекватного восприятия и понимания молодежью старшего поколения невозможно эффективное взаимодействие поколений, становится затрудненным передача опыта, как жизненного, так и профессионального, что оказывает негативное влияние на сохранение, функционирование и развитие общества в целом. Возраст является социокультурным феноменом. Возрастные категории, как социально-конструируемые феномены, не только описывают реальность человеческого развития, но и формируют содержание возрастных отношений, влияя на поведение¹. Более того, представления о возрастных особенностях влияют и на самовосприятие.

Целью нашего эмпирического исследования было изучение содержания представлений молодежи о пожи-

лых и старых людях. Оптимальными при постановке подобных задач являются различные психосемантические методы². При этом, как правило, используются две стратегии: применяются классические методы (часто таковым является семантический дифференциал Ч. Осгуда) либо исследователи сами разрабатывают оценочные шкалы. В первом случае используемые шкалы, с одной стороны, обладают универсальностью, однако, с другой, именно в силу этой универсальности, не показывают специфику описываемого объекта. Поэтому мы выбрали второй путь.

Исследование состояло из двух организационных этапов. Целью первого этапа и было создание оценочных шкал. Для этого мы применим метод репертуарных решеток Келли³. Для выявления конструкторов использовался метод минимального контекста, список элементов включал 16 позиций. При выборе элементов в значительной мере мы опирались на список ролевых персон Келли. Испытуемым предъявлялось 20 триад. Выборку составили 43 человека разного возраста.

Полученные данные и легли в основу создания оценочных шкал. При этом сначала были выделены те характеристики (сферы, психологические области, человеческие проявления), которые чаще всего использовались при сравнении предлагаемых триад. Таковых оказалось пять. В самом обобщенном виде мы их обозначили следующим образом: когнитивные, эмоциональные, регулятивные, коммуникативные и духовно-нравственные проявления. В каждом блоке выделили по пять специфических шкал, в итоге получили 25 оценочных шкал. Последовательность, уровень оценок и полярность шкал в созданной методике мы построили по аналогии с семантическим дифференциалом Ч. Осгуда.

Отобранные шкалы оценок прошли профессиональную экспертизу. В качестве экспертов выступили два доктора психологических наук, которые в своей научной деятельности активно использовали различные психосемантические методы, и два кандидата психологических наук. После соответствующей корректировки созданной методики мы приступили ко второму этапу исследования, целью которого и было выявление содержания представлений о пожилых и старых людях.

Выборку составили 25 человек в возрасте 16–21 года, из них 12 девушек и 13 юношей, обучающихся на первой ступени профессионального образования. Поскольку сравнение позволяет лучше понять специфику представлений о пожилых и старых людях, мы просили респондентов оценить не только пожилого и старого человека, но также и взрослого человека и ребенка. При этом мы исходили из того, что образ взрослого, как правило, наделяется позитивными качествами, поэтому его психологический «портрет» может выступать своеобразным эталоном. Что касается ребенка, то в данном случае мы проверяли часто используемую в нашем обществе поговорку: «Что старый, что малый». Для большей наглядности полученные результаты мы будем представлять и анализировать по пяти блокам последовательно. Показателями содержательных характеристик выступают средние значения оценок по соответ-

ствующим шкалам. Для выявления значимости различий оценок (дифференцированности характеристик образа) был использован t-критерий Стьюдента. Статистическая обработка проводилась с использованием программы SPSS 10.0⁴.

А. Когнитивные проявления

Ребенок: достаточно современный взгляд на многие вещи (1,92) (почти как у взрослого), относительно умен (1,6), мудр (1,28), есть тяга к познанию нового (1,2), но, в отличие от других возрастов, еще нет тяги к духовному (-0,28).

Взрослый: очень умный (2,36) (уступает только пожилому человеку), самый мудрый (2), у него самый современный взгляд на многие вещи (1,92), больше, чем у других, присутствует тяга к познанию нового (1,6) и к духовному (0,56).

Пожилый: самый умный из всех возрастных групп (2,8), достаточно мудрый (1,64) — уступает только взрослому, то же можно сказать и о тяге к духовному (0,48), новое воспринимает, но с трудом (0,8), тяга к познанию нового выражена слабо (0,48).

Старый: умный (2,28), достаточно мудрый (1,08), тяга к познанию нового (0,16) и духовности (0,12) на очень низком уровне, новое и вовсе не воспринимает (-1,04) (самый низкий показатель среди других возрастов).

В целом следует отметить, что респонденты не очень хорошо различают особенности познавательной сферы представителей различных возрастных групп: из 30 критериев только 9 являются статистически значимыми. Наиболее дифференцирующим признаком является шкала «Современный взгляд на многие вещи / Новое не воспринимает» — единственная шкала, по которой оценки практически всех возрастов статистически значимо отличаются (кроме ребенок/взрослый); наименее — шкала «Ограниченность интересов / Тяга к духовному» (все различия статистически незначимы).

В основном когнитивные особенности старого человека оцениваются ниже, чем у других возрастов. Образ ребенка и старого человека во многом сходен. Исключение составляет шкала «Современный взгляд на многие вещи / Новое не воспринимает» ($t=5,450$, при $p<0,001$). Это свидетельствует о том, что респонденты при оценке когнитивных особенностей в целом разделяют стереотип: «Что старый, что малый».

Социальные представления о пожилом и старом человеке существенно отличаются по двум шкалам: пожилой существенно умнее ($t=2,116$, при $p<0,05$) и у него значительно более современный взгляд на многие вещи ($t=3,258$, при $p<0,01$).

Б. Эмоциональные проявления

В целом представления респондентов об эмоциональных особенностях представителей различных возрастных групп выглядят следующим образом.

Ребенок: самый жизнерадостный (2,36), чувство юмора также выражено больше чем у других (2,04), по эмоциональности (1,32) уступает только взрослому, но

и самый несдержанный (-1,08) и наименее уравновешенный (0,88). Таким образом, при описании эмоциональной составляющей образа ребенка в целом характерны крайние оценки.

Взрослый: самый эмоциональный (1,6), и в то же время самый уравновешенный (1,92), достаточно жизнерадостный (1,96), сдержанный (1,72) и с чувством юмора (1,72). В целом в представлениях респондентов взрослый — эмоционально зрелый человек.

Пожилый: самый сдержанный (1,8), достаточно уравновешенный (1,88), но при этом эмоциональность (0,76), чувство юмора (0,36) и жизнерадостность (0,28) выражены слабо («угасающая эмоциональная сфера»).

Старый: достаточно уравновешенный (1,24); сдержанность (0,88), эмоциональность (0,84), чувство юмора (0,72) на низком уровне; наименее жизнерадостный из всех возрастов (0,28).

Представления об эмоциональной сфере различных возрастных групп также недостаточно дифференцированы, хотя и несколько больше, чем в сфере когнитивных особенностей: 11 значений t-критерия Стьюдента статистически значимы (в когнитивной сфере их было 9). Наибольшие различия проявились при сравнении оценок ребенка и старого человека. Последний значительно больше склонен к депрессии ($t=3,811$, при $p<0,001$), без чувства юмора ($t=2,213$, при $p<0,05$), однако более сдержанный ($t=-2,844$, при $p<0,01$).

Образы старого и пожилого слабо дифференцированы, статистически значимые различия проявились только при оценке по шкале «Сдержанный / Несдержанный» ($t=2,432$, при $p<0,05$).

Как и при описании когнитивной сферы, оценки различных эмоциональных проявлений старого человека ниже, чем у других возрастов. Исключение составляет шкала «Сдержанный / Несдержанный».

В. Регулятивные проявления

Ребенок: все оценки особенностей волевой сферы хотя и находятся в положительной плоскости, но достаточно низкие, лежат в диапазоне от 1,04 балла (целеустремленный) до 0,6 (решительный).

Взрослый: самый целеустремленный (2,32) и выносливый (1,52) из всех возрастов, достаточно настойчивый (2) и решительный (1,96), инициативность (0,56) низкая, однако этот показатель у всех имеет низкий уровень, по сравнению с другими возрастными взрослый уступает только ребенку. Поэтому можно сказать, что взрослый человек обладает зрелой волевой сферой.

Пожилый: самый настойчивый (2,68) и решительный (2), достаточно целеустремленный (1,04), инициативность имеет очень низкий уровень (0,28), быстро устает (-0,76).

Старый: особенно быстро устающий (-1,76) (самая низкая оценка среди других возрастов), с очень низкой инициативностью (0,04) и целеустремленностью (0,48), однако достаточно решительный (1,08) и очень настойчивый (2,08), уступает в этом качестве только взрослому.

Уровень дифференцированности социальных представлений о регулятивной сфере различных возрастов

сопоставим с представлениями об их эмоциональных особенностях (12 статистически значимых различий). Наибольшие сложности у респондентов вызвали оценки по шкале «Инициативный / Пассивный» (все различия статистически незначимы). Причем все возрасты оценены как малоинициативные (оценки находятся в диапазоне от 0,04 до 0,92). При сопоставлении образа пожилого и старого человека статистические различия не были выявлены, т.е. в представлениях респондентов люди старшего возраста выступают как гомогенная группа.

Что касается сопоставления образа старого человека и ребенка, то здесь выявлено частичное сходство: они не очень целеустремленные и решительные, а также малоинициативные. Однако старые люди значительно чаще, в отличие от ребенка, доводят дело до конца ($t=-2,542$, при $p<0,05$), но при этом и существенно быстрее устают ($t=5,801$, при $p<0,001$).

Г. Коммуникативные проявления

Оцениваемые возрасты с точки зрения их проявлений в общении с точки зрения респондентов выглядят следующим образом.

Ребенок: самый общительный (2,16), но не очень интересный собеседник (0,68), миролюбие проявляется в очень незначительной степени (0,12), при этом склонен навязывать свое мнение (-0,72) и заботиться только о себе (-0,004).

Взрослый: больше других склонен приходить на помощь (2,25), и он самый интересный собеседник (1,68), очень общительный (2,12), в меньшей степени, чем другие, склонен навязывать свое мнение (-0,08), правда, миролюбие (0,64) проявляется незначительно. По сравнению с представителями других возрастных групп именно взрослый человек обладает наиболее зрелой коммуникативной сферой.

Пожилый: самый миролюбивый (1,12), но и больше других склонен навязывать свое мнение (-0,76), достаточно общительный (1,88), интересный собеседник (1,48) (уровень оценки данного качества выше только у взрослого), всегда приходит на помощь другим (1,6).

Старый: склонен приходить на помощь другим (1,24), достаточно общительный (1,16), достаточно интересный собеседник (1,04), миролюбие (0,16) проявляется в очень незначительной степени, при этом склонен навязывать свое мнение (-0,72).

Особо следует подчеркнуть, что респонденты оценивают представителей всех возрастных групп как навязывающих свое мнение.

Сложнее всего для респондентов оказалось дифференцировать возрастные группы по коммуникативным качествам. Только два критерия оказались статистически значимыми, и оба они связаны со шкалой «Всегда приходит на помощь другим / Заботится только о себе». В частности, ребенок значительно реже, чем взрослый ($t=-3,929$, при $p<0,001$) и пожилой ($t=-2,360$, при $p<0,05$), приходит на помощь другим. Эти данные требуют особого осмысления, так как кажутся нелогичными, ведь общение — очень важная составляющая в этом периоде жизни, периоде активного становления личностной,

социальной идентичности. На это указывает и тот факт, что при описании другого человека коммуникативным характеристикам уделяется большое внимание. На наш взгляд, неспособность дифференцировать их является, возможно, одной из причин непонимания конфликтов с людьми других поколений.

Д. Духовно-нравственные проявления

Оцениваемые респондентами возрасты с точки зрения их личностных особенностей выглядят следующим образом.

Ребенок: оценивается как самый добрый (2,36) из всех возрастов, но при этом больше всех винит других в своих проблемах (-1,2), многое в жизни еще не успел сделать (-0,52), стремится к полноценной жизни (2,84), активная жизненная позиция выражена в средней степени (1).

Взрослый: больше других стремится к полноценной жизни (2,48) и у него самая активная жизненная позиция (1,56), достаточно добрый (2,06), берет ответственность на себя (1,92). Однако по шкале «Добился в жизни того, чего хотел» оценка невысокая (0,52).

Пожилый: больше, чем другие, добился в жизни того, чего хотел (2,16), ему присуща доброта (2,04), он берет ответственность на себя (1,96), активная жизненная позиция (1,24) выше только у взрослого, стремление к полноценной жизни (1,72) также достаточно выражено.

Старый: очень добрый (2,04), он добился в жизни того, чего хотел (2,04), но активность жизненной позиции (0,72), склонность брать ответственность на себя (0,72) и стремление к полноценной жизни (0,4) выражены слабо.

Уровень дифференцированности социальных представлений о духовно-нравственных проявлениях различных возрастов сопоставим с представлениями об их когнитивных, эмоциональных и регулятивных особенностях (12 статистически значимых различий). Наибольшие сложности у респондентов вызвали оценки по шкалам «Активная жизненная позиция / Плывет по течению» и «Добрый / Злой» (все различия статистически незначимы), наименьшие — по шкале «Берет ответственность на себя / Винит других в своих проблемах».

Что касается сопоставления образов старого человека и ребенка, то здесь выявлено частичное сходство: они не очень склонны занимать активную жизненную позицию, но при этом добрые. Однако если старый человек склонен брать ответственность на себя, то ребенок винит других в своих проблемах» ($t=-3,567$, при $p<0,01$), старый уже добился в жизни того, чего хотел, а ребенок еще многого в жизни не успел сделать ($t=-3,538$, при $p<0,01$) и значительно больше стремится к полноценной жизни ($t=2,918$, при $p<0,01$).

Образы старого и пожилого человека также частично совпадают. Различия связаны с двумя характеристиками: пожилые в значительно большей степени склонны брать ответственность на себя ($t=3,192$, при $p<0,01$) и стремятся к полноценной жизни ($t=2,144$, при $p<0,01$).

Таким образом, представления респондентов о возрастных особенностях в целом соответствуют суще-

ствующим стереотипам, однако эти представления явно недостаточно дифференцированы. Особые затруднения у респондентов вызвала оценка коммуникативных качеств представителей различных возрастов. Лучше других «прописан» образ ребенка (27 значимых коэффициентов, у других возрастов — 22–21), что естественно, поскольку детство у каждого из респондентов позади, а другие возрастные этапы впереди.

Наименее дифференцированы в сознании респондентов образы людей старших поколений. Представления о старом и пожилым человеке различаются хуже всего (выявлено только пять статистически значимых критериев). Вместе с тем качественный анализ средних свидетельствует о том, что образ пожилого человека более позитивен, чем образ старого. В частности, если пожилой человек имеет наиболее высокие оценки по 7 шкалам и наиболее низкие — по 4, то при оценке старого человека нет ни одной шкалы с максимальным значением, а с минимальным — 11.

Образы старого человека и ребенка имеют частичное сходство (16 критериев из 30 статистически незначимы). Наибольшее сходство выявлено при оценке коммуникативной и когнитивной сфер, наименьшее — эмоциональной и духовно-нравственной сфер.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что девушки и юноши, обучающиеся на первой ступени профессионального образования, нуждаются в психологических знаниях, которые способствовали бы формированию адекватного восприятия и понимания особенностей людей старших поколений.

¹ Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. 263 с.; Краснова О. В. История старости как история формирования аттитудов к пожилым и старикам в обществе // Психология зрелости и старения. 2001. №1 (13) С. 28–41; Лемиш В. В. Представления студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», о пожилых и старых людях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. №158. С. 36–48; Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. <http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/age> (дата обращения: 20.12.2013); Смирнова Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // СоцИс. 2008. № 8. С. 49–55.

² Бовина И. Б. Указ. соч. 263 с.; Еремеев Б. А. Уровни категоризации при понимании человека человеком и при психологическом изучении понимания // Мир психологии. 2001. № 3 (27). С. 93–103; Зайцева Ю. Б. Особенности представления о старых людях в различных социально-демографических группах // Психология зрелости и старения. 2007. №4 (40). С. 12–39; Коржова Е. Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 43 с.

³ Общая психодиагностика. СПб., 2000. 440 с.; Франсела Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам: пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Ю. М. Забродина и В. И. Похилько. М., 1987. 236 с.

⁴ Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. СПб., 2004. 392 с.

УДК 159.913

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАРКОПРОФИЛАКТИКА СОТРУДНИКОВ

Л. В. Кравцова, О. С. Дергилева

В работе обозначается уровень распространенности наркопотребления как молодежной суррогатной субкультуры, необходимость адресной психологической наркопрофилактики среди курсантов ведомственных образовательных организаций и сотрудников МВД России. Выделены три важные тенденции проблемы наркопотребления.

Ключевые слова: наркопотребление, психологическая наркопрофилактика; молодежная суррогатная субкультура; психоактивные вещества, наркопрофилактическая программа.

Наркопотребление, как элемент отечественной молодежной суррогатной субкультуры, привлекает внимание государства. Уровень распространенности этого явления оценивается специалистами как представляющий реальную угрозу не только психофизическому благополучию подрастающего поколения, но и национальной безопасности страны в целом. Данные В. М. Крук¹, А. С. Мартинович (Олейниковой)², С. И. Урюпиной³, исследований других авторов свидетельствуют, что большая часть современной молодежи имеет опыт наркопотребления⁴.

Еще в 2008 г. выборочный мониторинг в 17 молодежных группах четырех муниципальных образований Московской области (n=384 чел.), проведенный УОДУУМ и ПНД ГУВД по Московской области (С. И. Урюпиной, с письменного информированного добровольного согласия соответствующих лиц, методом вегетативного резонансного теста, с последующим письменным подтверждением исследуемыми полученных результатов) показал, что от 20 до 90% несовершеннолетних имели опыт наркопотребления, в том числе 43% — неоднократно. В настоящее время эти показатели значительно ухудшились. Это свидетельствует о необходимости адресной психологической наркопрофилактики среди сотрудников МВД России, в частности, поступающих в ведомственные образовательные организации и обучающиеся в них. Особого внимания требуют неоднократные «пробанты», поскольку у них сломлены барьерные механизмы неприятия нар-

котических веществ, они демонстрируют терпимое и даже поощрительное отношение к потреблению «легких наркотиков», энергетических напитков и других наркосодержащих веществ, в провоцирующих обстоятельствах легко становятся на путь дальнейшего наркопотребления, вовлекая в это сверстников, и т. д. Очевидно, что в данном случае речь не идет о сформированной у таких лиц зависимости. Не менее очевидно, что перечисленные проблемы являются преимущественно психологическими и требуют адресного психологического вмешательства.

Как показывает анализ исследований, проводимых по проблеме профилактики наркопотребления, при разработке психопрофилактических программ отмечаются значимость возрастных и личностных особенностей, а также системности и слаженности работы всех субъектов наркопрофилактических мероприятий (психологов, педагогов, социологов, семьи и т. д.). Однако в чем заключается и как организуется это системное взаимодействие, не всегда понятно.

Необходимость организации психологической наркопрофилактики сотрудников МВД России определяется как минимум двумя нормативными документами. Первый — «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г., № 3-ФЗ, ст. 1 которого Законом от 25 октября 2006 г. № 170-ФЗ дополнена определением профилактики как совокупности мероприятий политического, экономического, правового и иного характера, направленных на предупреждение и распространение наркомании. Второй — постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации», ряд положений которого относится к этой проблеме.

Парадоксальным образом именно психологическая составляющая профилактики наркопотребления нередко недооценивается должностными лицами. Этой искаженной субъективной позиции есть аргументированное объяснение, которое важно учитывать психологам системы МВД России. По данным С.В. Монахова, с 1990-х гг. по проблеме злоупотребления психоактивными веществами и его профилактики выполнено более 400 отечественных диссертационных исследований⁵ (табл.).

Таблица. Распределение диссертационных исследований по проблеме применения психоактивных веществ и его профилактике (1990–2013 гг.)

Науки	Позиции					
	всего		злоупотребление ПАВ		профилактика ПАВ	
	кол-во	ранг	кол-во	ранг	кол-во	ранг
Юридические	158	1	139	1	19	3
Медицина	102	2	85	2	17	4
Педагогика	59	3–4	8	4	51	1
Психология	59	3–4	40	3	19	2
Социология	26	5	20	5	6	5
Биология	11	6	11	6	–	–
Философия	7	7	7	7	–	–
Политология	2	8	2	8	–	–
Экономика	2	9	2	9	–	–
Техника	1	10	1	10	–	–
Филология	1	11	1	11	–	–
Всего	428	–	316	–	112	–

Анализ данных, приведенных в таблице, позволил выявить несколько положений.

Во-первых, в России при изучении проблем наркопотребления преобладают нормативно-правовой (более трети всех исследований выполнено по юридическим наукам) и медицинский подходы (около 25% исследований). При этом активно задействованы возможности педагогики и психологии (делают третью и четвертую позиции).

Во-вторых, в результатах исследования проблемы злоупотребления психоактивными веществами преобладают юридические и медицинские позиции («наказать» и «лечить»). Здесь неоспоримо лидирующе применяются возможности психологии.

В-третьих, анализ работ по профилактике наркопотребления указывает на преобладающий в стране воспитательный, педагогический подход. В 2,5 раза ему уступают психологические, юридические и медицинские исследования.

Анализ выявленных положений позволяет констатировать важные тенденции.

Первая свидетельствует о преобладании нормативно-правовых, медицинских и педагогических воззрений и практик в стране в проблеме наркопотребления.

Вторая выражена в недостаточной или искаженной информированности сотрудников МВД об особенностях формирования зависимости, характерных признаках наркотического опьянения, специфике психологической профилактики и несения оперативно-служебной деятельности.

Третья отчетливо показывает неоспоримый и весомый потенциал психологии в решении этой проблемы. Его необходимо смелее использовать и развивать.

Важным элементом наркопрофилактических программ являются психологические условия профилактики наркопотребления. Согласно данным отечественных психологов В. М. Крука, Л. В. Кравцовой, С. В. Монахова и др.⁶, психологическая профилактика наркопотребления может быть эффективной при соблюдении следующих условий:

— мониторинга опыта вовлеченности сотрудника (группы) в наркопотребление в ходе оценки психологического благополучия;

— адресной профилактической работы, включающей воздействие на возможного лидера группы, осознанно/неосознанно потребляющего и вовлекающего в наркопотребление ее членов;

— развенчивания «культы тайны» наркопотребления;

— формирования мотивации на ответственное отношение к себе;

— информирования о возможных последствиях наркопотребления;

— проведения психологического просвещения и консультирования по показателям;

— использования современных диагностических методов (в том числе вегетативного резонансного теста).

В настоящее время в Московском университете МВД России происходит оснащение Центра психологической регуляции современными техническими средствами психодиагностики и психокоррекции. Разворачивается аппаратно-программный комплекс «Мини-Эксперт-ДТ» с программным обеспечением «Имедис-Эксперт» для психологов, позволяющий, среди прочего, проводить оценку психического и физического благополучия сотрудников по ряду показателей. Один из них относится к опыту и степени вовлечения в информированное и неинформированное наркопотребление. Получение психологом достоверной информации на этот счет позволяет организовать адресную и действенную работу по наркопрофилактике сотрудников.

¹ Крук В. М. Психологическая профилактика наркопотребления как фактор личностной надежности специалиста (часть 1) // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2011. №2. С. 118–126.

² Олейникова А. С. Профилактика употребления психоактивных веществ в образовательной среде (из опыта работы ЦППРиК «Крестьянская застава»): мат-лы Международной науч.-практ. конф. 29 марта 2012 г. Институт мировых цивилизаций. М., 2012. С. 227–233.

³ Урюпина С. И., Крук В. М. Использование аппаратуры биорезонансной диагностики и терапии в профилактике наркопотребления среди несовершеннолетних в ГУВД по Московской области // Актуальные вопросы морально-психологического обеспечения органов наркоконтроля: мат-лы Межведомственной науч.-практ. конф., посвященной 5-летию ФСКН России. М., 2008. С. 45–49.

⁴ Кравцова Л. В. Психологические условия профилактики наркопотребления в деятельности войскового психолога: дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. С. 24.

⁵ Монахов С. В. Профилактика злоупотребления психоактивными веществами несовершеннолетними: дис. ... канд. психол. наук, М., 2013. С. 20.

⁶ Крук В. М. Указ соч.; Кравцова Л. В. Указ соч.; Монахов С. В. Указ соч.

УДК 159.9.07

СОВЛАДАНИЕ СО СТРЕССОМ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К СОРЕВНОВАНИЯМ

В. В. Попова

На примере подготовки к спортивным соревнованиям в стиле восточных единоборств карате «Киокушинкай» были рассмотрены вопросы психологического стресса в экстремальных условиях деятельности, совладания с ним, влияние стресса на деятельность, изучены структура компенсаторных связей тактико-технических действий спортсменов во время соревнований, а также разноуровневых свойств индивидуальности единоборцев.

Ключевые слова: стресс, совладающее поведение, спектрографический анализ голоса, особенности деятельности в экстремальных условиях.

Многочисленные исследования в области стресса, в том числе соревновательного, показывают, что под его влиянием у одних людей обостряется мышечно-двигательная чувствительность, улучшается чувство ритма, повышается волевая активность, возрастает уровень притязаний, что в конечном итоге повышает эффективность деятельности. У других, наоборот, притупляется мышечная чувствительность, падает волевая активность, понижается уровень притязаний, что ведет к снижению эффективности деятельности (вплоть до полной дезорганизации и срыва)¹.

Таким образом, для наиболее эффективной и целенаправленной организации психологической подготовки спортсмена к соревновательному стрессу остро встает вопрос о системном исследовании поведения спортсмена и изучении его индивидуальных особенностей (биохимические, физиологические, психодинамические, психологические, личностные, социальные, общественно-исторические) и связанных с ними возможностей саморегуляции.

Целью нашего исследования является изучение характера взаимосвязей между разноуровневыми свойствами индивидуальности спортсмена (включая особенности стратегий совладания) и его тактико-техническими действиями с учетом изменения состояния спортсмена от фонового к стрессу. Для достижения данной цели необходимо знать оптимальный уровень стресса для спортсмена, при котором связи разноуровневых свойств гармонизируются.

В эмпирической части исследования приняли участие 120 высококлассных спортсменов карате «Киокушинкай» в возрасте от 20 до 26 лет, представители сборных команд субъектов Российской Федерации, имеющих спортивный разряд не ниже мастера спорта России. Дополнительный критерий отбора включал положительную статистику поединков в течение трех лет. Исследование было организовано в несколько этапов: наблюдение за спортсменами с видеofиксацией на соревнованиях и во время тренировочных поединков, что позволило проанализировать с помощью метода экспертных оценок изменения тактико-технических действий спортсмена в разных условиях деятельности. Далее велось исследование разноуровневых свойств индивиду-

Таблица 1. Изменение показателей спектральных характеристик голоса под влиянием психического стресса в фоне (тренировочных поединках) и соревнованиях спортсменов

Показатели интенсивности звука, Гц	Средние данные		Статистические показатели	
	фон	стресс	t	P
310–530	45,52	51,34	4,20	>0,001
1200–2100	54,32	59,26	5,09	>0,001
2100–3900	41,07	46,02	5,35	>0,001

альности спортсмена (в батарею тестовых методик вошли: 16-факторный опросник личности Р. Кеттела, методика ОФДСИ В. М. Русалова, тест Я. Стреляу, тест «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, тест УСК Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинц). Затем применялся метод спектрографического анализа голоса для выявления наличия стресса (сравнение высоких частот голоса спортсмена в тренировочных поединках и в соревновательных)².

Для выявления значимых различий в состоянии спортсмена в фоновых (тренировочных) условиях и в ходе соревнований использовались данные спектрографического анализа голоса, обработанные с помощью Т-критериального анализа Стьюдента. Так, было установлено, что соревнования приводят спортсменов к повышению уровня напряжения организма — к стрессу, в частности повышаются средние значения выраженности частот в диапазоне от 310 до 3900 Гц (табл. 1).

Изменения в деятельности спортсмена в тренировочном и соревновательном поединке имеют статистически значимые различия (табл. 2).

Значимыми являются практически все изменения характера действий в поединке в фоновом (тренировочном) и стрессовом (соревновательном) состоянии спортсмена.

Можно говорить, что под влиянием стресса на соревнованиях меняется поведение спортсмена в поединке по сравнению с ситуацией тренировочных боев. Это связано с особенностями совладания спортсмена со стрессом в соревновании. С позиции теории интегральной индивидуальности данные показатели продиктованы изменением структуры взаимосвязей разноуровневых свойств интегральной индивидуальности, которые необходимым образом приводят к оптимальному поведению спортсмена, с учетом его физиологических, психодинамических, психологических, личностных, социальных особенностей. Он может использовать их как ресурсы в соревнованиях.

Таблица 2. Результаты сравнения средних значений действий спортсменов в фоновом состоянии и при стрессе

Действия	Стресс	Фон	t-value	p
Атакующие	49,763	34,368	6,806	0,000
Контратакующие	43,263	33,658	3,636	0,001
Обманные	7,237	5,263	1,764	0,082
Лишние	8,816	7,737	0,870	0,387
Защитные	27,079	9,789	9,475	0,000

Таблица 3. Взаимосвязь разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсменов и их действий в фоновом состоянии тренировочного поединка

Разноуровневые свойства индивидуальности	Тактико-технические действия				
	атакующие	контратакующие	обманные	лишние	защитные
Эргичность коммуникативная	–	–	–0,35	–	–
Скорость коммуникативная	–	–	–	–0,30	–
E (подчиненность — доминантность)	–0,31	–	–	–	–
G (недобросовестность — добросовестность)	–	–	0,53	–	–
H (застенчивость — решительность)	–0,32	–	–	–	–
Интернальность в области производственных отношений	–	–	–	–0,38	–
Дистанцирование	0,31	–0,35	–	–	–

Примечание. Приведены достоверные коэффициенты корреляции, при $P \leq 0,05\%$.

Спортсмены высокого уровня имеют богатый опыт совладания с соревновательным стрессом и применяют для этого все возможности своей индивидуальности.

Для выделения особенностей разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсмена как ресурсов совладания со стрессом, используя принцип единства психики и деятельности, мы рассмотрели изменение структуры взаимосвязей (корреляционный анализ Пирсона) разноуровневых свойств интегральной индивидуальности и выделенных ключевых действий спортсмена в поединке фоновом и стрессовом.

Из таблицы 3 видно, что в тренировочном (фоновом) поединке действия спортсменов имеют наибольшее количество связей с обманными действиями, что заставляет соперника ошибаться, идти заданной траекторией, «открыться» под подготовленный удар. На психодинамическом уровне обнаружены связи со скоростью и эргичностью психомоторной. Это говорит о высоком уровне потребности в движениях, готовности к нагрузке, избытке физических сил, высоком уровне двигательной активности и направленных на реализацию обманных действий в тренировочном поединке. Отрицательные связи с такими личностными чертами, как общительность, беспечность, уверенность в себе, показывают, что в условиях тренировочного поединка спортсмену для проведения обманных действий в большей степени необходимо становиться серьезным, молчаливым, отстраненным. Положительные связи показывают, что для удачного обманного маневра спортсмен задействует такие личностные черты, как эмоциональная устойчивость, аккуратность, готовность экспериментировать, он отдает предпочтение собственным решениям. В отношении стратегий совладающего поведения значимыми являются связи со стратегией дистанцирования — когнитивными усилиями по снижению значимости ситуации, стремлению отдалиться от нее, поиску информационной, действенной, эмоциональной поддержки — копинг-поиску социальной поддержки.

Атакующие действия направлены на стремительное, неожиданное причинение вреда сопернику с наибольшей скоростью, они также имеют связь со страте-

гией совладающего поведения «дистанцирование». Атакующие действия имеют отрицательную связь со свойствами психодинамического уровня — скоростью интеллектуальной и эмоциональностью психомоторной, что указывает на стремление к шаблонным действиям в атаке и низкую чувствительность к расхождению между задуманным и реальным результатом действий, а также на отсутствие беспокойства в случае плохого их выполнения. Среди личностных качеств, связанных с атакующими действиями спортсмена-единоборца, выделились отстраненность, невнимательность, спокойствие. Установлено при анализе показателя «интернальность» в области неудач, что спортсмен считает себя виноватым в неудачном стечении обстоятельств в атакующих действиях.

Контратакующие действия отличает то, что они производятся в попытке опередить атаку соперника или вклиниться в нее, нанося удары по незащищенным частям тела соперника. Обнаружены вполне закономерные связи с пластичностью и эргичностью интеллектуальной. Для совершения данных действий спортсмену необходимы высокая гибкость мышления и высокий уровень интеллектуальных возможностей. Эту картину дополняет связь с личностной чертой «недоверчивость», ему необходимо постоянно быть в тонусе, не дать себя провести. Отрицательная связь со стратегией совладающего поведения «дистанцирование» говорит о включенности спортсмена в процесс поединка, в пользу чего свидетельствует положительная связь с копингом «самоконтроль». Лишние действия имеют одну связь с психомоторной пластичностью; стремление к разнообразным действиям, видимо, приводит к необдуманным, лишним действиям.

Защитные действия также имеют одну взаимосвязь с общей интернальностью. Стремление сохранить и защитить себя в поединке для спортсмена связано со стремлением управлять своими действиями и контролировать значимые события³.

Исходя из полученных связей разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсменов-единоборцев, видно, что в тренировочных поединках для них важными являются проведение обманных дей-

Таблица 4. Взаимосвязь разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсменов и их действий в психическом стрессе соревновательных поединков

Разноуровневые свойства индивидуальности	Тактико-технические действия				
	атакующие	контратакующие	обманные	лишние	защитные
Подвижность нервной системы	–	–		–	0,30
Эргичность психомоторная	–	–	0,37	–	–
Эмоциональность психомоторная	–	–	0,37	–	–
М (практичность — мечтательность)	–	–	–	0,42	–
N (прямолинейность — дипломатичность)	–0,40	–	–		–
O (спокойствие — тревожность)	–	–	–	0,46	–
Q4 (расслабленность — напряженность)	–	–	–	–0,42	–
Интернальность в области неудач	0,33	–	–	–	–
Интернальность в области межличностных отношений	–	–	–	–	–0,34

Примечание. Приведены достоверные коэффициенты корреляции, при $P \leq 0,05\%$.

ствий на фоне атакующих, так как в целом можно охарактеризовать уверенное, спокойное, взвешенное состояние индивидуальности.

Выявлены изменения во взаимосвязях разноуровневых свойств интегральной индивидуальности спортсмена под влиянием изменения уровня стресса в соревновательных поединках (табл. 4).

Во взаимосвязях обманных действий акцент под влиянием соревновательного стресса сместился полностью на психодинамический уровень. Обнаружены связи с эргичностью, пластичностью и эмоциональностью психомоторной и скоростью интеллектуальной. Выделилась также связь с подвижностью нервных процессов. Необходимость постоянного контроля за ситуацией показывает отрицательная корреляция с копинг-стратегией «дистанцирование». Скорее всего, это связано со сложностью обмана равного соперника и скованностью, более высоким уровнем напряжения организма в целом.

Атакующие, как наиболее простые и важные действия в соревновательном поединке, оказались наиболее нагруженными взаимосвязями с разноуровневыми связями интегральной индивидуальности. Связи со скоростью психомоторной и пластичностью интеллектуальной говорят о наращивании темпа атакующих действий и их разнообразии. Преобладание личностных качеств во взаимосвязях с атакующими действиями спортсмена может выражать значимость происходящего для его личности. Такие свойства, как ограниченный интеллект, нетерпимость, умение ладить с людьми, доверчивость, открытость, простота, низкий самоконтроль, говорят о том, что чем больше спортсмен атакует, проявляя свою активность, стремясь подавить соперника, тем более невнимательным он становится, его действия просты и предсказуемы. Связь с интернальностью в области неудач осталась с неизменным значением, т.е. характерна для атакующих действий, как в спокойном, так и в стрессовом состоянии спортсменов-единоборцев.

Изменениям подверглись и взаимосвязи контратакующих действий с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности спортсменов-единоборцев. Появилась связь с подвижностью нервных процессов, т.е. для проведения контратакующих действий способность к изменению поведения в соответствии с заданными ресурсами. На умение быстро реагировать на перемены в условиях деятельности указывает также связь с пластичностью интеллектуальной. Связи с такими личностными свойствами, как открытость, внимательность к людям, спокойная самоуверенность, самостоятельность говорят в пользу контратакующих действий в стрессовом, соревновательном поединке, если спортсмен-единоборец способен к самостоятельности и сохранению спокойствия в меняющихся условиях. Появление связи с интернальностью в области достижений показывает, что спортсмен считает свои действия важным фактором организации собственной деятельности, и тем в большей степени в стрессовой ситуации он будет применять контратаки.

Большое количество связей лишних действий спортсмена с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности показывает, что при стрессе лишние движения в большей степени будут производиться спортсменом, если он будет лишен качеств самостоятельности, уверенности в себе, прагматичности, реалистичности, практичности, беспечности, склонности к лидерству, а также если он будет фокусироваться на решении проблемы, прибегая к планированию решения проблемы во время поединка.

Защитные действия спортсмена в условиях соревнования имеют связи с реалистичностью, рациональностью. Как и в других категориях действий, здесь появляется связь с подвижностью нервных процессов.

При изменении состояния спортсмена от фонового к стрессовому изменяется выраженность показателей деятельности спортсмена-единоборца, увеличивается количество воспроизводимых действий атакующего,

контратакующего, защитного характера. Совладание со стрессом проявляется в увеличении взаимосвязей атакующих действий в сторону психодинамического уровня, а более сложные контратакующие действия распространяются на все уровни индивидуальности, для них характерен самоконтроль, так же, как и динамические характеристики психики.

В заключение можно сделать ряд выводов:

1. При организации подготовки спортсмена к осуществлению деятельности в стрессовых условиях необходимо учитывать возможности, выделенные в ходе исследования: в процессе усиления стресса у спортсмена высокого класса осуществляется перегруппировка межуровневых связей между свойствами индивидуальности спортсмена и тактико-техническими действиями в поединках.

2. Для наиболее эффективной деятельности спортсмена в соревнованиях необходима структура, в которой возникают связи (при определенном уровне стресса, и в данном случае мы можем говорить об оптимальном уровне стресса) тактико-технических действий спортсмена и разноуровневых свойств его индивидуальности, которые образуют единую структуру, направленную на удержание стабильности деятельности.

3. Спортсмену необходимо осознавать возможности саморегуляции, которые также должны подбираться и формироваться целенаправленно, а не стихийно, как в большинстве случаев.

4. С позиций теории совладающего поведения, особенность поведения спортсменов в условиях соревнований – это осознанное, активное взаимодействие со стрессовой ситуацией, совладание с ней.

5. С позиций теории интегральной индивидуальности показано, что осознание условий, предлагаемых си-

туацией, собственных возможностей в ней и целей, которые спортсмен перед собой ставит, дает ему возможность регулировать свои действия и уровень стресса за счет преобразования связей между свойствами разных уровней. И таким образом управлять собой и преобразовывать ситуацию «под себя», а не приспосабливаться к ней. Совладающее поведение связано с системой планирования своей деятельности, прогнозирования исхода процесса, активным поиском новых решений, «нахождением в ситуации»⁴.

6. Так, совладание выражается в изменении тактико-технических действий. Это согласуется с представлениями В. С. Мерлина о том, что совладание — это изменение характера и структуры разноуровневых связей индивидуальности с действиями спортсмена, и Р. Лазаруса о том, что стресс является особой связью между субъектом и средой, детерминирует копинг-поведение за счет личностных ресурсов и условий деятельности⁵.

¹ Вяткин Б. А. Психология предстартовых состояний в спорте. Пермь, 2004. 54 с. ; *Ego же*. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. Пермь, 2005. 394 с. ; Попова В. В. Стресс и совладание в спорте в свете теории интегральной индивидуальности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 143–145 ; *Совладающее* поведение. Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008. 654 с.

² Попова В. В. Указ соч.

³ *Обучающая* программа по киокушинкай-карате. Этап спортивного совершенствования / сост. А. Н. Алымов, С. В. Сенчурина. Пермь, 2006. 184 с.

⁴ *Совладающее* поведение. 654 с.

⁵ Lazarus R. Emotion and adaptation. N.-Y., 1991. P. 134.

УДК 159.922.8

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Ф. Ф. Караваяв

В статье приведены определения понятий «здоровье» и «здоровьесберегающие технологии». Рассмотрены аспекты формирования мотивации к здоровому образу жизни у субъектов образовательной среды, отражены аксиологический, инструментально-технологический и потребностно-мотивационный компоненты.

Ключевые слова: самореализация, здоровьесберегающая среда, здоровье, принципы, технологии.

Проблема психического здоровья людей столь важна, а исследования в этой области столь трудны, что любые относящиеся к этой области предложения и факты, даже не вполне доказанные, имеют значительную эвристическую ценность¹.

А. Маслоу

Целью статьи является анализ современного состояния ситуации сохранения здорового образа жизни молодежи и рассмотрение имеющихся здоровьесберегающих технологий. Проблемой состояния здоровья учащейся молодежи в последнее время интересуются многие исследователи. Общеизвестен тот факт, что подростки уже имеют колоссальный набор заболеваний. О здоровье говорят как о важнейшей ценности, которая формируется под влиянием ряда социальных факторов, именуемых здоровым образом жизни. Специалисты здравоохранения считают, что здоровье человека на 50% зависит от здорового образа жизни, поэтому первоочередной задачей является сохранение и укрепление здоровья. По выражению академика Н. М. Амосова², «Чтобы быть здоровым, нужны собственные усилия, постоянные и значительные, заменить их нельзя ничем».

В Национальной доктрине развития образования в качестве ведущих выделяются задачи сохранения здоровья, оптимизации учебного процесса, разработки здоровьесберегающих технологий обучения и формирования ценности здоровья и здорового образа жизни.

Реформирование системы образования актуализировало проблему физического воспитания молодежи.

Анализ здоровья и физической подготовленности молодежи показывает, что в настоящее время растет заболеваемость, снижается уровень физической подготовленности. Увеличиваются численность учащихся, полностью освобожденных от занятий физической культурой по состоянию здоровья, и количество подростков, отнесенных к специальной и подготовительной медицинским группам.

Выраженное ухудшение здоровья молодежи требует поиска новых, действенных средств и методов для решения проблемы укрепления физического и духовного здоровья молодежи, формирования здорового образа жизни. Известно, что одним из определяющих факторов здоровья человека является его двигательная активность. Однако, как отмечают исследователи, наблюдается повсеместное снижение физической активности и наиболее резкое ее падение зафиксировано в период от 15 до 25 лет. По данным Института возрастной физиологии (ИВФ) РАО, школьная образовательная среда порождает факторы риска нарушений здоровья, с действием которых связано от 20 до 40% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей школьного возраста.

Медицинские работники констатируют значительное снижение числа абсолютно здоровых детей. Условия для нарушения состояния здоровья создаются еще до поступления в школу, и сегодня 20% первоклассников — дети с пограничными нарушениями. Существующая практика подготовки к школе отрицательно сказывается на желании многих детей учиться в школе. Они настолько перегружены информацией и утомлены «дошкольной учебной», что не хотят идти в школу. Известно, что из числа тех детей, которые прошли «жесткую» подготовку к школе в различных подготовительных группах, 80% не испытывают радости от того, что станут первоклассниками. Разрушение мотивации учения — серьезный фактор риска.

Снижение двигательной активности, отмечающееся в дошкольном детстве, продолжается в общеобразовательной школе. Это связано со следующими обстоятельствами:

- в школах нарушается максимально допустимая нагрузка для учащихся;
- преобладают так называемые «сидячие» занятия: в учебном плане недостаточно предметов, связанных с движением, сменой формы организации урока (целевые прогулки, экскурсии, игры, труд и др.); 35% школьников основное время проводят за партами, а дома — перед телевизором и компьютером. Дети с недостаточной двигательной активностью дают 100%-ую заболеваемость, мало двигаются и много болеют.

По данным медицины, за время обучения в школе 70% функциональных расстройств, сформировавшихся в начальных классах, к моменту окончания школы перерастают в стойкую хронику: в 4–5 раз возрастает заболеваемость органов зрения, в 3 раза — органов пищеварения и опорно-двигательного аппарата. Серьезное беспокойство вызывает увеличение нервно-психических расстройств, а также заболеваний сердечно-сосудистой системы, что прямо связывается с отсутствием здоро-

вьесберегающей школьной среды. Только 10% школьников старших классов относятся к числу здоровых, 50% их имеют хронические заболевания и 40% из их числа составляют группу риска.

Школу не обходят стороной и проблемы, которыми страдает общество (курение, наркомания, токсикомания, алкоголизм и др.). Исследования ИВФ РАО позволяют проранжировать факторы риска по убыванию значимости и силы влияния на здоровье учащихся:

- стрессовая педагогическая тактика;
- несоответствие методик и технологий обучения возрастным и функциональным возможностям учащихся;
- несоблюдение элементарных физиологических и гигиенических требований к организации учебного процесса;
- недостаточная грамотность родителей в вопросах сохранения здоровья детей;
- провалы в существующей системе физического воспитания;
- интенсификация учебного процесса;
- функциональная неграмотность педагогов в вопросах охраны и укрепления здоровья;
- частичное разрушение служб медицинского контроля;
- отсутствие системной работы по формированию мотивов ценности здоровья и здорового образа жизни.

В связи с этим проблема психического здоровья является актуальной и одной из обсуждаемых в психопедагогике (В. Я. Семке, Г. К. Ушаков, Ю. А. Александровский, Б. С. Братусь, Г. С. Никифоров, И. В. Дубровина, О. В. Хухлаева, Л. М. Фридман, М. Ф. Секач, В. Я. Дорфман, Е. Р. Калитеевская, Ю. М. Орлов, Д. А. Леонтьев, В. М. Крук и др.). Это не случайно, так как психическое здоровье — это то, что позволяет личности стать самостоятельной, самоидентичной, когда она в своем поведении и отношениях опирается не только на извне задаваемые нормы, но в большей степени — на внутренне осознаваемые ориентиры.

Термин «психическое здоровье» был введен Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и определяется как состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справиться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества³.

Составляющими психического здоровья (по ВОЗ) являются: осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического; способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами (правилами, законами); способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать ее; умение изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

В позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия и эффективного функционирования как для самой личности, так и для человеческого сообщества. Это основное понятие психического

здоровья соответствует его широким и разнообразным интерпретациям в разных культурах⁴.

По мнению И. В. Дубровиной, это понятие «относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа и позволяет выделить собственно психологический аспект, проблемы, в отличие от медицинского, социального, философского и других аспектов»⁵. Как указывает В. Э. Пахальяна, «Психологическое здоровье есть динамичное состояние внутреннего благополучия личности, которое составляет ее сущность и позволяет актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности на любом этапе развития»⁶. «Психологическое здоровье — это высокий уровень социально-психологической адаптации, проявляющейся в гармоничных отношениях с окружающим и субъективным ощущением психологического комфорта», — считает Е. В. Советова⁷.

Р. М. Хусаинова связывает психологическое здоровье с интегральной характеристикой личностного благополучия, включающей когнитивно-оценочный компонент биологического, психологического, социального уровней его проявления, где исключительная роль отводится высшим психологическим образованиям, выполняющим функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути⁸.

По представлениям М. В. Сокольской, психологическое здоровье в целом определяется двумя признаками: соблюдением в основных формах проявления жизнедеятельности принципа оптимума, т. е. стремления придерживаться золотой середины и эффективной адаптацией, в первую очередь, социальной, социально-психологической и интрапсихической. В этом случае достигается то, что в других подходах называется гармонией с природой, людьми и самим собой⁹. Критерием психологического здоровья автор называет феномен психического равновесия, включающий гармонию взаимодействия различных сфер личности — эмоциональной, волевой, познавательной. Ее нарушения приводят к личностной деградации, деструкции, социальной и персональной дезадаптации¹⁰.

А. Маслоу выделял также две составляющих психологического здоровья: стремление людей быть всем, чем они могут, т. е. развивать весь свой потенциал через самоактуализацию и стремление к гуманистическим ценностям. С его точки зрения, самоактуализирующейся личности присущи такие качества, как принятие других, автономия, стойкость, чувствительность к прекрасному, чувство юмора, альтруизм, желание улучшить человечество, склонность к творчеству¹¹.

С точки зрения О. В. Хухлаевой, психологическое здоровье представляет собой динамическую совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение своей жизненной задачи. Выполняя жизненную задачу (то, что необходимо сделать для окружающих конкретному человеку, с его способностями и возможностями), человек чувствует себя счастливым, в противном же случае — глубоко несчастным¹².

Психологическое здоровье человека — это совокупность генетических и врожденных конституциональных, функциональных, физиологических, психических, адаптационных особенностей и способностей человека, проявляющихся в гармонии субъектного, личностного развития, считает Т. В. Башкирева. Хотя сам автор особое значение в многоуровневом и многоплановом определении здоровья придает субъектности как генетически заложенной и врожденной способности человека воспринимать и отображать культурно-исторический контекст и общественные задачи воспитания благодаря постоянному поиску смысла жизни и субъектной позиции¹³.

В. М. Крук отмечает, что психологическое здоровье необходимо рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае оно определялось как многоуровневое (духовное, индивидуально-психологическое, психосоматическое, биоэнергетическое) качество жизнедеятельности, характеризующееся адекватностью психического развития, реагирования, ориентирования в проблемной ситуации. Во втором — как комплексное многоуровневое качество жизнедеятельности, выражающее соответствие психофизического состояния и самочувствия, ориентирования и поведения уровню развития и его особенностям, психофизической усталости, истощенности, наличных адаптивно-компенсаторных, конституциональных возможностей психики в конкретной ситуации жизнедеятельности¹⁴.

Итак, проблема сохранения психического здоровья учащихся является актуальной и недостаточно изученной. Считаем, что психическим здоровьем можно назвать *такое состояние организма человека, в котором отражается культура отношения личности к себе и окружающему миру во всем многообразии его проявлений, которое детерминируется степенью усилий в наращивании своих жизненных сил и формировании устойчивых моделей поведения, направленных на гармонизацию отношений человека с самим собой и миром.*

Логика разработки понятия «психическое здоровье» позволяет указать здоровьесберегающие образовательные технологии, посредством которых усвоение обучаемыми знаний, умений и навыков, развитие творческого мышления и формирование эмоционально-ценностного отношения к миру (в том числе к своему здоровью) происходит в ситуациях физического, эмоционального, интеллектуального, социального, духовного комфорта, а также отсутствия этнофункциональных рассогласований, обеспечивающих создание в целом благоприятного психологического климата в процессе обучения¹⁵.

В контексте нашего исследования особую актуальность приобретают вопросы построения здоровьесберегающей образовательной среды. По нашему мнению, создать здоровьесберегающую среду в условиях обучения значит создать соответствующую педагогическую среду. Специалисты понятие «педагогическая среда» определяют как организацию, сообразно с педагогическими целями, системы условий жизнедеятельности детей, направленную на формирование их отношения к миру, людям и друг другу¹⁶. Мы также понимаем здоровье как единое

целое, во взаимосвязи физического, эмоционального, интеллектуального, личностного, социального, духовного и этнического компонентов. Использование здоровьесберегающих технологий ведет к повышению профессиональной компетентности руководителей, преподавателей, кураторов образовательных учреждений, что необходимо для успешного выполнения здоровьесберегающей деятельности, с учетом новых условий, запросов и потребностей государства и общества в целом.

Понятие здоровьесберегающих технологий относится к качественной характеристике любой образовательной технологии, которая показывает, насколько решается задача сохранения здоровья. Такие технологии можно рассматривать также как совокупность принципов, приемов и методов педагогической работы, которые, дополняя традиционные технологии обучения и воспитания, наделяют их признаками здравоохранения.

Под здоровьесберегающими технологиями в образовательной среде следует понимать систему мер по охране и укреплению здоровья молодежи, учитывая важнейшие характеристики образовательной среды с точки зрения влияния на здоровье данной группы лиц.

Главными направлениями здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений являются:

- рациональная организация учебного процесса в соответствии с санитарными нормами и гигиеническими требованиями;
- проведение ежегодной диспансеризации;
- рациональная организация двигательной активности, включающая предусмотренные программой занятия физкультурой, динамические изменения и активные паузы в режиме дня, а также спортивно-массовую работу;
- организация рационального питания;
- работа по формированию ценности здоровья и здорового образа жизни;
- создание службы психологической поддержки;
- доврачебное выявление факторов и групп риска девиантного поведения, в том числе употребления психоактивных веществ среди молодежи.

В создании здоровьесберегающих образовательных технологий важную роль играют стратегии здоровьесбережения, которые связаны с актуализацией потребностно-мотивационной сферы личности в аспекте своего здоровья¹⁷. Именно поэтому при рассмотрении здоровьесберегающих технологий необходимо учитывать копинг-стратегии (стратегии совладающего поведения), без которых не представляется возможным говорить о формировании устойчивой мотивации к здоровому образу жизни.

Образовательные здоровьесберегающие технологии

Личностно-ориентированные технологии. Среди здоровьесберегающих технологий можно особо выделить технологии личностно-ориентированного обучения, учитывающие особенности каждого учащегося и направленные на возможно более полное раскрытие его потенциала. Сюда можно отнести технологии проектной деятельности, дифференцированного обучения, обучения в сотрудничестве, разнообразные игро-

вые технологии. Личностно-ориентированное обучение предполагает использование разнообразных форм и методов организации учебной деятельности. При этом перед педагогом встают новые задачи: создание атмосферы заинтересованности каждого учащегося в работе; стимулирование их к высказываниям и использованию различных способов выполнения заданий без боязни ошибиться; построение педагогических ситуаций общения на занятии, позволяющих каждому учащемуся проявлять инициативу, самостоятельность, избирательность в способах работы; создание обстановки для естественного самовыражения ученика.

Технологии развивающего обучения строятся на плодотворных идеях Л. С. Выготского¹⁸, в частности, его гипотезе о том, что знания являются не конечной целью обучения, а лишь средством развития учащихся. Классификационные характеристики технологии развивающего обучения, разработанной Д. Б. Элькониним и В. В. Давыдовым¹⁹, в определенной части отвечают принципам здоровьесберегающей педагогики. Ориентация на «зону ближайшего развития» учащегося при построении его индивидуальной образовательной программы позволяет в максимальной степени учесть его способности, возможности, темпы развития, влияние окружающей среды и условий.

Педагогика сотрудничества — ее можно рассматривать как создающую все условия для реализации задач сохранения и укрепления здоровья учащихся и педагогов. Важнейшая черта этой педагогики — приоритет воспитания над обучением — позволяет в рамках формирования общей культуры личности последовательно воспитывать культуру здоровья учащегося.

Гуманное отношение к учащимся, оптимистичная вера в них, отсутствие прямого принуждения, приоритет положительного стимулирования, терпимости к недостаткам, в сочетании с проявлениями демократизации отношений — правом учащегося на свободный выбор, на ошибку, на собственную точку зрения, ведет к формированию здоровой психики и, как следствие, высокому уровню психологического здоровья. Этому же способствует решение одной из задач такой технологии — формирование положительной Я-концепции личности подростка.

Создание благоприятного психологического климата на занятии. Одним из важнейших аспектов является именно психологический комфорт учащихся во время занятия. С одной стороны, решается задача предупреждения утомления учащихся, с другой — возникает дополнительный стимул для раскрытия творческих возможностей каждого учащегося.

Доброжелательная обстановка на занятии, спокойная беседа, внимание к каждому высказыванию, позитивная реакция педагога на желание учащегося выразить свою точку зрения, тактичное исправление допущенных ошибок, поощрение к самостоятельной мыслительной деятельности, уместный юмор или небольшое историческое отступление — вот далеко не весь арсенал, которым может располагать педагог, стремящийся к раскрытию способностей учащихся.

Следует заметить, что в обстановке психологического комфорта и эмоциональной приподнятости работоспособность учащихся заметно повышается, что в конечном итоге приводит и к более качественному усвоению знаний, и, как следствие, к более высоким результатам.

Охрана здоровья и пропаганда здорового образа жизни учащегося предполагает не только создание необходимых гигиенических и психологических условий для организации учебной деятельности, но и профилактики различных заболеваний, а также пропаганду здорового образа жизни. Как показывают исследования, наиболее опасным фактором для здоровья человека является его образ жизни. Следовательно, если научить человека со школьных лет ответственно относиться к своему здоровью, то в будущем у него больше шансов жить не болея. На сегодняшний день очень важно вводить вопросы здоровья в рамки учебных предметов. Это позволит не только углубить получаемые знания и осуществить межпредметные связи, но и показать учащемуся, как соотносится изучаемый материал с повседневной жизнью, приучить его постоянно заботиться о своем здоровье.

Технология психологического сопровождения разработана М. Ю. Громовым и Н. К. Смирновым²⁰. В ее основе — активное участие психологов в образовательном процессе, превращение психолога в одну из ключевых фигур учебно-воспитательного процесса, основанного на принципах здоровьесбережения.

Социально-адаптирующие и личностно-развивающие технологии

К ним можно отнести психологическую службу поддержки молодежи. Такая служба должна осуществлять поддержку психологического здоровья по нескольким направлениям:

1. Диагностика уровня психологического здоровья и индивидуально-психологического развития.

2. Консультирование, направленное на сохранение и развитие психологического здоровья и индивидуально-личностных особенностей.

3. Психокоррекция познавательных процессов, эмоционально-волевой сферы, неблагоприятных форм поведения и конфликтных отношений.

4. Учебно-методическая работа, включающая разработку и апробацию социально-психологических тренингов профессионально-личностного развития учащихся.

Психологическая служба в течение учебного года должна решать следующие задачи:

— психологический анализ социальной ситуации, выявление основных проблем, их причин и средств решения;

— проведение мониторинговых исследований психологического здоровья учащихся;

— консультирование преподавателей, кураторов по оказанию помощи;

— оказание психологической помощи и поддержки учащимся, находящимся в состоянии стресса, конфликта, сильного эмоционального переживания;

— осуществление коррекции асоциального поведения;

— организация информационных бесед, посвященных развитию и сохранению психического здоровья.

Здесь можно предложить несколько принципов формирования мотивации здорового образа жизни, которые можно использовать при построении валеопрограмм, развития мотивации к саморазвитию, самосовершенствованию, обеспечить формирование здоровьесберегающих стратегий поведения и создание сберегающей здоровья среды.

В качестве основополагающих принципов здоровьесберегающих технологий можно выделить:

1. Формирование образовательной среды, обеспечивающей снятие всех стрессобразующих факторов учебно-воспитательного процесса. Атмосфера доброжелательности. Требуется индивидуальный подход и создание для каждого ситуации успеха. Это необходимо не только для познавательного развития учащихся, но и для их нормального психофизиологического состояния.

2. Творческий характер образовательного процесса. Обучение без творческого заряда не интересно, а значит, в той или иной степени является насилием над собой и другими. Возможность для реализации творческих задач достигается использованием на занятиях, уроках и во внеурочной работе активных методов и форм обучения.

3. Формирование мотивации образовательной деятельности, когда обучающийся должен быть эмоционально вовлечен в процесс социализации, что обеспечивает естественное повышение работоспособности и эффективности работы мозга не в ущерб здоровью.

4. Построение учебно-воспитательного процесса в соответствии с закономерностями становления психических функций. Прежде всего имеется в виду переход от совместных действий к самостоятельным, от действия в материальном плане по материализованной программе к речевому и умственному планам выполнения действия, переход от развернутых поэтапных действий к свернутым и автоматизированным.

5. Учет системного строения высших психических функций. При формировании базовых функций педагогу важно принимать во внимание все входящие в данную функцию компоненты, их готовность к формированию новой функции.

6. Предпочтение значимого, осмысленного содержания при освоении нового материала, обучение «по единицам, а не по элементам», принцип целостности.

7. Осознание учащимся успешности в любых видах деятельности.

8. Рациональная организация двигательной активности обучающихся. Сочетание методик оздоровления и воспитания позволяет добиться быстрой и стойкой адаптации к условиям школы: снижаются общая заболеваемость, обострение хронических заболеваний, пропуски по болезни.

9. Обеспечение адекватного восстановления сил. Смена видов деятельности, регулярное чередование периодов напряженной активной работы и расслабления,

смена произвольной и эмоциональной активации необходимы во избежание переутомления.

10. Использование принципа индивидуальности, основанного на опыте и приобретенных и эмоционально-ценностно пережитых и принятых знаний и умений, ведущих к отказу от негативных стереотипов.

11. Применение принципа аксиологичности, что обеспечивает формирование у людей и отдельной личности мировоззренческих представлений об общечеловеческих ценностях, уважении к себе, своему здоровью и здоровью окружающих.

12. Последовательность реализации целей и задач формирования здорового образа жизни, по принципу постепенности, предусматривающему возраст индивида, личностные качества, изменения условий жизни, настроения, нравственных законов социальной среды.

13. Валеогенное мышление в качестве принципа (приобретения навыков здорового образа жизни) позволяет оптимизировать стиль жизни и индивидуальное бытие, активно заниматься индивидуальным здоровьем на основе изменений в мотивационной сфере личности.

14. Принцип каузальности связан с познанием причинно-следственных связей в организме и в системе «личность-среда», он позволяет видеть весь процесс формирования мотивации здорового образа жизни как ответственный выбор своего бытия.

15. Принцип апперцепции способствует осознанию и поиску наличия в организме механизмов здоровья, избеганию негативных стереотипов мышления и скептицизма.

16. Принцип антиципации позволяет предвосхищать модели поведения, ориентированного на целостное здоровье, и формировать устойчивые модели здоровьесберегающей деятельности в результате актуализации в мозгу зон «здорового смысла», содержащих информацию о социокультурных эталонах здорового образа жизни и архетипах здоровьесбережения.

17. Принцип этнической дифференциации основывается на двух основополагающих доктринах здоровья — восточной и западной. Данные доктрины являются главным ориентиром в понимании человеком болезненных проявлений на психофизиологическом и социально-психологическом уровнях, реагировании при дефиците здоровья, восприятии феноменов «здоровье» и «болезнь» на уровне ценностно-смысловых представлений²¹.

Из всего сказанного выше следует, что нужна реальная, продуманная система мер по изменению отношения общества и каждого его члена к проблеме здоровья. Необходимо, чтобы сохранение и укрепление здоровья стали элементами национальной культуры, важнейшей задачей экологического, нравственного, патриотического воспитания и рассматривались в логике сохранения благополучия нации и государства.

Как показывают исследования, наиболее значимыми для психологического здоровья и благополучия являются такие ее компоненты: принятие себя; позитивное эмоциональное состояние; низкая или умеренная

тревожность; уверенность в своих силах как в плане коммуникации (высокая социальная самооценка), сопряженная с развитой способностью сотрудничества с другими людьми, так и в плане учебных и рабочих достижений (высокая интеллектуальная самооценка), сопряженная с развитыми познавательными процессами. Уверенность является предпосылкой для развития самоуправления и потребности в самосовершенствовании и личностном росте.

Выводы

1. Качество психологического здоровья определяется совокупностью индивидуальных особенностей личности и состояния внутренней среды организма, складывающейся из взаимодействия биологических, психологических и социально-средовых факторов (наследственность, возраст, условия воспитания, качество подготовки, сформировавшийся тип характера и приспособительного поведения, приобретенные навыки в преодолении стрессовых ситуаций, перенесенные болезни, травмы, ранения, интоксикации, психическая травматизация и т. д.).

2. Психологическое здоровье обеспечивает возможность личностного выбора и автономного развития. К его механизмам относятся: самопознание, способность к принятию решений в направлении будущего, готовность к изменениям и возможность выделять альтернативы, исследовать и эффективно использовать свои ресурсы, нести ответственность за сделанный выбор

3. Понятие «психологическое здоровье» фиксирует сугубо человеческое измерение, по сути, являясь научным эквивалентом здоровья духовного. Проблема психологического здоровья — это вопрос о норме и патологии в духовном развитии человека, а основу психологического здоровья составляет нормальное развитие человеческой субъективности, или «самости» — формы существования и способа организации человеческой реальности, суть — самостоятельности духовной жизни, что согласуется с позицией антропологической теории А. В. Шувалова²².

4. Сущностная характеристика психологического здоровья понимается как становление субъективного духа, следование высшим образцам человеческой культуры, нравственным принципам.

5. Выделяют несколько основных факторов, необходимых для того, чтобы человек чувствовал себя здоровым²³:

- наличие надежной системы взглядов на жизнь;
- стабильный положительный жизненный настрой (способность видеть конструктивный аспект происходящих событий);
- способность работать на пределе своих возможностей, периодически задействуя свои ресурсы;
- наличие чувства сопричастности к духовной жизни (веры в помощь «свыше» в особо трудные моменты жизни);
- способность быстро адаптироваться к изменяющимся условиям (учиться, переучиваться, совершенствоваться);

— умение быстро реагировать на стресс (действием или изменением отношения к ситуации) и восстанавливаться после него;

— повышенная восприимчивость к позитиву (умение замечать хорошее вокруг себя);

— удовольствие от физических нагрузок (чувство мышечной радости);

— умение анализировать свои чувства и доверять им;

— стремление внести свой вклад в жизнь других людей (оставить свой след);

— умение проявлять великодушие и благородство (выстраивать позитивные отношения с другими);

— обладание чувством юмора.

¹ Маслоу А. Мотивация и личность // Психология личности: хрестоматия. В 2 т. / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара, 1999. Т. 1. С. 391.

² Амосов Н. М. Моя система здоровья. Киев, 1997. С. 56; *Его же*. Раздумья о здоровье. М., 1987. С. 37.

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.04.2014).

⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.04.2014).

⁵ Дубровина И. В. Психологическая служба образования: организация и управление // Вестник практической психологии образования. 2007. № 1 (10). С. 56–63; *Ее же*. Современное образование и психологическое здоровье школьников // Психологическое здоровье подрастающего поколения: проблемы и пути решения: мат-лы Международной науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 19–20 ноября 2009 г.) / сост. И.А. Еремицкая. Астрахань, 2009. С. 4–6.

⁶ Пахальяна В. Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. Питер, 2006. 240 с.

⁷ Советова Е. В. Оздоровительные технологии в школе // Эффективные образовательные технологии. Ростов н/Д, 2007. С. 285.

⁸ Хусаинова Р. М. Зависимость психологического здоровья учителя от возраста и стажа педагогической деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 24 с.

⁹ Сокольская М. В. Личностное здоровье профессионала. Хабаровск, 2008. 146 с.

¹⁰ Сокольская М. В. Психологическое здоровье: анализ понятия // Психологическое здоровье подрастающего поко-

ления: проблемы и пути решения : мат-лы Международной науч.-практ. конф. 2009. С. 27–29.

¹¹ Маслоу А. Указ. соч. Т. 1. С. 391.

¹² Хухлаева О. В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2006. С. 10; *Ее же*. Коррекция нарушения психологического здоровья дошкольников и младших школьников. М., 2003. С. 12; *Ее же*. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: учеб. пособие. М., 2001. 27 с.

¹³ Башкирева Т. В. Общие критерии психического, психологического и социального здоровья // Мир психологии. 2007. № 2 (50). С. 140–151.

¹⁴ Крук В. М. Психогигиена и психотерапия. М., 1993. С. 125.

¹⁵ Журавлева И. В. Здоровье подростков: социологический анализ. М., 2002. 240 с.

¹⁶ Маджуга А. Г. Здоровьесберегающее образование: монография. Уфа, 2008. 178 с.; Сериков Г. К., Сериков С. Г. Здоровьесбережение в гуманном образовании: монография. Екатеринбург-Челябинск, 1999. 170 с.

¹⁷ Сериков Г. К., Сериков С. Г. Указ. соч. С. 112.

¹⁸ Выготский Л. С. Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3. 641 с.; Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М., 1996. 544 с.

¹⁹ Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М., 1995. 206 с.

²⁰ Громов М. Ю., Смирнов Н. К. Технологии психологического сопровождения учебной группы. М., 2009. 125 с.

²¹ Маджуга А. Г. Здоровьесберегающее образование: монография. Уфа, 2008. 178 с.; *Его же*. Теория и практика формирования и развития валеоконативных стратегий личности в контексте здоровьесберегающего образования в современной школе. Шымкент, 2005. 40 с.

²² Шувалов А. В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 18–33; *Его же*. Антропологические аспекты психологии здоровья // Психологическое здоровье подрастающего поколения: проблемы и пути решения : мат-лы Международной науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 19–20 ноября 2009 г.) / сост. И. А. Еремицкая. Астрахань, 2009. С. 14–18.

²³ Уоттлс У., Пауэлл Дж. Искусство быть здоровым. СПб., 1997. 122 с.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 808.5

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РИТОРИКИ В РОССИИ

Е. В. Баева

Статья посвящена истории становления в России риторики как науки, начиная с древних времен (опираясь на дошедшие до нас исторические документы) и заканчивая XX в. В процессе анализа автор выявляет потребность в профессионально ориентированной риторической подготовке специалистов на протяжении всего периода развития риторики в России.

Ключевые слова: риторика, риторический идеал, преподавание риторики, частная риторика, общая риторика, риторическая компетентность.

Риторика исторически является «колыбелью» большинства лингвистических наук. Она зародилась в период расцвета Древней Греции, когда искусное владение речью помогало каждому гражданину решать личные и общественные проблемы, когда риторическое образование было непременным условием гражданской и личностной полноценности. Греческое слово «риторика» (rhetorike) образовано от слова «оратор» (rhetor), в свою очередь произведенного от глагола «говорю» (rheo). Риторика возникла как единство теории и практики, искусства и мастерства воздействующей ораторской речи, неразрывная связь которой подчеркивалась даже общим словом, которым они обозначались — *techne* (Rhetorire *techne* — мастерство и/или искусство ораторской речи). Особенностью классической риторики, позволившей ей на многие столетия стать методологической основой целого ряда наук: грамматики, стилистики, лексикографии и т. д., — явилась отвлеченность, абстрагированность от системы конкретного языка. Риторика, обобщая мировой опыт общественно-языковой практики, преломляла его через призму культуры конкретного общества. Именно поэтому на базе классической риторики построены средневековые и современные европейские риторики, русская риторика и молодая американская риторика. Каждая из этих, уже национальных, риторик приспосабливает общие законы построения эффективной речи к конкретным политическим условиям ее функционирования¹.

Составить представление об основных особенностях и принципах древнерусской риторики мы можем, изучая исторические документы. Н. М. Карамзин писал:

«Ныне живут мертвые в книгах, тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу, но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное»². Наряду с былинно-песенным народным творчеством встречаются несколько видов русского красноречия. Например, исследование русских летописей свидетельствует о том, что на Руси до X–XI вв. высокого развития достигает политическое красноречие. Ораторская речь звучит на сходках старейшин, народных собраниях и особенно вече (от «вещать» — говорить), которые представляли собой в некоторых городах Древней Руси высший орган власти. Вече выработало особые традиции обращения к массам: как правило, вечевая речь отличается четкостью композиции, предельной лаконичностью и в то же время высокой образностью.

В переговорах князей между собой, в отношениях с иностранными государствами развивается дипломатическое красноречие. Например, значимой признана дипломатическая акция X в., когда после победы князя Олега под Царьградом княжескими послами был заключен договор русских с греками.

В Древней Руси большое значение придавалось военному красноречию. Во время военной опасности князья и воеводы стали обращаться к войску и народу с призывом проявить мужество и стойкость для победы над врагом. «Да не посрамят Земли Русские, поляжем костями, мертвы бо срама не имам...» — говорит князь Святослав из летописи «Повесть временных лет»³. А в речи Александра Невского прозвучала бессмертная фраза: «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля».

Военно-политическое красноречие Киевской Руси мы можем увидеть в «Слове о полку Игореве». Это произведение нескольких жанров: ораторской речи, воинской повести, героической песни. Композиция, синтаксис, словарный состав, весь комплекс выразительных средств «Слова» использованы так, что напоминают патристическую речь древнерусского воина.

Эффектной эмоциональностью отличалось торжественное красноречие — речи на пирах и тризнах. Торжественные речи произносились на площадях при встрече победителей.

Древнерусский риторический идеал был в высшей степени нравственен. Сильное духовное начало позволило русской риторике на определенном этапе не только творчески усвоить универсальные законы построения воздействующей речи, но и создать новые риторические жанры — поучения и жития святых, проповеди. Искусство устной речи играло обучающую и воспитательную роль в возвышении человеческой души.

В XVII в. в духовных семинариях преподавание риторики было само собой разумеющимся и процветало в системе образования того времени. Каждый преподаватель риторики должен был создать свой курс, рукописью которого могли пользоваться ученики. Порядок преподавания риторики в Славяно-греко-латинской академии был определен инструкцией, по которой ученики знакомились с образцами латинской и греческой риторики, а также постигали основы древнерусского проповеднического ораторства.

В Киево-Могилевской академии, которая сочетала функции гимназии и высшей школы, готовили учеников к обучению в классах поэтики и риторики, которые составляли завершающий этап образования перед переходом в «высшие классы» философии и богословия. Окончание класса риторики позволяло студентам получить аттестат о законченном образовании и давало возможность устроиться на государственную службу или продлить обучение в Московском университете или университете при Петербургской академии наук⁴.

Обобщив и развив все заимствованное и родное в области красноречия, М. В. Ломоносов построил цельную общериторическую систему «Краткое руководство к красноречию...». Впервые в нашей науке были четко и определенно сформулированы правила красноречия, т. е. поэзии и ораторики, «сочиненной в пользу любящих словесные науки». Определение риторики Ломоносова как искусства оказало влияние на риторическую теорию в России, особенно на риторическое образование, и стало теоретической базой русской риторической культуры, сохранившей дух античной традиции. Идею античного риторического идеала можно коротко охарактеризовать: «*Est vit homus disendi pertus*», что переводится с латинского как «Прежде, чем стать хорошим оратором, стань сначала хорошим человеком». Поэтому совершенно логично, что в период своего расцвета риторическая наука являлась в России одним из основных учебных предметов и преследовала благое намерение сделать человека лучше, чем он есть.

Как подтверждает исторический обзор основных учебных пособий по риторике XVII–XIX вв., проведенный Л. Г. Антоновой, основные теоретические положения риторики всегда носят прикладной, практический характер⁵.

И. С. Рижский в своем «Опыте риторики» особое внимание уделяет целевому и прикладному назначению риторического учения: «...усовершенствование в дарованиях хорошо изъяснять свои мысли и здраво рассуждать, дабы впоследствии могли они быть способнее к возлагаемым на них должностям»⁶.

В середине XIX в. популярность риторики и ее влияние на общество достигают своего пика. С этого времени риторика начинает существовать в двух формах — риторика общая и частная. Н. Ф. Кошанский (1781–1831), доктор философии и свободных искусств, профессор русской и латинской словесности Царскосельского лицея в своих работах представил полную систему теоретико-словесного курса, который строится на разделении содержания общей и частной риторики. В общей риторике по его системе представлены и систематизированы правила образования речи, а задача частной риторики — это «познание всех родов и видов прозы». По его учебникам учились несколько поколений гимназистов и лицейстов России. Его принципиальная позиция заключалась в требовании соответствия между слогом и предметом изложения, закреплённости слога за определенными жанрами (этому учат студентов и курсантов в рамках дисциплины «культура речи») ⁷.

Его коллега, К. П. Зеленецкий, выделил учебные, академические и интересующие нас профессиональные виды речи и рассмотрел, в какой форме риторика должна входить в курсы университетского и гимназистского учения. «В гимназиях характер преподавания должен быть деятельный, практический... В факультетах, как и в академии, преподавание должно быть теоретическое, основанное на высших началах знания, недоступных для отрока»⁸.

В это же время была разработана классификация видов и жанров словесности, куда вошли письма, разговоры (диалоги), учебные сочинения и «виды и роды красноречия». До революции в риторике выделялось 10 видов красноречия: академическое, духовное (церковно-богословское), социально-бытовое, парламентское, дипломатическое, митинговое, торговое, дискусивно-полемическое и (вызывающие особый интерес для нас) судебное и военное.

Роды и виды словесности впервые описаны А. Ф. Мерзляковым. Он выделяет не только правила красноречия, которые «касаются вообще речей...», но и такие правила, которые относятся к одному какому-нибудь роду⁹. Например, политическое красноречие требует от оратора точного и подробного сведения о правах и выгодах своего отечества. Судебное красноречие предполагает основательное «познание естественного и гражданского права; сверх того, полное и ясное понятие о том деле, которое составляет предмет речи»¹⁰. «Духовное» красноречие состоит в утверждении христианских истин, распространении чистой, святой нравственности, в призыве жить по законам Божиим.

Следовательно, эти положения ритора и закладывают основы частной риторики, зависимой от целей и сферы использования. Конечно, каждая из частных риторик имеет свои особенности, достоинства и недостатки. Ряд положений и практических рекомендаций устарели, но немало и таких, которые представляют практический интерес. Особо выделяется наиболее развитое в России юридическое красноречие, имеющее устную направленность. Образцами блестящих судебных речей являются такие мастера слова, как К. К. Арсеньев, Н. П. Караби-

чевский, Ф. Н. Плевако, Н. Ф. Кони, П. С. Пороховщиков. На основе их текстов следует учесть аргументированности, логичности, доказательности не только будущих юристов, но специалистов во всех областях, где профессиональная деятельность требует грамотных устных высказываний.

Дореволюционные ученые выделяли следующие профессионально значимые речевые умения:

1. «Следует основательно продумать будущую речь, наметить план, записать тезисы, фактические данные, но не следует ее заучивать наизусть, надо учиться говорить без бумажки, творя речь в процессе ее произнесения»¹¹.

2. «Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он»¹².

Эти положения актуальны и сегодня: сотрудник органов внутренних дел общается не только с коллегами, но с гражданами, не имеющими четкого представления о значении многих профессиональных терминов.

3. И как никогда актуально положение, выдвинутое А. Ф. Кони, о том, что любой специалист должен с любовью и уважением относиться к родному языку. Правильное владение родной речью и уважение к родному языку имеют самое непосредственное отношение к тому, что мы называем высоким словом «патриотизм»¹³.

Наконец, следует обратить внимание на еще одно положение, без которого речь юриста вряд ли была бы столь эффективна: эмоциональность, нужная тональность, громкость, ритм, темп. Речь, в которой учтены все эти качества, способна вызвать настроение¹⁴.

Уже в публикациях XIX в. формируется представление о том, что для определенного вида коммуникаций существуют свои цели и правила построения текста.

Этому можно найти подтверждение в работах Н. Абрамова, который основное внимание уделял построению образцовой устной речи, выдвигая три основных требования: «правильная, ясная, благозвучная»¹⁵.

Российские частные методики выделялись как самостоятельные, исходя из целей и задач общения, социальной группы, в которой происходило общение (с кем и где происходило общение). Именно условия общения определяли в частных риториках речевые жанры. Например, для академического красноречия это прежде всего лекция, «речи, произнесенные в торжественных собраниях», «рассуждения или диссертации»¹⁶. Для судебного красноречия дореволюционные риторики выделяли такие речевые жанры, как судебные речи (прокурора, адвоката)¹⁷. В военном красноречии риторики говорят о необходимости обучения таким жанрам, как приказы, военные предписания, прокламации, словесные поручения, наставления солдатам, обращение к войску и т. д.¹⁸ Как упоминалось ранее, в духовном или церковно-богословском красноречии исторически сложились такие речевые жанры, как проповедь, духовная беседа, поручение.

Речевой жанр, в свою очередь, определяет структуру и языковое оформление высказывания. В трудах российских риторов четко прослеживается требование о

необходимости даже в пределах одного речевого жанра употреблять языковые средства в зависимости от категории аудитории, например, лекторская речь для студентов или специалистов-профессионалов¹⁹.

О связи понятий «стиль» и «речевой жанр» писал Н. Ф. Кошанский в своих известных трудах «Частная риторика» и «Общая риторика», в которых отстаивает свою позицию в понимании стиля — соответствия «слога предмету изложения, соответствие слога изображаемому мыслям» и закрепление каждого вида слога за определенными жанрами. Ученый выделял три слога (простой, средний, возвышенный), отмечая, что средним стилем следует пользоваться в деловых бумагах²⁰.

Вторая половина XIX в. характеризуется спадом интереса к риторике в России. Современные исследователи считают, что главной причиной упадка риторики стало то, что постепенно стала исчезать ее универсальность. Риторика, возникшая в недрах философии, помогала человечеству в поисках эстетического и этического идеала, а в XIX в. предметы «русская словесность» и «родной язык», ставшие основными в школьном обучении, обратились к человеку и его душе. Художественная речь как средство выражения идеала в первую очередь изучалась этими науками, и у риторики был отобран предмет изучения. Законы общей риторики не нашли своего места при обучении бытовому диалогу, научной и деловой речи. От риторики начали отделяться грамматика, литературоведение, лексикология, культура речи — науки, поделившие предмет изучения риторики и во многом перенявшие ее понятийный аппарат. Стилистика, культура речи, грамматика и литературоведение вытеснили риторику из учебных программ²¹.

С «легкой руки» В. Г. Белинского, который в трудный для риторики период назвал ее «сущим вздором, не только бесполезным, но и вредным», за этим понятием закрепилось отрицательное значение. «Словом, все ложное, пошлое, всякую форму без содержания, все это называют риторикой», — отзывался Белинский о риторике. Такого рода отрицательное и «антигуманное» отношение к риторике и ее преподаванию привело к тому, что в России прочно забыли о существовании риторики²².

В 1918 г. были предприняты попытки возрождения риторики, в России создали первый в мире Институт живого слова, у основания которого стояли крупные научные и политические фигуры того времени — А. В. Луначарский, Л. В. Щерба, В. Э. Мейерхольд, Н. А. Энгельгард и др.

Н. А. Энгельгард даже составил Программу курса лекций по теории красноречия (риторики), основанную на традиционной риторике XIX в., и лишь четкие акценты на разговорной речи и агитационном красноречии отражали новые социальные требования к классической науке. Жизнь Института живого слова оказалась недолгой, а риторика воспринималась в ярко отрицательном значении, исходное значение слова было надолго забыто.

Возрождение риторики началось в семидесятые годы прошлого столетия. Подтверждение этому мы мо-

жем найти в работах Ю. В. Рождественского, создавшего школу риторических исследований, и А. А. Волкова, известного работами по христианской гомилетике. В этот период русская риторика развивается в рамках педагогической сферы — появляются работы А. А. Леонтьева по психологии педагогического общения и труды М. Р. Львова и Е. А. Ножина.

Мы здесь рассмотрели основные этапы развития риторики в России за период в тысячу лет. Некоторые черты русского красноречия начального времени вошли в плоть и кровь русской риторики, сделались ее родовыми чертами: это и стремление апеллировать к единомышленникам, и желание воспитывать и поучать, и любовь к притчам с глубоким смыслом. Несмотря на то что русское красноречие первых лет практически не знало риторической теории (впервые систематизировал знания о риторике М. В. Ломоносов в 1748 г.) и не имело возможности объяснить механизм речевого воздействия на аудиторию (в данном случае — народ), оно не умерло, а успешно существовало и развивалось, благодаря нравственному стрелю. Более того, русская классическая литература опиралась именно на древнерусскую риторику, что и обеспечило первой непрерываемый международный авторитет. Именно риторическая опора на нравственность, на духовность и совесть русского человека во все времена способствовала эффективному воздействию на собеседника.

Проанализировав виды русского красноречия в дореволюционный период, можно сказать, что судебное и военное красноречие были самыми развитыми. Обучению риторике в высшем профессиональном образовании было отведено почетное место — обязательная дисциплина в первые годы обучения, и, только овладев риторикой, студенты допускались к специальной профильной подготовке.

В настоящее время требования к профессиональной компетентности специалистов множества профессий дополняются требованием риторической компетентности. В первую очередь это касается тех профессий, которые относятся к сфере повышенной речевой ответственности: журналистов, политиков, социальных работников, педагогов, и, конечно, полицейских, ведь эти профессии относятся к системе «человек-человек»²³, т. е. именно в этих сферах деятельности эффективность труда в первую очередь зависит от риторических знаний, умений и навыков. В последнее время все чаще встречается учебная и научная литература по риторике в различных областях деятельности: педагогическая риторика или риторика для педагогов, учебные пособия по ри-

торике для экономистов и менеджеров. Возможно, в скором времени появится и полицейская риторика, на уровне профессионального ведомственного образования.

¹ Носкова Л. Г. Проблемы риторической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2. С. 13–15.

² Карамзин Н. М. История Государства российского. М., 1903. Т. 5. С. 197.

³ «Повесть временных лет» — наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов. Традиция приписывает авторство Повести временных лет монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, жившему в XI–XII вв.

⁴ Горобец Л. Н. Формирование риторических знаний и умений студентов-нефилологов: монография. Армавир, 2007. С. 39.

⁵ Антонова Л. Г. Обучение студентов-словесников профессионально значимым письменным жанрам: дис. ... докт. пед. наук. М., 1998. С. 23–123.

⁶ Рижский И. С. Опыт риторики, сочиненный и преподаваемый в Санкт-Петербургском горном училище. СПб., 1809. С. 103.

⁷ Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 3.

⁸ Зеленецкий К. Изследование реторики в ея наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. Одесса, 1846. С. 116.

⁹ Мерзляков А. Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. 3-е изд. М., 1830. С. 17.

¹⁰ Аннушкин В. И. История русской риторики: хрестоматия. М., 2011. С. 387.

¹¹ Георгиевский П. Е. Руководство к изучению русской словесности. СПб., 1830. С. 68.

¹² Пороховицков П. С. Искусство речи на суде. СПб., 1910. С. 47.

¹³ Кони А. Ф. Красноречие судебное и политическое // Об ораторском искусстве. М., 1958. С. 117.

¹⁴ Луцкий К. Л. Судебное красноречие. СПб., 1827. С. 31–34.

¹⁵ Абрамов Н. Дар слова. Вып. 1–15. (1900–1912) СПб., 1900. Вып. 1. С. 17–26.

¹⁶ Рижский И. С. Указ. соч. С. 53.

¹⁷ Кони А. Ф. Указ. соч. С. 132.

¹⁸ Толмачев Я. В. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного. Ч. 1–3. СПб., 1825. С. 89.

¹⁹ Мерзляков А. Ф. Указ. соч. С. 90.

²⁰ Кошанский Н. Ф. Указ. соч. С. 2.

²¹ Вяликова Г. С., Тукмачева Л. В. Формирование профессионально-риторической компетенции будущего учителя: монография. Коломна, 2011. С. 210.

²² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. III. С. 260–262.

²³ Климов Е. А. Путь в профессию: пособие для старших классов общеобразовательной школы. Л., 1974. С. 15.

УДК 808.2

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Т. В. Варлакова

Обобщается опыт преподавания русского языка как иностранного. Автор представляет процесс преподавания многоаспектно, характеризует педагогические и психологические особенности учебно-методической деятельности в области распространения знаний о русском языке на международном уровне.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативная, языковая, речевая компетенция, профессиональная ориентированность.

Преподавание русского языка занимает особое место в обучении граждан зарубежных стран в образовательных учреждениях МВД РФ, поскольку профессиональная подготовка осуществляется на русском языке. Русский язык как иностранный (РКИ) является базовой дисциплиной. Такой подход к данному предмету подчеркивает тот факт, что от успешного овладения устной и письменной русской речью, особенно ее учебно-научным и собственно научным подстилями, зависит успешность реализации задач формирования как общекультурной, так и профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся¹.

В преподавании русского языка как иностранного необходимо учитывать практическую направленность образования по юридическим специальностям, а также проблемы, которые неизбежно возникают в работе с иностранными обучающимися: адаптация в новой социальной среде, отсутствие учебной и профессиональной мотивации, трудности использования средств неродного языка и т. д. В последнее десятилетие произошли серьезные изменения в обучении русскому языку как иностранному в вузах МВД РФ, определены цели, задачи, принципы преподавания дисциплины в соответствии с федеральными государственными стандартами нового поколения, созданы примерные и рабочие учебные программы, отражающие современные идеи в области речевого развития иностранных обучающихся в высшем образовательном учреждении.

В настоящее время в Омской академии МВД России учатся сотрудники из Кыргызстана, Азербайджана, а также Монголии. Поступающие на обучение в ОМА МВД России иностранные кандидаты, начиная с 2007 г., проходят тестирование для определения уровня владения русским языком. Тестирование проводится в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования, на основании российской государственной системы сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным. Предлагаемый кандидатам на обучение тест включает задания по грамматике и лексике, чтению, аудированию, письму, говорению первого сертификационного уровня, владение которым является обязательным для поступления в высшие учебные заве-

дения России. Результаты тестирования показывают из года в год низкий уровень владения русским языком, что в дальнейшем, при поступлении в образовательное учреждение, становится серьезным препятствием для успешного усвоения программного материала по специальности.

Дисциплина РКИ преподается в Омской академии с 2011/12 учебного года, и курс рассчитан на один учебный год. В 2011/12 учебном году русский язык изучали 11 иностранных слушателей из Кыргызстана в составе группы НБС111. В 2012/13 учебном году дисциплина преподавалась шести иностранным слушателям из Кыргызстана, которые обучаются по специальностям: 030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности; 080101.65 Экономическая безопасность. В текущем учебном году дисциплина преподается в группе, которая сформирована из сотрудников правоохранительных органов Кыргызской Республики и Республики Азербайджан.

Рабочим учебным планом предусмотрено на изучение дисциплины 172 аудиторных часа (первый семестр — 90 часов; второй семестр — 82 часа). Основной формой организации учебной деятельности по данной дисциплине является практическое занятие. Кроме того, в каждом семестре в соответствии с рабочей учебной программой проводится аудиторная контрольная работа. В течение учебного года на самостоятельную работу предусмотрено 47 часов (43 часа отводятся на подготовку к практическим занятиям, 4 — на подготовку к контрольной работе). В первом семестре проводится зачет, по окончании изучения дисциплины во втором семестре обучающиеся сдают экзамен.

Содержание обучения определяется его целями и задачами. Формирование и развитие коммуникативной компетенции рассматривается в качестве основной цели обучения русскому языку как иностранному. Кроме того, коммуникативная (или коммуникативно-речевая) компетенция, под которой понимается способность человека осуществлять речевое общение, является одним из основных понятий методики обучения русскому языку как иностранному. Таким образом, целью обучения русскому языку иностранных слушателей является формирование у обучающихся способности организовать адекватное речевое и неречевое поведение в сферах учебного и профессионального общения. Данная цель включает в себя ряд составляющих. **Лингвистическая компетенция:** базовые знания о системе языка и правилах его функционирования, способность строить грамматически правильные высказывания на языке в определенных сферах общения. **Дискурсивная компетенция:** способность планировать речевое поведение, понимать и передавать информацию в связанных высказываниях в соответствии с функциональной задачей общения. **Социолингвистическая компетенция:** способность выбирать лингвистические средства в соответствии с местом, временем, сферой общения. **Социальная компетенция:** умение использовать разные коммуникативные роли и стратегии в условиях социального взаимодействия. **Социокультурная компетенция:**

знание национально-культурных особенностей России, норм речевого и неречевого поведения русских и умение строить свое поведение с учетом этих особенностей и норм. **Профессиональная компетенция:** владение русской и иноязычной по происхождению терминологией по изучаемой специальности, умение поддерживать профессиональную беседу.

Содержание рабочей учебной программы дисциплины на основании требований федерального государственного стандарта и примерной программы соответствует школьному курсу русского языка или подготовительному курсу по русскому языку для поступающих в вузы. Основные направления изучения РКИ представлены традиционными разделами языкознания: фонетика, графика, орфография, части речи, словосочетание, простое и сложное предложение, способы передачи чужой речи.

Особое внимание в преподавании РКИ, как отмечалось выше, уделяется: коммуникативной направленности процесса обучения²; интенсификации обучения; профессиональной ориентированности всего процесса обучения. Курс русского языка для иностранных слушателей призван обеспечить формирование коммуникативной компетенции на уровне, достаточном для квалифицированного осуществления ими профессиональной деятельности с использованием русского языка. Обучение осуществляется на материале общенаучных, профильных (юридических), страноведческих, литературно-художественных и общественно-политических текстов. В основном занятия ведутся по учебному пособию «Практические занятия по русскому языку для курсантов и студентов высших образовательных учреждений юридического профиля: учебно-практическое пособие» М. О. Хабарина, К. Л. Ходжабеговой (М., 2011). Кроме того, используется учебное пособие для иностранных студентов А. В. Вавулина «Русский язык для юристов» (М., 2007), а также практическое пособие Н. Н. Ивакина «Юристу о нормах правописания» (М., 2013). Данные пособия позволяют формировать и развивать у слушателей навыки репродуктивных, репродуктивно-продуктивных и продуктивных видов речевой деятельности в соответствии с разработанной речевой программой. В каждом разделе первого пособия представлен текстовый материал, предназначенный для изучающего чтения и для аудирования монологических и диалогических текстов. Большое внимание уделяется авторами книги формированию навыков говорения, развитию устной научной речи. Помимо этого, большое количество упражнений направлено на развитие навыков письменной речи (рубрики «Учимся составлять план», «Учимся конспектировать», «Составляем аннотацию текста» и др.). Как в предтекстовых, так и в послетекстовых заданиях особое внимание обращается на активное освоение лексики и грамматических структур, важных для данной темы: усвоение языковых единиц осуществляется в процессе использования их в речи — в реальных ситуациях общения, имеющих отношение к учебно-научной сфере деятельности слушателей (в заданиях условно-речевого и собственно коммуникативного характера).

За период преподавания дисциплины создана и продолжает совершенствоваться, пополняться учебно-методическая база. В соответствии с планами практических занятий и методическими рекомендациями по их проведению сформировано мультимедийное сопровождение. Специфика преподавания иностранных языков, в том числе русского как неродного, требует использования определенных, не имеющих применения при изучении других дисциплин, форм и средств. Например, как показывают исследования, одним из эффективных методов освоения фонетических, лексических и грамматических свойств иностранного языка является исполнение песен на изучаемом языке. Поэтому в качестве речевой разминки или упражнений на релаксацию иностранные курсанты слушают песни на русском языке, записывают и запоминают тексты, затем исполняют. Для артикуляционных упражнений используются русские скороговорки, в том числе актуальные, переименованные или придуманные нашими современниками (например, «Регулировщики регулярно регулировали регуляторы»). Включение в задания русских фразеологизмов, пословиц, поговорок позволяет понять и постигнуть историю Российского государства, особенности характера и психологии русского человека³.

Неотъемлемой частью учебной деятельности на практических занятиях по русскому языку как иностранному традиционно является словарная работа⁴. На каждом занятии записываются несколько слов, чаще всего иноязычные по происхождению, относящиеся к юриспруденции, и дается толкование их значений, поскольку именно такие слова вызывают затруднения в понимании и употреблении. Для успешного усвоения теоретического материала на занятиях практикуется проведение вопросно-ответных 10–15-минутных бесед, в парах, по заранее сформулированным каждым иностранным слушателем вопросам, фронтальные устные и письменные опросы по вариантам.

Необходимо отметить, что основной проблемой как для русскоязычных курсантов, так и для иностранцев остается неумение излагать мысли письменно. Поэтому на занятиях по РКИ большое внимание уделяется развитию навыков письменной речи. С данной целью выполняются задания по формулированию ответов на вопросы на основе схемы конструкции, проводится обучение конспектированию теоретического материала, иностранные слушатели пишут творческие диктанты, изложения, создают эссе.

Следует остановиться на трудностях в преподавании РКИ, к которым относятся: незнание значений большого количества русских по происхождению и иноязычных слов; необходимость овладения навыками оперирования средствами научной речи, создания научных работ при отсутствии общеязыковых и речевых навыков; большая учебная нагрузка при низкой работоспособности; проявление у большинства иностранных курсантов в 2013/14 учебном году таких особенностей, как невнимательность, несобранность, рассеянность, неумение рационально организовать индивидуальную учебную деятельность.

При этом наиболее распространенными ошибками, которые допускают иностранные слушатели и над которыми мы работаем из года в год, являются: выбор формы согласования прилагательного и причастия в соответствии с формой определяемого существительного; написание окончаний абстрактных существительных, постановка знаков препинания перед причастным оборотом после определяемого слова, в предложениях с деепричастием и деепричастным оборотом, в сложносочиненном предложении, а также в сложноподчиненном предложении перед придаточным.

Несмотря на существующие трудности объективного и субъективного характера, о которых мы ранее говорили, полагаем, что преподавание русского языка как иностранного имеет большое значение и приносит определенные положительные результаты: позволяет иностранным обучающимся правильно ориентироваться в российской действительности, создает основу для усвоения знаний по юридическим дисциплинам. Если обобщить показатели в изучении предмета, то положительным моментом является сдача зачета и экзамена иностранными слушателями в анализируемый период с первого раза. По окончании прошлого учебного года на экзамене по русскому языку как иностранному первокурсники получили три оценки «хорошо» и три оценки «удовлетворительно». Помогают обучающимся из иностранных государств в достижении поставленных целей личностные качества, которые отличают их от других сокурсников: напористость, старательность, любознательность.

Одно из направлений в преподавании русского как иностранного в Омской академии МВД России представлено языковыми стажировками, которые были организованы в течение трех последних лет учебным и научным отделами и осуществлены кафедрой иностранных языков. Так, в ноябре–декабре 2010 г. в Омской академии МВД России впервые языковую стажировку прошли представители Института подготовки офицеров общественной безопасности Автономного района Внутренняя Монголия КНР (курс русского языка как иностранного составил 84 часа). Затем в соответствии с долгосрочной программой развития сотрудничества с Институтом подготовки офицеров общественной безопасности Автономного района Внутренняя Монголия КНР с 4 ноября по 27 декабря 2011 г. представители данного вуза совершенствовали навыки речевой деятельности и изучали особенности юридических текстов, правовую терминологию (курс русского языка как иностранного составил 196 часов). В 2012 г. на кафедре

иностранного языка недельную стажировку проходил сотрудник полиции, студент юридического института Земли Северная Рейн-Вестфалия (ФРГ) Петер Данил. Курсы языковой стажировки завершались подведением итогов, созданием сотрудниками Института подготовки офицеров общественной безопасности Автономного района Внутренняя Монголия КНР, а также сотрудником полиции Земли Северная Рейн-Вестфалия (ФРГ) личных отчетов-рассуждений о пребывании в России. Представители полиции КНР, кроме того, приняли участие в межвузовской конференции «Компетентностный подход и его роль в формировании вторичной языковой личности», выступили с докладом «Особенности языковой компетенции при обучении русскому как иностранному». При этом представители Китая показали достаточно высокий уровень владения русским языком: его разговорной разновидностью, средствами официально-делового, научного, публицистического стилей. Опыт организации языковых стажировок нашел свое отражение в статьях, которые были подготовлены и изданы преподавателями кафедры, а также в методических рекомендациях по проведению занятий по русскому языку как иностранному.

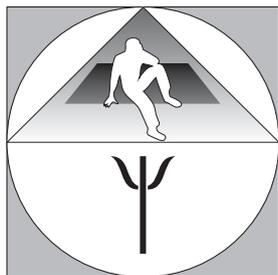
Подводя итог сказанному, подчеркнем, что мы попытались проанализировать проводимую работу, обобщить опыт преподавания русского языка как иностранного в Омской академии МВД России, представить данную деятельность многоаспектно. Предлагаемые в качестве результата учебно-методической работы, научного исследования материалы, обобщающие опыт преподавания русского языка как иностранного слушателям из других государств, являются одним из этапов деятельности по внедрению идей, связанных с распространением знаний в области русского языка на уровне международных отношений, которые нами рассматриваются через призму современных подходов лингводидактики и государственных стандартов нового поколения.

¹ <http://www.dissercat.com/content/integrativnaya-metodika-formirovaniya-navykov-yuridicheskoi-rechi-u-inostrannogo-kontingenta#ixzz2jTKuyu18> (дата обращения: 3.11.2013).

² Быстрова Е. Компетентный носитель языка // Народное образование. 1998. № 5. С. 70–71.

³ Болотюк В. Г. К вопросу о цветообозначениях в английских фразеологизмах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1. С. 59–60.

⁴ Белая Е. Н., Болотюк В. Г. Символика цвета в разных сферах профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 4. С. 76–78.

УДК 159.92

РОЛЬ ДИАГНОСТИКИ ИСХОДНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ОВД

А. В. Соловьева

В статье обосновывается перспективность установления исходного личностного потенциала для формирования позитивного имиджа сотрудников органов внутренних дел. На основе экспериментального исследования проанализированы исходные личностные потенциалы курсантов.

Ключевые слова: имидж, индивидуальный имидж, социальный имидж, исходные потенциалы личности.

В научный оборот понятие «имидж» вошло сравнительно недавно, однако как феномен формировалось и развивалось в течение многих веков. Издавна люди стремились предстать такими, какими их хотели бы видеть окружающие, осознавая конструктивный характер такого поведения. Между тем обычным явлением процесс целенаправленного формирования имиджа становится лишь в конце XX в. Преимущественно это касается Европы и Америки. В нашей стране рынок таких услуг и спрос на них только формируется.

Говоря об имидже, как правило, имеют в виду некий психологический образ. Насчитывается десятки определений понятия «имидж»:

— эмоциональное окрашивание устойчивого образа кого- или чего-либо, сложившееся в массовом сознании¹;

— абстрактно отчужденный от личности носителя образ, включающий в себя реальные и идеальные черты, проекцию свойств, присущих общественности²;

— искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия³;

— набор представлений о качествах той или иной персоны, который внедряется в массовое сознание⁴, и др.

Имеются различные точки зрения и относительно видов имиджа. Согласно одной из классификаций выделяется три вида имиджа:

— требуемый имидж — образ, формируемый на основе требований, предъявляемых профессиями к наличию у субъектов деятельности определенных характеристик;

— воспринимаемый имидж — образ, выстроенный на представлениях окружающих о субъекте (то, как нас видят другие);

— самоимидж — образ, основанный на прошлом опыте, но отражающий нынешнее состояние самоуважения, доверия к себе.

Отечественные исследователи С. И. Некрасов, У. С. Некрасова выделяют два типа имиджа: социальный и индивидуальный, различающиеся прежде всего механизмом их создания⁵. Так, механизм создания социального типа имиджа не предполагает каких-либо изменений в его носителе, а изменяет только представления о нем. Социальный тип имиджа обычно используется в политической практике и средствах массовой информации.

Индивидуальный тип имиджа используется в деловых взаимоотношениях, в связи с чем механизм его создания ориентирован на учет многочисленных особенностей процесса восприятия окружающими носителя имиджа в рамках их непосредственного общения.

Следует отметить, что интерес отечественной психологии к изучению индивидуального имиджа в последние десятилетия существенно усилился. Особое внимание при этом уделяется вопросу создания *позитивного* индивидуального имиджа. Факты все больше убеждают, что именно позитивный индивидуальный имидж способствует установлению стабильных доверительных отношений между субъектами взаимодействия и, как следствие, оказывает положительное влияние на эффективность достижения стоящих перед ними задач. В Америке говорят, что позитивный имидж стоит миллиарды долларов. Именно поэтому психологические условия, механизмы, факторы и иные аспекты, раскрывающие особенности формирования позитивного индивидуального имиджа сотрудников правоохранительных органов, приобретают особое значение. Более того, проблеме формирования позитивного имиджа сотрудников органов внутренних дел называют одной из первоочередных проблем реформирования правоохранительной системы России⁶.

Нетрудно заметить, что к людям, носящим форменную одежду сотрудников органов внутренних дел, общественное сознание всегда предъявляло и предъявляет сейчас более чем высокие требования, особенно в части проявления у них высокой степени культуры, образованности, интеллигентности, правовой и профессиональной подготовленности, компетент-

ности, честности, порядочности и т. п. В основном это обусловлено тем, что авторитет закона в значительной степени зависит от авторитета людей, его олицетворяющих.

Как результат, любое, даже минимальное, отклонение поведения сотрудников органов правоохраны от должного, задаваемого обществом в качестве эталона, например, развязность, грубость в общении, ненормативная лексика, жаргонные выражения, вызывающие жесты и т. п., влечет резко отрицательную реакцию населения. К сожалению, деформированные способы самоподдачи в среде сотрудников органов внутренних дел еще встречаются⁷, что создает определенные трудности в работе по созданию позитивного имиджа правоохранительной системы в целом (социальный имидж). Указанное ставит задачу поиска путей и способов повышения авторитета органов внутренних дел. Одним из наиболее перспективных вариантов в этом случае может служить формирование позитивного *индивидуального* имиджа каждого из сотрудников, несущих службу в правоохранительной системе.

Технология формирования индивидуального имиджа включает в себя шесть базовых этапов⁸.

1. Определение стартовых условий.
2. Создание внешности.
3. Отработка коммуникативной механики.
4. Овладение эффективной поведенческой техникой.
5. Изучение законов ортобиоза (т. е. здорового образа жизни).
6. Совершенствование профессионализма.

Работа при этом ведется с каждым конкретным сотрудником, путем усиления либо сглаживания имеющихся у него собственных черт, а также обретения отсутствующих, но необходимых качеств в контексте «требуемого» имиджа.

Примечательно, что личностные характеристики носителя имиджа корректируются только в соответствии с постулатом о том, что каждый человек — это уникальное создание, со своими слабыми и сильными сторонами, поэтому прививание ему каких-либо ранее не свойственных черт должно быть максимально комфортным. Во всяком случае, только при таких условиях имидж будет убедительным (нейтрализация эффекта «вороны в павлиньих перьях»). На этой основе можно с уверенностью утверждать, что определение стартовых условий будет являться основополагающим этапом технологии создания индивидуального имиджа, поскольку именно он имеет своей целью определение тех собственных ресурсов и резервов психологической системы, которые свойственны конкретной личности.

В целом изучение ресурсов психологической системы человека, их силы и возможных соотношений является отдельным направлением психологических исследований. Так или иначе, но анализ ресурсов позволяет установить имеющуюся у человека базу возможностей и «допущений», может объяснить некоторые пределы его поведения и ограничения в нем (исходные потенциалы личности). В контексте формирования позитив-

ного индивидуального имиджа это имеет ключевое значение, поскольку обеспечивает личности необходимый комфорт при сглаживании собственных несоответствующих качеств и обретении требуемых новых. Речь, по большому счету, идет о том, что анализ ресурсов и резервов психологической системы личности позволяет корректировать программу формирования имиджа так, чтобы с самого начала применять только те воздействия, которые целенаправленно будут актуализировать именно требуемый для формирования соответствующего имиджа потенциал. Тем самым решается и проблема возможного дискомфорта при соотношении реальности общественного сознания, представляемой «требуемым» имиджем, с реальностью конкретной индивидуальности (самоимидж).

В наиболее общем виде знание такого рода (исходные потенциалы личности) позволит максимально использовать естественные свойства личности в процессе соотношения индивидуальности с требованиями общества. Примечательно, что стремление приблизить личностные характеристики к общественному идеалу не противоречит в этом случае тенденции учета индивидуальных особенностей индивида. Таким образом, установление исходных потенциалов личности становится основным вопросом, требующим своего решения в процессе формирования позитивного индивидуального имиджа. В свете новых задач, которые ставит перед обществом и государством реформа правоохранительной системы, принципиально значимым видится изучение характера психологических резервов и ресурсов у курсантов учебных заведений МВД России, представляющих собой будущее правоохранительной системы. В силу этого определение той базы личностных возможностей, которая имеется у современных курсантов, стало целью нашего исследования.

Экспериментальную базу исследования составили 65 курсантов Московского университета МВД России. Состав выборки (курсанты, обучающиеся на третьем курсе, средний возраст 20–21 год) обусловлен характером процесса их адаптации. Считается, что именно к третьему году обучения курсанты находятся в наиболее стабильном состоянии. Они привыкли к специфике служебного распорядка, осознали и приняли на себя требования будущей социально-профессиональной роли, но еще не ориентированы значимо на непосредственное выстраивание профессиональной карьеры, как это бывает на выпускном, пятом курсе.

Методически исследование осуществлялось прежде всего с помощью авторской анкеты, где анализу в контексте цели исследования подвергался только один вопрос: «Считаете ли Вы себя достойным служить в органах внутренних дел? Подчеркните возможный вариант ответа: нет; скорее, нет; скорее, да; да; затрудняюсь ответить». Это было предпринято для того, чтобы исключить из выборки молодых людей, для которых служба в органах внутренних дел не является внутренне одобряемым элементом собственной реальности. Курсантам была предложена также поисково-ориентировочная

Таблица. Результаты обследования курсантов по методике ПОМ: определение преобладающих тенденций

Тенденции	Mean	Median
Энергичность	7,6	8,0
Пассивность	2,2	2,0
Автономность	5,6	5,0
Зависимость	2,1	2,0
Агрессивность	2,8	2,0
Эгрессивность	4,5	4,0
Эмоциональность	6,1	6,0
Безучастность	2,2	2,0
Напряженность	2,2	1,0
Расслабленность	3,1	3,0
Экзотексия	3,7	4,0
Эндокатексия	2,9	2,5
Импульсивность	3,8	4,0
Осмотрительность	5,5	5,5
Управляемость	1,9	2,0
Самоуправляемость	6,6	7,0
Чувствительность	3,9	4,0
Нечувствительность	3,8	3,0
Кооперативность	7,4	8,0
Конфликтность	2,9	2,5
Удовлетворительность	5,1	5,0
Неудовлетворительность	1,5	1,0

Примечание. Жирным шрифтом выделены максимальные значения.

методика (ПОМ), разработанная под руководством Л. Б. Филонова.

В наиболее общем виде целевое назначение методики ПОМ заключается в измерении в обследуемой социальной группе величины тенденций, определяемых через детерминанты. Под тенденциями понимаются модели поведения в широком диапазоне обстоятельств, которые могут характеризовать обследуемую социальную группу. Детерминантами обозначаются факторы, или причины, определяющие возникновение некоего явления, в данном случае — преобладающих моделей поведения. Иначе говоря, поисково-ориентировочная методика позволяет посредством определения преимущественных векторов поведения установить базовый композиционный конструкт личности современного курсанта.

Обработка данных, полученных по методике ПОМ, осуществлялась с применением статистических способов обработки: высчитывалось среднее арифметическое, определялась медиана. При этом обработке подлежали протоколы только тех курсантов, которые на вопрос анкеты «Считаете ли Вы себя достойным служить в органах внутренних дел?...» дали один из двух вариантов ответа, а именно: «да» или «скорее, да». В результате в дальнейшей обработке участвовало только 60 протоколов, что составляет 92% от всей обследуемой выборки. Кроме того, поскольку результаты диагностики не обнаружили гендерных различий, необходимость сбора эмпирических данных по двум выборкам в соответствии с половой принадлежностью была исключена.

В ходе обработки данных по методике ПОМ было установлено, что наиболее выраженными у курсантов поведенческими моделями являются тенденции к проявлению энергичности и кооперативности, дополня-

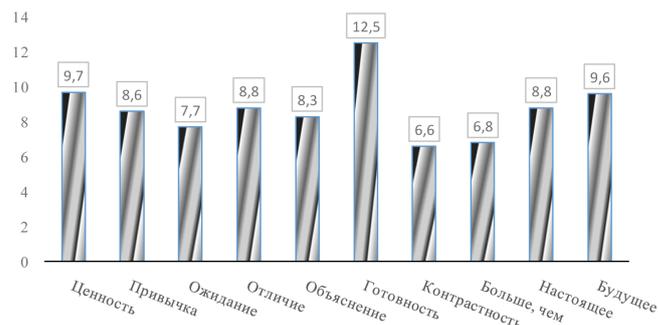

Рис. Результаты обследования курсантов методикой ПОМ: определение преобладающих детерминант

ют их тенденции к самоуправлению и эмоциональности (см. табл.).

Иными словами, преобладающей моделью самоподдачи курсантами себя обществу является модель активного, эмоционально насыщенного и деятельного субъекта, неконфликтного, склонного к контакту, кооперации и переговорам, мечтающего о самостоятельности и независимости.

Анализ детерминационного поля молодых людей показывает, что наиболее выраженными детерминантами поведения у курсантов являются парадигмы «готовности», «ценности» и «будущего» (рис.).

Парадигма «готовность» означает, что человек постоянно пребывает в ожидании какого-либо воздействия со стороны окружения. Более того, это не просто констатация ожидания ситуации, но и заведомая соотнесенность с ней (как бы мысленная проработка алгоритма действий, «подготовленный экспромт»), что в принципе исключает какую-либо самостоятельность и независимость, но обуславливает повышенную активность и контактность (в контексте выраженного стремления ко взаимодействию).

Парадигма «ценность» свидетельствует о том, что у курсантов достаточно сильно развито стремление к поиску и оценке информации. Они стремятся участвовать в как можно большем количестве ситуаций, стараясь при этом эмоционально их прочувствовать. Итогом эмоционального вчувствования становится, как правило, придание ситуации исключительного значения.

Парадигма «будущее» отражает наличие у курсантов, с одной стороны, переживаний о том, что в настоящий момент им доступны не все возможности и, с другой стороны, уверенности в том, что некоторая подготовительная работа кардинально изменит ситуацию.

Дополнительно следует отметить, что низкие значения по детерминантам «контрастность» и «больше, чем» свидетельствуют о том, что склонность к противостоянию и стремление к состязанию выражены у курсантов достаточно слабо, скорее всего, потому, что они не отмечают в себе особых преимуществ.

В наиболее общем виде результаты демонстрируют следующий композиционный конструкт исходных личностных потенциалов (стартовых условий) современного курсанта: энергетически «богатый», активный субъект взаимодействия, деятельность которого по большей

части направлена на поиск возможностей к установлению контактов с окружающим миром (молодые люди открыты окружению, не противопоставляют себя ему). Главной целью этих контактов является получение эмоционального удовлетворения. Между тем явно выраженной склонности к риску у курсантов не установлено. К автономным действиям они готовы только в тех ситуациях, где им, хотя бы приближенно, известен алгоритм действий. От взаимодействия в ситуациях, инициирующих конкуренцию и соревнование, курсанты, если имеется возможность выбора, отказываются, в силу преобладания у них мнения о собственной «неподготовленности». При этом значимого дискомфорта по данному поводу у курсантов не обнаружено: они открыты разнообразным воздействиям и готовы «тренироваться» во имя формирования новых возможностей.

Подводя итоги, можно констатировать перспективность данного подхода (связанного с основополагающим значением установления исходных личностных потенциалов) к формированию имиджа правоохранительной системы. Известно, что в общей сложности свое мнение об органах внутренних дел люди формируют на основе личного опыта восприятия конкретных представителей органов правопорядка. Как следствие, для повышения уровня доверия населения к полиции необходимо, чтобы граждане на соб-

ственном опыте увидели в сотрудниках МВД защитников интересов общества и государства. Активизировать этот процесс возможно, как представляется, через персонализацию работы по формированию позитивного имиджа, где ключевое значение во имя оптимизации данного процесса будет отдано установлению исходных личностных потенциалов.

¹ Сёмик А. А. Психологическая характеристика имиджа сотрудников органов внутренних дел (90-е годы XX века): монография, 2001. 192 с.

² Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. М., 1997. 344 с.

³ Панасюк А. Ю. Имидж: энциклопедический словарь. М., 2007. 768 с.

⁴ Кузин Ф. А. Современный имидж делового человека, бизнесмена, политика. М., 2002. 512 с.

⁵ Некрасов С. И., Некрасова У. С. Основные модели создания имиджа // Фундаментальные исследования. 2007. № 10. С. 32–35.

⁶ Кузнецов А. В., Гончаренко А. А. Роль руководящего состава ОВД в формировании общественного мнения о полиции. С. 14–16.

⁷ Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. С. 19–22.

⁸ Браун Л. Имидж — путь к успеху. СПб., 2005. 192 с.

УДК 342.53:316.653

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

И. А. Кибак

Раскрывается участие социолога в прогнозировании потребности в правовом регулировании законотворческой деятельности. Обозначена целесообразность включения в теорию и практику социологии и психологии законотворчества идеи законопроекта. Приводятся ситуации, когда нормативно-правовое регулирование законотворческой деятельности целесообразно осуществлять только в форме закона.

Ключевые слова: социолог, прогнозирование, общественное мнение, парламент, законопроект, законотворческая деятельность, эффективность, депутат.

Среди задач, стоящих перед отечественной социологией в условиях осуществляемых преобразований, одно из главных мест занимает социологическое обеспечение законов, правовых решений, принимаемых законодателем.

Целесообразность включения в теорию и практику социологии и психологии законотворчества идеи законопроекта обуславливается следующими обстоятельствами.

Во-первых, это требуется для формирования более точного общетеоретического представления о структуре, механизме и процессе «запуска» начального этапа законотворчества. Идея законопроекта позволяет конкретизировать этап законодательной инициативы

и «высветить» новые содержательные психологические и технико-юридические ее линии (идеи законопроекта), взаимосвязи с концепцией законопроекта. Идея законопроекта нередко отождествляется с его концепцией. Так, В. Б. Исаков дает следующее наименование первой стадии подготовки проектов законов — «формирование идеи (концепции) законопроекта»¹. Этот же подход развивается им в статье «Приемы юридической техники на начальных стадиях законодательного процесса»². Идея законопроекта предшествует его концепции. Концепция законопроекта — гораздо более поздняя стадия законотворческой деятельности, т. е. когда идея уже оценена и принято решение «развивать» ее в законопроект³. Различение идеи и концепции законопроекта желательно и по практическим обстоятельствам. Уровень социологической и психолого-юридической подготовки нашего депутатского корпуса таков, что очень немногие из депутатов могут сами подготовить полноценную концепцию законопроекта, объективно и своевременно оценить качество подготовленной кем-то концепции. Но оценить четко сформулированную идею законопроекта в состоянии почти все депутаты.

Во-вторых, признание в качестве начального этапа идеи законопроекта может способствовать усовершенствованию психологического прогнозирования и планирования законотворческой деятельности. Однако нужно несколько изменить правовой режим работы компетентных органов с поступающими идеями законопроектов. Сроки рассмотрения и оценки выдвинутых идей законопроектов должны быть значитель-

но увеличены и различаться в зависимости от масштаба предлагаемого законодательного нововведения. От трех месяцев до одного года — такие временные интервалы целесообразны для объективной оценки идей законопроектов. Кроме того, возможно составление двух-, трехлетних планов законопроектных работ, так как финансово-экономическое обеспечение законопроектов не может находиться в отрыве от государственного бюджета и его временных характеристик.

В-третьих, четкое юридическое оформление идеи законопроекта и последующая тщательная психологическая и аналитическая работа субъектов права, участников законотворческого процесса позволяют сэкономить интеллектуальные, организационные и материальные ресурсы при вынужденном рассмотрении Палатой представителей разных, порой совершенно необдуманных, законопроектов.

Социально-психологическая обусловленность законотворчества должна отражаться всесторонне и объективно. При подготовке правовых норм, законопроектов следует учитывать, как они будут восприняты теми, кому адресуются, какой эмоциональный отклик вызовут, а также способы конкретного воздействия и влияния на людей. Так, В. Н. Синюков отмечает, что «законы не должны слишком забегать вперед. Прогрессивность законов работает против них, так как этим законам не корреспондируют наличные социально-экономические отношения»⁴.

Исследование процесса социально-психологической обусловленности при формировании законопроектов (правовых норм) необходимо в первую очередь для того, чтобы свести к минимуму возможное психическое и иное негативное действие законопроекта; всесторонне изучить социально-психологические условия жизни граждан, влияние принятого закона на причинно-следственные связи; увидеть задачу в выяснении того, какое отражение норма права получит в сознании людей, совпадет ли это отражение с тем, что хочет законодатель заложить в норму; преодолеть у граждан негативизм по отношению к праву и закону; определить его истинность; показать, какое влияние окажет закон на судьбы людей; проанализировать реакцию общества на принятый закон.

Здесь полезно обратиться к зарубежному опыту. В Канаде решение о том, нужно ли разрабатывать закон или регулирующий акт, принимается Кабинетом на основе информации, подготовленной чиновниками из соответствующего министерства. Информация должна быть точной, своевременной и полной. В соответствии с директивой Кабинета о законотворческой деятельности для ее предоставления необходимо: проанализировать проблему и альтернативные варианты ее решения; провести консультации с заинтересованными лицами, на которых может оказать влияние предлагаемый вариант решения; проанализировать последствия предлагаемого варианта решения; оценить ресурсы, необходимые для использования предлагаемого варианта решения, включая ресурсы для введения его в действие и исполнения⁵. Вся-

кий раз, когда решается вопрос об издании законопроекта, правотворческий орган должен иметь доказательства необходимости принятия такого проекта закона. Правовое регулирование должно использоваться только тогда, когда это действительно надо. Вопрос о выборе надлежащего средства должен быть рассмотрен на ранней стадии выработки концепции законопроекта. Решение о целесообразности принятия закона должно приниматься только после оценки всего спектра возможных средств достижения социальных, политических и иных целей.

Необходимость изменения законодательства внешне может проявляться:

— в спонтанном появлении большого числа новых законопроектов, обычно разрабатываемых разного рода инициативными группами;

— в усилении критики старого закона заинтересованными лицами о целесообразности внесения изменений и дополнений в закон;

— в общественной законодательной инициативе, т. е. разработке группами граждан и гражданскими объединениями инициативных законопроектов и доведение их до сведения депутатов и граждан. Процедура реализации этого права может применяться, например, если депутаты не замечают какой-то важной общественной проблемы, не принимают необходимых решений, не реагируют на обращения граждан и т. п. В этих случаях достаточно большое число граждан, например сто тысяч, должны иметь право, поставив свои подписи под проектом закона, заставить депутатов парламента его рассмотреть, внеся его в парламент. Депутаты, в свою очередь, могут принять или не принять этот законопроект, но не имеют права его не рассматривать;

— в дискуссии среди ученых, практиков, должностных лиц, СМИ об обязательности внесения изменений и дополнений в законодательство и так далее.

На первом этапе выявляются *объективные* (социальные, политические, экономические, психологические) причины, обуславливающие необходимость создания новой правовой нормы: потребность общества в установлении (изменении) законодательного регулирования общественных отношений в той или иной сфере; различие интересов социальных групп, заинтересованных в данном законе; устойчивость общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; зрелость установления нормативного материала для урегулированности общественных отношений; возможность выявления общих аспектов, единой основы правового регулирования; возможность применения данной нормы в конкретных социальных условиях. На втором этапе важны *субъективные* факторы, требующие разработки законопроекта, когда выбор субъектом права законодательной инициативы может быть обусловлен: сферой профессиональных интересов парламентариев; сферой личных интересов парламентариев. Наиболее важной функцией социологии законотворчества является установление соответствия данной нормы и фактически существ-

вующей социальной реальности. На данном этапе делается вывод о целесообразности или неадекватности введения правовой нормы в конкретных исторических условиях.

Важно знать ситуации, когда нормативно-правовое регулирование законотворческой деятельности целесообразно осуществлять только в форме закона: основные права, свободы и обязанности человека и гражданина, способы их охраны, юридическая ответственность и иные меры принуждения по отношению к гражданам; порядок выборов президента, депутатов Палаты представителей, формирование Совета республики, их правовой статус; порядок ратификации и денонсации международных договоров Республики Беларусь и ратификация и денонсация таких договоров; правовые основы экономического, социального и экологического развития страны; правовое положение партий и иных общественных объединений; правовой статус СМИ; порядок формирования и расходования государственного бюджета, налоги и сборы; общие вопросы национальной безопасности Республики Беларусь; порядок введения режима чрезвычайного, военного положения; уголовная ответственность и уголовный процесс, порядок исполнения уголовных наказаний; судостроительство, прокурорский надзор, адвокатура.

Приступая к работе над законопроектом, важно всесторонне оценить необходимость издания закона:

— уяснить, имеется ли в действительности проблема, требующая принятия законодательных решений, и каков при этом должен быть объем правового регулирования;

— определить, является ли правовое регулирование соразмерным преследуемым целям;

— четко уяснить существо предполагаемого правового регулирования и цели, которые имеется в виду достичь изданием нового закона;

— установить место будущего закона в системе законодательства, отрасли, подотрасли законодательства и т. п.;

— обозначить сферу общественных отношений, которая регулируется рассматриваемым законопроектом;

— определить круг правоприменителей и их полномочий по применению норм права, установленных данным законопроектом;

— выявить нормативные правовые акты (НПА), принятые в развитие рассматриваемого законопроекта;

— определить НПА, которые должны и могут быть приняты в развитие законопроекта;

— если требуется принятие именно закона, надо определить содержание его положений, т. е. какие правила поведения (отношения) следует предписать, разрешить или запретить и какие санкции ввести в случае нарушения закона;

— изучить действующие НПА по теме проекта либо решающие близкие по содержанию вопросы;

— ознакомиться с практикой применения действующих НПА;

— проанализировать предложения ученых, результаты опроса общественного мнения и соответствующие статистические данные.

Возможные негативные психолого-социальные или иные последствия (вероятность наступления тех или иных событий) действия будущего закона (отдельных правовых норм) для развития общества и экономики: не прогнозируются финансовые последствия (возможные последствия для государственного бюджета и бюджетов органов управления); последствия для охраны здоровья и безопасности; нездоровый морально-психологический климат и напряженность в обществе; массовое пьянство; растущая безработица; конфликты в обществе; рост преступности, количества лиц, употребляющих наркотики, и т. п.; расслоение либо раскол общества на нищих, бедных и богатых; экологические последствия; рост цен; последствия для устойчивого развития; необоснованное доминирование интересов отдельных социальных групп; ущемление личных и имущественных прав человека; усиление социальной и межнациональной напряженности; падение духовного уровня, недовольство и протест граждан, трудноразрешимые противоречия (социальная раздражительность), массовые настроения (неравенство реальных жизней, ощущение неполноценности), повод для противоправных действий; возникновение клановых, корпоративных ценностей; резкое падение престижа законов, правовая десоциализация общества; распространенность в массовом сознании культа вседозволенности и психического насилия; формирование чувства безнаказанности; утрата морально-нравственных ценностей; макроэкономические последствия; последствия для бизнеса и упрощения взаимоотношений с административными органами; возможны последствия разного характера.

Последствия воздействия законопроекта на уровень жизни людей могут быть прямые (социальные группы — многодетные семьи, безработные, пенсионеры, родители-одиночки и др.) и косвенные.

Планировать нужно не только деятельность по разработке законопроектов, поскольку не всегда сразу очевидно, принятие какого именно акта требуется (закон, постановления правительства, указа президента), его название и т. д. Надо планировать и мероприятия по законопроектной работе: научные исследования и разработки, психолого-правовые эксперименты, психотехнологии, мероприятия по систематизации и совершенствованию действующего законодательства, подготовку концепций законов. В планах законодательной деятельности важно учитывать обязательность принятия НПА, при отсутствии которых закон не может быть реализован.

Планирование, основанное на научном и психологическом подходе, позволит предотвратить принятие законов, регулирующих отношения, не входящие в предмет закона. Планирование сделает эффективной и своевременной работу по упорядочению и «расчистке» законодательства: устранению множественности НПА, ликвидации устаревших или дублирующих друг

друга НПА, систематизации законодательства. С нашей точки зрения представляется оправданным, чтобы планирование принятия законопроектов осуществлялось непосредственно субъектами права (депутатами) на этапе разработки государственных программ и ежегодных планов подготовки законопроектов.

Необходимость совершенствования законодательства требует планирования, психологического прогнозирования и осуществления не только законотворческих задач, но и других, связанных с ними мероприятий. Конечно, реальная жизнь требует от депутата при определенных обстоятельствах высокой оперативности в законотворческом урегулировании возникших проблем. Но это ни в коей мере не означает, что процесс законотворчества протекает стихийно. Он планируется, и этим достигается согласованность в подготовке законопроектов всех субъектов права законодательной инициативы, устраняется дублирование в правовом регулировании. Планирование законотворческой деятельности эффективно, если оно вносит определенный порядок в большой поток законодательных инициатив; определяет приоритетность сфер общественных отношений, требующих создания или обновления правовых регуляторов; упорядочивает взаимоотношения всех ветвей государственной власти в процессе законотворчества; закладывает полезные национальные парламентские традиции.

Для предупреждения издания несогласованных законов большое значение имеют планирование и психологическое прогнозирование законотворческой деятельности, ознакомление широкой общественности с законопроектами и хорошо налаженная информационно-психологическая служба в системе государственных учреждений и общественных организаций. Все это дает возможность приостановить зарождение конфликта или пресечь его в самом начале.

В связи с этим одним из важнейших факторов является тесное взаимодействие законотворчества и психологической науки. Несмотря на принимаемые в этом направлении меры, проблема научного и социопсихологического обеспечения законотворчества еще не решена. У субъектов права недостаточно психолого-правовых и организационных возможностей существенно влиять на планирование исследований в стране и их проведение. Одним из способов решения обозначенной проблемы может стать отражение в новой государственной программе тем научных исследований, непосредственно связанных с наиболее сложными и значимыми законопроектами, подготовка которых будет предусмотрена этой программой. Закрепление конкретных тем, а также научных учреждений, ответственных за их изучение, и сроков предоставления результатов исследований субъектам права явится организационно-правовым механизмом взаимодействия психолого-юридической науки и законотворчества на перспективу.

Надо предвидеть и прогнозировать социально-правовые и психологические последствия принятия

закона, здесь нужны четкие расчеты и достоверная экспериментальная, статистическая и иная информация. Следует возобновить интерес науки к социальной и психологической информации, это позволит наполнить правовые нормы конкретным жизненным и психологическим содержанием, предвидеть риски и возможные социальные отклонения, которые может вызвать принятие того или иного законопроекта.

Таким образом, в целях решения обозначенной проблемы целесообразно: введение института прогнозирования социально-экономических, психологических и иных последствий в отношении проектов закона, регулирующих наиболее важные и комплексные правоотношения. Для оценки подготовленного субъектом права прогноза важно, чтобы действовал и внедрялся поэтапно независимый институт оценки прогнозирования последствий принятия закона, что будет способствовать более тщательному подходу при выборе концепции правового регулирования законотворческой деятельности и конструкции конкретной правовой нормы. Кроме того, без функции психологического прогноза невозможно разработать современную, отвечающую потребностям сегодняшнего дня концепцию законопроекта, подготовить качественный по содержанию и форме проект закона и содействовать его прохождению (обсуждению, согласования, принятию); создать систему мониторинга законотворчества, который будет содействовать целенаправленному планированию законотворческой деятельности и ее координации. Помимо этого она должна выступить важнейшим элементом психолого-правового информирования, определенной функцией «канала обратной связи», содействовать совершенствованию практики применения законодательства и своевременному внесению требуемых изменений и дополнений в законы. Создание системы мониторинга законов будет способствовать формированию новой современной психолого-правовой культуры не только субъектов права, но и государственных служащих, а также всего общества. Изучение ее теоретических положений, несомненно, обогатит знаниями субъектов права (депутатов) и других участников, обеспечивающих различные этапы законотворческого процесса.

¹ Исаков В. Б. Стадии подготовки проекта закона // Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 59–60.

² Исаков В. Б. Приемы юридической техники на начальных стадиях законодательного процесса // Юридическая техника / под ред. Ю. А. Тихомирова. 2007. № 1. С. 172.

³ Баранов В. М. Концепция законопроекта : учеб. пособие. Н. Новгород, 2003. 190 с.

⁴ Синюков В. Н. Исполнение законов: круглый стол / В. Н. Синюков // Советское государство и право. 1991. № 7. С. 11.

⁵ Законотворчество в Канаде / отв. ред. С. В. Кабышев (пер. с англ.). М., 2006. С. 10.

УДК 159.9: 159.94

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕССА ОЦЕНИВАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ГОРНОСПАСАТЕЛЯМИ

С. В. Данилова

На основе эмпирического исследования в статье проводится краткий анализ психологических механизмов оценивания чрезвычайных ситуаций. Обоснованы психологические составляющие процесса оценивания чрезвычайных ситуаций горноспасателями.

Ключевые слова: психологические составляющие, оценивание, чрезвычайные ситуации, горноспасатели, когнитивный, эмоциональный и поведенческий стили личности.

Постоянно усложняющиеся условия современной жизни, научно-технический прогресс позитивно влияют на социальное и экономическое развитие, но в то же время приводят к росту экстремальных и чрезвычайных ситуаций (ЧС), техногенных катастроф, аварий, взрывов, пожаров и т. д. От специалистов, которые направляются в зоны ЧС, требуется умение мгновенно оценить данные ситуации и принять быстрые решения для их ликвидации. Важность изучения психологических особенностей оценивания ЧС специалистами рискоопасных профессий, в частности, специалистами Государственной военизированной горноспасательной службы (ГВГСС), обусловлена спецификой их деятельности. В их задачи входит не только ликвидация ЧС, но и спасение людей.

При изучении особенностей деятельности горноспасателей нужно отметить значимость адекватных выводов при оценивании ЧС, так как их служба протекает в условиях риска для жизни, требующих от спасателей быстрого и правильного реагирования при дефиците как времени, так и информации. Поскольку когнитивные, эмоциональные и поведенческие процессы поиска причинно-следственных связей вызваны необходимостью в понимании явлений, событий, ситуаций и поведения других людей, то индивидуальные стили личности всегда будут адаптивным психическим процессом к природной, социальной среде и к условиям выполнения служебных обязанностей горноспасателей.

Понятие оценки, оценивания рассматривается в работах Н. А. Батурина, А. А. Ивина, Г. П. Выжлецова и понимается как сознательное действие, целью которого является оценка, и это действие человек совершает в процессе своей профессиональной деятельности¹. Суть акта оценки состоит из трех компонентов: 1) отражения предмета оценки — предметом оценки могут быть самые различные объекты и явления, их отдельные свойства или, наоборот, совокупность объектов и явлений и взаимодействия между ними, принятых за целое (ситуации); 2) актуализации, выбора или реконструкции существующего основания, т. е. оценочное основание, которое бывает двух типов: аффективное (формируется в рамках эмоционального способа отражения) и когнитивное (как совокупность образов предметов, упорядоченных за счет субъективных предпочтений);

3) сравнения предмета с основанием, результатом чего и является оценка (точнее, оценка-результат).

Понятия «стиль», «индивидуальный стиль» рассматривались в работах И. В. Выбойщика, И. П. Шкуратовой, Л. И. Габдулина и др. Стиль понимается ими как комплекс со сложными внутренними и внешними связями, который участвует в процессах активной адаптации человека к условиям внешней среды².

И. П. Шкуратова отмечает, что применение именно стиливого подхода при исследовании особенностей личности обладает следующими преимуществами:

1) стилевые характеристики непосредственно связаны с деятельностью и поведением личности. В деятельности стили личности всегда влияют на результат, поэтому прогноз, основанный на знании стиля, является более надежным и точным;

2) стилевые характеристики всегда влияют на поведение человека. Особенно это касается когнитивных стилей, потому что они связаны с обработкой любой поступающей информации. Знание когнитивных стилей позволяет прогнозировать поведение человека в самых разных ситуациях;

3) стили связаны с системообразующей функцией, благодаря которой они оказываются средоточием многих личностных характеристик³.

И. В. Выбойщик разграничил стили на три большие группы. Первая — стили, связанные с приемом и переработкой информации. Они базируются на особенностях интеллекта и входят в метастиль отношений и стиль жизни. Третья группа — это стили организации поведения и деятельности. Они базируются на особенностях мотивационно-регуляторной сферы и входят в метастиль активности и стиль жизни. Стиль оценивания отнесен ко второй группе стилей и занимает промежуточное положение между стилем обработки информации о среде и стилями организации поведения и деятельности⁴.

Простое наблюдение не позволяет получить полную информацию об окружающей среде, поэтому человек склонен выстраивать объяснение и делать интерпретационные выводы⁵. Отражая данную реальность и делая атрибутивные выводы, человек с присущим ему жизненным опытом, под влиянием проекций и переносов, может их исказить, что, в свою очередь, отражается на характеристиках его активности и, как следствие, происходит переоценка диспозиционных и недооценка ситуационных факторов. Нередко данные объяснения являются ложными, неадекватными, в том числе и по причине ограниченности наличной информации и дефицита времени, что также отражается на восприятии событий, происходящих с ним, и на результатах его деятельности.

При изучении психологических особенностей оценки чрезвычайной ситуации (ОЧС) нами были взяты за основу структурные компоненты личности, поэтому следует учесть для дальнейшего анализа, что каждый человек индивидуален и обладает своеобразным комплексом способов осуществления процесса оценивания, который, в свою очередь, входит в общую систему стили-

Рис. Психологические составляющие процесса оценивания чрезвычайной ситуации

вой сферы человека. Стиль отражает, то, как, каким образом и какими способами человек реализует свою активность в любых ситуациях.

Анализ работ, посвященных изучению специфики деятельности специалистов ГВГСС, позволил нам выделить следующие элементы в деятельности горноспасателей, которые, на наш взгляд, активизируют атрибутивные процессы: правильная оценка чрезвычайной ситуации позволяет установить проблему, идентифицировать альтернативы для ее устранения и отобрать наилучший вариант; принять решение в условиях дефицита времени; выработать адекватную стратегию поведения в экстремальной ситуации; определить тип реагирования в чрезвычайной ситуации, так как служебная деятельность горноспасателя предполагает активность личности, направленную на источник опасности с целью ее устранения. Успех при проведении аварийно-спасательных работ зависит от того, насколько эффективно выполняют свои обязанности все члены коллектива, т.е. от слаженности и сработанности или умения работать в коллективе, понимания эмоционального состояния других людей; режима тревожного ожидания сигнала на выезд, т.е. постоянной готовности к «боевым» действиям.

Исходя из изложенного, мы предлагаем следующую схему психологических составляющих процесса оценивания чрезвычайной ситуации горноспасателями (рис.).

Данная схема может быть интерпретирована следующим образом. Объективные особенности чрезвычайной ситуации отражаются на структурных компонентах личности — когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В зависимости от интеллекта, характера, мотивации и опыта взаимодействия с ЧС происходит формирование стилевых особенностей при взаимодействии

с ней. Данные стили упрощают взаимодействие специалиста с ЧС, так как становятся универсальными. В зависимости от особенностей личности горноспасателя вырабатываются индивидуальные стили мышления, атрибутивный и эмоциональный стили, а также стиль совладания и саморегуляции.

Изучение психологических особенностей оценивания ЧС горноспасателями проводилось с помощью следующих психодиагностических методик: шкала оценки трудности и неопределенности ситуации (ОТНС) Н. Е. Водопьяновой; методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана; модифицированный опросник атрибутивного стиля М. Селигмана (адаптация Л. М. Рудиной); методика диагностики индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции ССП-98 «Стилевая саморегуляция» (В. Морсанов и Е. Коноз).

Исследование проводилось на базе Учебно-оперативного центра военизированного горноспасательного отряда в Донецке. Выборка составила 106 специалистов ГВГСС, возраст испытуемых — от 23 до 50 лет.

По результатам исследования выявлена взаимосвязь оценки трудности и неопределенности ЧС и стилей личности. Так, существуют значимые различия в степени угрозы ЧС и возможности ее контроля у лиц с разной выраженностью параметров стиля «импульсивность-рефлексивность». Низкая степень стрессогенности ситуации отмечается в группе испытуемых с рефлексивным стилем, а высокая вероятность угрозы жизни значимо чаще характеризует ЧС в представлениях «медленных» и «импульсивных». Для рефлексивных испытуемых характерна более выраженная возможность контроля за протеканием и условиями ЧС по сравнению с лицами, имеющими другие полюсы стиля «импульсивность-рефлексивность».

Выявлено, что такие параметры атрибутивного стиля, как «время неудач», выражены при низких значениях критериев «возможность контроля» ($r = -0,376$; $p \leq 0,01$); «сложность понимания чрезвычайной ситуации» ($r = -0,315$; $p \leq 0,05$); «время успеха» ($r = -0,318$; $p \leq 0,05$). Ощущение возможности контролировать непредвиденно возникшие события оптимистичные личности объясняют постоянными причинами, указывая на повторяющиеся ситуации, используя категорию «всегда», а спасатели с пессимистичными установками чаще отмечают временные причины, связанные с ситуативными характеристиками личности или ситуации, используя категории «редко» и «иногда».

Такая первичная оценка, как «степень несправедливости и вызова» имеет значимо низкие показатели у спасателей с выраженными результатами по параметрам атрибутивного стиля «время успеха» ($r = -0,272$; $p \leq 0,05$) и «я-успех» ($r = -0,270$; $p \leq 0,05$). Этот факт свидетельствует о том, что испытуемые, у которых временная транспектива характеризуется пессимистичной установкой, считают, что требования, которые им предъявляют условия их профессиональной деятельности, а также энергетические затраты больше, чем вознаграждение.

Существует обратная значимая связь между стилем саморегуляции «программирование» и такими оценочными параметрами, как «степень вызова или несправедливости» ($r = -0,382$; $p \leq 0,05$), а также «степень неконтролируемости ситуации» ($r = -0,459$; $p \leq 0,01$). Она отражает комплекс тех внешних и внутренних условий активности, учет которых сам субъект считает необходимым для успешной исполнительской деятельности. Такая модель несет функцию источника информации, на основании которой субъект осуществляет программирование собственно исполнительских действий, включает информацию о динамике условий в процессе деятельности. При этом вероятность неконтролируемости ЧС значительно снижается. По мнению таких испытуемых, ситуация не причиняет особого вреда, а противо-

речия между затратами и морально-материальным вознаграждением сведены к минимуму.

Вывод. Таким образом, в ходе теоретико-эмпирического исследования психологических составляющих и особенностей оценивания горноспасателями чрезвычайных ситуаций можно отметить, что оценочные осуществляется на основе специальных атрибутов, позволяющих отнести данную ситуацию к тому или иному типу и уровню сложности, опасности и неопределенности. Переработка, оценивание и продуцирование информации горноспасателем осуществляется не произвольно, а по заданным шаблонам его психических процессов, стилевым особенностям личности, которые отображаются в собственной модели взаимодействия с ЧС. Поэтому для анализа психологических составляющих оценивания чрезвычайной ситуации необходимо, с одной стороны, изучение содержательных характеристик деятельности, с другой — учет когнитивных, эмоциональных и поведенческих стилей личности.

Стиль «импульсивность-рефлексивность» выступает детерминантой оценки ЧС как потенциально опасной, оптимистический и пессимистический стили являются факторами адекватного оценивания ЧС, а стилевые особенности саморегуляции состоят в развитии процессов моделирования достижения целей и программирования действий.

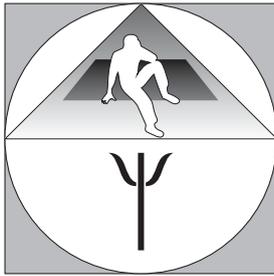
¹ Батулин Н. А. Оценочная функция психики. М., 1997. 306 с.

² См., напр.: *Выбойщик И. В.* Влияние оценочного стиля на адекватность оценивания // Практическая психология. 2003. Ежегодник. Т. VI : мат-лы Региональной науч.-практ. конф. 27–28 марта 2003 г. Екатеринбург, 2003. С. 44–46.

³ *Шкуратова И. П.* Стилиевой подход к исследованию личности: проблемы и перспективы // Индивидуальные и стилевые особенности личности. Ростов н/Д, 2002. С. 29–45.

⁴ *Выбойщик И. В.* Указ соч. С. 45.

⁵ *Янчук В. А.* Консультативно-коррекционная практика: атрибутивная терапия наученной беспомощности // Психология. 2001. № 1. С. 3–21.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

УДК 159,9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОМУ ВЫГОРАНИЮ ЛИЧНОСТИ КАК СИНДРОМУ РАЗВИТИЯ ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССА

Г. С. Човдырова, М. И. Осипова, Т. С. Клименко

Рассматривается эмоциональное выгорание как синдром хронического стресса. Проанализирована психодиагностика личностной структуры полицейских, не склонных к развитию эмоционального выгорания как синдрома хронического стресса.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, синдром хронического стресса, адаптационный синдром, структура личности, мотивация, сотрудники.

При подготовке настоящей статьи было предположено, что развивается хронический стресс у сотрудников органов внутренних дел (ОВД)¹ в виде синдрома выгорания и зависит от структуры свойств личности. Потеря стрессоустойчивости становится причиной развития у сотрудников ОВД различных стрессовых нарушений — истощения адаптационных механизмов, по Г. Селье. Это показано и в наших исследованиях 1998–2008 гг.² Целью данной работы было определить формирование симптомов эмоционального выгорания.

На первом этапе исследования мы с помощью методики «Диагностика эмоционального выгорания» В. В. Бойко выявили уровень сформированности эмоционального выгорания у сотрудников органов внутренних дел (полицейских), работающих и живущих в условиях мегаполиса и имеющих напряженные условия труда и жизни.

Вся выборка была разделена на три группы, по такому критерию, как сформированность фаз, по В. В. Бойко:

В первой группе — синдром полностью сформировался хотя бы в одной из фаз (т.е. итоговое количество баллов в одной из фаз больше или равно 61). Первую группу составили 1,25% сотрудников (эта группа не была исследована из-за малочисленности).

Во второй группе синдром находился в стадии формирования хотя бы в одной из фаз (т.е. итоговое количество баллов в одной из фаз находится в промежутке от 37 до 60 баллов); вторую группу составили 17,5%.

В третьей группе синдром не сформировался (т.е. итоговое количество баллов ни в одной из фаз не

превышает 36 баллов). Третью группу составили 81,25% сотрудников.

Таким образом, мы видим, что самой многочисленной оказалась группа сотрудников с несформировавшимся синдромом хронического стресса и сформировавшимся хотя бы в одной из фаз. А самой малочисленной — группа со сформировавшимися симптомами выгорания, т.е. с синдромом хронического стресса — 1,25%.

Перейдем теперь к анализу проявления личностных факторов этого явления. В данном разделе особый интерес для нас представляли сотрудники, вошедшие во вторую (выгорание на стадии формирования) и третью группы (выгорание не произошло).

С целью выявить личностные факторы, влияющие на возникновение выгорания, были сравнены личностные качества, присущие сотрудникам второй и третьей группы, как наиболее многочисленные. На втором этапе для диагностики этих качеств был использован Калифорнийский психологический опросник: СРІ. Для того чтобы удостовериться в статистически достоверных различиях между результатами второй и третьей групп, были вычислены критерии Стьюдента.

Статистически значимыми оказались показатели разницы следующих шкал СРІ: мотивация лидерства и достижения; организаторские способности, включая самоорганизованность; социальная ответственность, терпимость, дружелюбие, неконфликтность.

Рассмотрим более подробно количественные характеристики выраженности этих свойств по данным шкалам в двух группах. Полученные результаты приводятся соответственно во второй группе — на стадии формирования ЭВ и третьей — без признаков ЭВ) следующие:

1. По шкале «мотивация лидерства и достижения»:

- высокие показатели имели соответственно 42,9 и 63,1% полицейских;
- средние показатели имели 35,7 и 35,7%;
- низкие показатели имели 21,4 и 4,6%;

Оцениваемые факторы: способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальная инициатива.

При высоких показателях испытуемые показали характерные черты личности: агрессивный, самоуве-

ренный, настойчивый, организованный, способный легко и убедительно говорить; независимый и уверенный в своих силах; инициативный и обладающий потенциальными способностями к лидерству.

При низких показателях испытуемые показали характерные черты личности: застенчивый, подавленный, банальный, индифферентный, молчаливый; избегающий ситуаций, связанных с напряжением и принятием решений; утративший уверенность в себе.

2. По шкале «организаторские способности», включая самоорганизованность:

— высокие показатели имели соответственно 7,1 и 54,5% полицейских;

— средние показатели имели 71,4 и 32,3%;

— низкие показатели имели 21,4 и 6,2%;

Оцениваемые показатели: коммуникативные способности, психологический склад ума, дружелюбие, эмпатия, способность заражать и активизировать других, критичность, тактичность, инициативность, требовательность к себе и другим, самообладание, настойчивость.

Высокие показатели имели личности: открытые, предприимчивые, быстро соображающие, полные энтузиазма, с богатым воображением; разговорчивые, обладающие экспрессивной, кипучей натурой.

Низкие показатели. Характерные черты личности: неловкий, тихий, послушный и непритязательный, обособленный и пассивный в своих установках, внушаемый и слишком подверженный влиянию чужих реакций и мнений, осторожный, умеренный, терпеливый, сдержанный и простой, нерешительный, колеблющийся при принятии решений, педантичный и неоригинальный в мыслях и суждениях.

3. По шкале «социальная ответственность»:

— высокие показатели имели соответственно 14,3 и 44,6% полицейских;

— средние показатели имели 21,4 и 49,2%;

— низкие показатели имели 64,3 и 6,2%.

Оцениваемые факторы: оценка зрелости и ответственности, проявляемые в социальных и межличностных отношениях, осознанное следование социальным нормам и выполнение своих обязательств.

Лица с высокими показателями характеризовались как ответственные, надежные, восприимчивые к этическим нормам, обладающие хорошей самодисциплиной. Они серьезно относились к своим обязанностям и обязательствам, были учтивы и добросовестны.

Лица с низкими показателями как импульсивные, легко потакающие своим желаниям, недисциплинированные, беззаботные (беспечные), безразличные к своим обязательствам. Их отличали своеволие и цинизм.

4. По шкале «терпимость, дружелюбие, неконфликтность»:

— высокие показатели имели соответственно 0 и 21,5% полицейских;

— средние показатели имели 42,8 и 60%;

— низкие показатели имели 57,2 и 18,5%.

Оцениваемые факторы: мягкость, доброжелательность, некатегоричность социальных убеждений, отношений и установок.

Высокие показатели. Характерные черты — предприимчивый, неформальный, живой, терпимый, ясно мыслящий и находчивый; интеллектуально развитый и разговорчивый; обладающий широкими и разнообразными интересами.

Лица, имевшие высокие показатели, были относительно свободны от конфликтов и психологических проблем, характеризовались терпимым отношением к чужим убеждениям и ценностям, даже если они отличны и противоположны собственным. Они отличались искренностью, рассудительностью и тактичностью. Им был свойствен реализм ожиданий, интеллигентность и интерес к познавательной деятельности.

Низкие показатели. Характерные черты личности испытуемых: подозрительный, ограниченный, отчужденный, осторожный и скрытный; пассивный и слишком склонный судить других; недоверчивый и сомневающийся в личной и социальной перспективе.

Лица с низкими показателями были, как правило, малотерпимы, недоверчивы, они во всех неприятностях обвиняли окружающих, часто испытывали враждебные и мстительные чувства. Были (при очень низких показателях) склонны к проявлению насилия в межличностных отношениях (вербально и физически), т.е. чаще склонны к гетероагрессивному поведению.

Таким образом, психологические свойства личности, препятствующие развитию СЭВ, способствуют мобилизации адаптационных потенциалов личности без истощения, препятствуя развитию хронического стресса.

Стрессоустойчивость, психологическая адаптивность или отсутствие признаков выгорания у лиц с напряженными условиями труда характерны для личностей со следующими хорошо развитыми психологически, *характерными свойствами личности, предохраняющими от развития ЭВ как синдрома хронического стресса:*

— *мотивированность* — по этой шкале высокие показатели имели 63,1% полицейских третьей группы, где ни в одной из фаз не было сформировано ЭВ. Это были лица с преобладанием просоциальной направленности на достижение общественно значимых результатов, а не на эгоистические цели; агрессивные, самоуверенные, настойчивые, самоорганизованные;

— *организаторские способности* — по данной шкале высокие показатели имели 54,5% полицейских третьей группы;

— *социальная ответственность* — по этой шкале высокие показатели имелись у 44,6% полицейских третьей группы;

— *терпимость, дружелюбие, неконфликтность* — по данной шкале высокие показатели отмечались у 21,5% полицейских третьей группы, во второй группе — не наблюдаются.

Обладатели отмеченных качеств — это личности, охотно вступающие в контакты, любящие находиться среди людей, открытые, амбициозные. Их манера обще-

ния носит активный характер, а не сводится к пассивному сопереживанию; понимающие чувства других, восприимчивые к этическим нормам; оптимистичные, социально предприимчивые; инициативные, с чувством юмора, уверенные в себе, независимые, разносторонние; с хорошими речевыми способностями, обладающие хорошей самодисциплиной; надёжные, серьёзно относящиеся к своим обязанностям и обязательствам, учтивые и добросовестные.

Анализ позволил сделать ряд выводов.

1. Лица второй группы, имевшие более низкие показатели указанных свойств, обладали антиподными характеристиками, легко подвергались развитию невротических качеств и истощению, не могли мобилизоваться и противостоять развитию хронического стресса.

2. При психодиагностике структуры характера психологические тренинги и психокоррекционная работа психологов должна быть направлена на развитие выявленных и других недостающих свойств личности для профилактики синдрома хронического стресса.

3. Психическое или эмоциональное выгорание — это симптомокомплекс признаков развития у личности синдрома хронического стресса. Поэтому употребление выражения эмоциональное выгорание как не строго научного термина допустимо только в рамках рассмотрения признаков синдрома хронического стресса, который имеет несколько стадий развития.

4. Эмоциональное или, вернее, психическое выгорание клинически соответствует фазам или стадиям развития стресса — стадии тревоги, резистенции (адап-

тации) и истощения, по Г. Селье — в физиологическом аспекте и представляет собой общий адаптационный синдром. Синдром психологической защиты, по З. Фрейду, в психологическом аспекте также имеет свои особенности в клинко-поведенческом аспекте.

Таким образом, клинические, физиологические и психологические механизмы развития стрессовых расстройств, в целом клинко-психологические, составляют целостную картину: процесс человеческого реагирования как приспособления на требования социума. Этот процесс, трактуемый как эмоциональное выгорание, у различных личностей может не развиваться, а может развиваться и симптоматически протекать с разными отличительными моментами, в зависимости от структуры личности, от профессиональных сложностей, интенсивности и длительности воздействия стрессогенных факторов и т. д. Эти отличия иногда могут трактоваться как нозологическое различие, но на самом деле это вариации на одну и ту же тему, которая рассматривается специалистами с разных точек зрения (в основном психологи и медики) в разных ракурсах.

¹ Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 1. № 1. С. 90–101.

² Човдырова Г. С. Проблемы повышения психологической стрессоустойчивости личного состава системы МВД России в экстремальных условиях. М., 1998. 156 с.; *Ее же*. Личность в условиях социальной изоляции. Проблемы адаптации и повышения стрессоустойчивости. М., 2000. 288 с.; *Ее же*. Концепция психологической адаптации личного состава МВД России к условиям профессиональной деятельности. М., 2008. 216 с.

УДК 351.74

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ ПЕРЕГОВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД В РАМКАХ СИСТЕМНО-СИТУАТИВНОГО ПОДХОДА

В. В. Вахнина

Рассматриваются проблемы кризисов переговорной деятельности в рамках системно-ситуативного анализа и основные теоретико-методологические положения данного подхода в различных ситуациях переговорного процесса.

Ключевые слова: кризисные ситуации, переговорная деятельность, системно-ситуативный подход, переговорные стратегии, переговорная компетентность.

Деятельностный системно-ситуативный подход (А. Я. Анцупов, М. И. Дьяченко, П. А. Корчемный, В. М. Крук, И. Н. Носс, А. Ю. Федотов, Б. Я. Шведин и др.) выделяют в качестве единицы анализа ситуацию в единстве задачи, условий ее выполнения и субъекта, которая является также единицей анализа поведения, так как поведение полипредметно, отношение к деятельности и задаче может выступать разновыраженной по своей значимости частью. В случае, когда поведенческий

акт фиксируется личностью, он становится поступком и приобретает оценочно-нормативное содержание¹.

Системно-ситуативный анализ деятельности и поведения (ССАДП) — комплексный метод исследования, основанный на формировании банка данных ситуаций профессиональной деятельности и поведения, их психологической интерпретации в целях получения достоверной информации о психологических детерминантах ее эффективности². Использование ССАДП позволяет осуществлять как ретроспективный, так и актуализированный анализ интересующей совокупности ситуаций, формировать банк эмпирических данных о типичных и неординарных ситуациях.

Принцип системности позволяет исследовать явление кризиса переговорной деятельности как систему, несводимую к сумме элементов, обладающую структурой; свойства элемента определяются его местом в структуре. Психологические системы рассматривались как целенаправленные, социально обусловленные, которые в ходе индивидуального развития проходят последовательные этапы усложнения, дифференциации, трансформации своей структуры. Базой психологических систем является совместная (социальная) предметная деятельность, включающая процессы общения.

Системно-ситуативный анализ проявил себя как один из перспективных научных методов эмпирического исследования кризисных ситуаций переговорной деятельности. В качестве единицы системно-ситуативного анализа переговоров используется ситуация, имеющая определенные содержательные и динамические характеристики, временные и пространственные границы. Ситуация — это система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность. В функциональном отношении характеризуется независимостью от соответствующих условий в момент действия. К элементам ситуации могут быть отнесены и состояния самого субъекта в предшествующий момент, если они обуславливают его последующее поведение. Полное описание ситуации подразумевает выделение требований, предъявленных индивиду извне или выработанных им самим, выступающих для него как исходные (проблемная ситуация).

Реализация требований ситуации создает предпосылки ее преобразования или преодоления. Выход за пределы ситуации (активность надситуативная) происходит в той мере, в какой у субъекта — при значимости для него этой ситуации — складываются и начинают реализоваться новые требования к себе, избыточные по отношению к первоначальным. Для успешных действий в разнообразных ситуациях необходима специфическая активность — особая психическая деятельность и поведение, соответствующие специфике ситуации, адекватные ей и проявляющиеся в понимании сотрудником ее особенностей, в принятии решений, отвечающих этим особенностям, в выборе и осуществлении соответствующих действий и приемов³.

Кризисные ситуации переговорной деятельности отличаются новизной событий, требуют мобилизации познавательных способностей, эмоциональной устойчивости и характеризуются существенно меняющимися условиями, при которых может возникнуть опасность невыполнения задачи.

Системно-ситуативный анализ деятельности является технологией изучения конкретных видов деятельности на основе выделения их единицы — ситуации. Его основным методом выступает метод последовательной динамической оценки деятельности. Анализ деятельности осуществляется на основе создания и исследования статистически достаточного банка ситуаций по конкретному виду деятельности. Системный подход к анализу переговорной деятельности может быть осуществлен по единицам, представляющим наименьшую неделимую ее часть сохраняющим свойства всей деятельности. Такой единицей выступает ситуация, представляющая собой диалектическое единство субъекта деятельности, выполняемой им задачи и объективных деятельностных условий.

Системно-ситуативный анализ деятельности осуществляется посредством метода последовательной динамической оценки деятельности (МПДО)⁴. Составными частями метода МПДО являются: «задача» — предполагается определение вида задачи (учебная или реально действующая); «субъект деятельности» — анализи-

руются характеристики, влияющие на деятельность при решении данной задачи в данных условиях.

Выделяются две группы характеристик: социально-демографические (звание, должность, возраст, образование, опыт) и психологические (профессиональная подготовленность; эмоциональная устойчивость; способность принимать нестандартные решения; способность к риску).

«Объективные условия» включают: тип ситуации; сюжет (динамика, последовательность развития событий); время развития ситуации.

«Ситуация, понимаемая в узком смысле слова» — оценка степени ее стандартности; психологические факторы ситуации (опасность, неопределенность, внезапность, новизна);

«Ситуативная деятельность» содержит характеристики переговорной деятельности, ее управленческий уровень (например, деятельность руководителя группы ведения переговоров (ГВП) — лица, принимающего решение, или деятельность руководителя другой функциональной группы или деятельность начальника оперативного штаба); способ вовлеченности в систему внешних воздействий; информационное поле ситуации; схемы ориентировочной основы по данному виду деятельности; операционная структура деятельности; рискованность; ситуационный мотив; психическое состояние.

«Результат» включает: группу непсихологических характеристик (степень выполнения задачи; типология ошибок); группу психологических ошибок — удовлетворенность своими действиями; удовлетворенность действиями подчиненных, коллег.

Профилактика и преодоление кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел предусматривает изучение особенностей кризисов переговорной деятельности в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления, использование новых моделей переговоров и адаптационных возможностей, формирование переговорной компетентности и готовности сотрудников ОВД, что обеспечит эффективное использование методов позитивного разрешения кризисных ситуаций.

Психологическим содержанием кризиса переговорной деятельности является комплекс психических состояний обеих или одной из сторон переговорного процесса, когда субъективно отвергаются все предлагаемые пути разрешения ситуации или в качестве единственного способа ее разрешения рассматриваются насильственные действия.

Система выхода из кризиса вариативна и динамична, в зависимости от характера кризиса, процесса его развития, особенностей его участников и специфики их взаимодействия. Кризис является многоуровневым, особое значение имеют структурно-функциональное строение, иерархия и взаимодействие элементов кризиса.

Системно-ситуативный анализ позволяет всесторонне представить изучаемое явление и его основные элементы, рассматривать кризисную ситуацию переговорной деятельности как систему элементов и элемен-

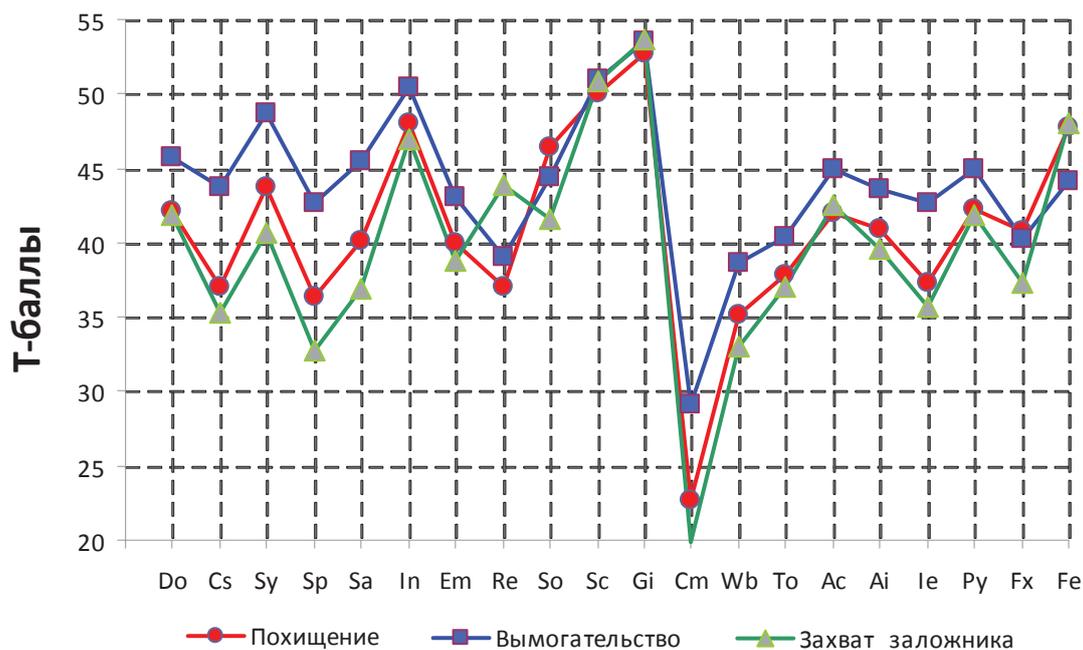

Рис. Усредненные профили CPI (в Т-баллах) в зависимости от группы

ты, составляющие данную систему, с учетом их взаимодействия.

Значительный объем задач в рамках системно-ситуативного подхода решается с помощью ретроспективного анализа: создается «банк» кризисных ситуаций переговорной деятельности, который позволяет, применяя методы математической статистики, выявить ряд зависимостей, тенденций и закономерностей развития кризиса переговоров.

«Ситуация» нами понимается как система объективных обстоятельств, в которых разворачивается деятельность. Кризисные ситуации переговорной деятельности отличаются новизной событий, требующих мобилизации познавательных способностей, эмоциональной устойчивости, и характеризуются существенно меняющимися условиями, при которых может возникнуть опасность невыполнения задачи.

В кризисных ситуациях переговорной деятельности присутствуют затруднения социального взаимодействия: наличие противоречия, межличностная напряженность, готовность противодействовать, в определении стратегии поведения могут доминировать эмоции, происходит мобилизация психических ресурсов личности. Выражены затруднения внутриличностного характера: возможны наличие сомнений, нерешительности; отсутствие оптимального решения проблемы. Острота протекания кризисной ситуации зависит от восприятия значимости события, психологической устойчивости индивида.

Наиболее важная часть ситуативного подхода — выделение переменных, определяющих развитие ситуации. Нецелесообразно отслеживать все переменные, влияющие на развитие ситуации, поскольку влияние многих из них незначительно, но необходимо выделять и отслеживать изменение основных переменных (цель-

условия-субъект), что дает возможность проанализировать ситуацию, предвидеть ожидаемые ее изменения и избежать значительных потерь ресурсов и времени.

Каждая ситуация переговоров с преступником имеет индивидуальные особенности, в том числе психологические. Выявление типизации преступников имеет важное прикладное значение, так как позволяет моделировать ответную реакцию на усилия правоохранительных органов по урегулированию конфликта, формировать комплекс аргументов, действий, стиль, которые позволили бы снизить уровень агрессивности преступного поведения и расширить возможности освобождения заложников.

Анализ различных кризисов переговорной деятельности в практике ОВД позволил нам выделить два основных фактора, формирующие специфику протекания кризиса: особенности личности преступников и переговорной ситуации. По частоте встречаемости в практике ОВД были выделены три группы, характеризующие особенности ситуации и личности преступника: «уголовный», «пограничное состояние» и «социальный протест» (политический/религиозный).

В ходе изучения статистических данных, уголовных дел, особенностей переговорных ситуаций, опроса экспертов нами были выделены три подгруппы ситуаций. В группе «уголовная ситуация» были выделены три подгруппы: «вымогательство», «похищение» и «захват заложников». Выделенные группы получили значимые различия по t-критерию Стьюдента, что свидетельствует о наличии качественных различий между группами (рис.).

Были обозначены характеристики переговорных ситуаций, социо-демографические и психологические особенности личности преступника, что позволило выбрать эффективную стратегию ведения переговоров, оптимальные методы психологического воздействия.

При похищении и вымогательстве определены две наиболее эффективные стратегии: прямое давление \longleftrightarrow обмен предложениями (восприятие рациональных предложений); эмоциональный призыв (дополнительная сенсорная информация) \longleftrightarrow аффективное реагирование (чувства, выполняющие роль психологического воздействия).

Ситуационные переменные в подгруппах (захват, вымогательство, похищение) при осуществлении переговорного процесса позволили выделить наиболее эффективные переговорные стратегии. Нами учитывались: тип инцидента (удерживаются ли заложники; застигнуты ли преступники на месте преступления; вид угрозы (безусловная-наступательная-оборонительная); наличие требований (реальные-нереальные; противоправные-непротивоправные); количество преступников (один-группа); жертвы среди заложников (есть-нет); осуществление инцидента (спланированно-случайно); тупики в переговорах (да-нет); сроки инцидента (время); степень насилия (смерть-травма-угроза взрыва); мотив. Учитывались особенности состояния преступника; сроки выполнения требований (конкретно-неопределенно); психиатрический диагноз (да-нет-неизвестно); наличие судимости; связь с переговорщиком (отсутствует-короткая-длительная); удалось ли убедить преступника (эффективность выбранной стратегии, аргументы). Особенно важны для анализа факторы: время (продолжительность взаимодействия); наличие жертвы под контролем преступника; местонахождение преступника (известно-неизвестно).

Таким образом, психологическое воздействие в процессе общения направлено на согласование позиций участников коммуникаций и преодоление конфликта. Оно может приводить как к децентрации, принятию точки зрения другого человека, так и к частичному или полному несогласию, усугублению противоречий, конфликту, сопротивлению. Важно, используя различные приемы воздействия, перейти от конфликтных отношений к сотрудничеству, найти возможности для достижения договоренностей.

Использование различных психологических приемов воздействия на преступника основывается на знании специалистом-переговорщиком индивидуально-психологических особенностей личности преступника и особенностей кризисной ситуации.

Психологическое состояние лиц, решившихся на захват заложника, складывается из ряда факторов: пренебрежение к действующим правовым нормам, отсутствие страха в момент захвата перед негативными санкциями, уверенность в том, что предпринятые насильственные действия — единственный способ. Соответственно, для выбора оптимальной стратегии поведения при ведении переговоров переговорщику необходимо оценить, в первую очередь, реальность угрозы.

В ходе исследования нами были выделены основные поведенческие стратегии и составляющие их компоненты различных способов реагирования индивида на кризисные ситуации.

Наиболее эффективными и часто встречающимися стратегиями являются «доброта» — поддержка, сочувствие; «равенство» — готовность слушать, задавая вопросы, «назначить внешнего врага»; «заслуживающий доверие» — надежность, авторитет, доверие. Переговорщиком также используются манипулятивные стратегии, в частности достижение поставленных целей путем косвенного психологического воздействия на оппонента, в результате которого он вынужден уступить или действовать в нужном для переговорщика направлении. Психологическое воздействие, нацеленное на неявное изменение направленности активности преступника, и выбранная «переговорная» стратегия — реализация стремления к поиску компромисса, обсуждению проблемы, разрешению противоречия путем уступок (односторонних или обоюдных), а также поиска такого решения, которое устраивает обе стороны, позволяет реализовать установку на совместный поиск решения.

В процессе исследования были выделены и другие стратегии поведения, которые могут меняться в зависимости от развития переговорной деятельности. Чаще дополнительно используются стратегии «рациональное убеждение» и «прямое давление» или агрессивная стратегия, как конфликтный тип поведения, т. е. активное использование угроз, психологического давления, блокирующих действий, морального давления, слабый контроль над эмоциональными проявлениями.

Таким образом, стратегия «доброта» в выделенных подгруппах использовалась в 17% случаев при вымогательстве; 21% при похищении и 32% — захвате заложников. Стратегия «прямое давление» использовалась в 17% случаев при вымогательстве, 16% похищении и 18% — захвате заложников. Стратегия «рациональное убеждение» — в 9% случаях при вымогательстве; 8% — похищении и 9% — захвате заложников.

С целью формирования и развития переговорной компетентности сотрудников ОВД была разработана и апробирована тренинговая психотехнология, направленная на формирование и развитие знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного управления переговорным процессом в различных кризисных ситуациях⁵.

В рамках ситуационного анализа получил широкое распространение так называемый метод сценариев, оказавшийся эффективным инструментом выработки управленческих решений в сложных ситуациях управления современной организацией. В частности, нами была разработана деловая игра «Переговорная деятельность сотрудников органов внутренних дел в ситуации захвата заложников». Данная игра выполнена в формате сайта, используется в процессе работы на полигоне кафедры. Основные цели и задачи игры заключаются в формировании необходимых знаний о психологических механизмах функционирования переговорной деятельности в кризисных ситуациях; в овладении психологическими методами и технологиями ведения переговорного процесса в особых условиях; в развитии личностных качеств, психологического мышления и переговорной компетентности, готовности к нововведени-

ям, творческому подходу в решении вопросов организации переговорного процесса.

Переговоры в кризисных ситуациях — это больше искусство, чем наука. Переговоры динамичны, подвержены неожиданным изменениям. Необходимо осваивать новые методы и быть готовым к выработке тактик ведения переговоров, так как «очередной кризис принесет изменения, и они будут носить мирный характер, если мы обучены. Они могут быть положительными, если мы готовы. Мы можем изменить характер и последствия кризиса, но мы не можем изменить его неизбежность.

УДК 159.942.33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ ПСИХОЛОГА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ОСУЖДЕННЫХ

Д. В. Смоленский

Статья посвящена проблеме качественного распознавания поведенческих реакций осужденных при предъявлении им в процессе психодиагностического обследования вербальных и визуальных стимулов в целях выявления фактов негативного девиантного поведения в прошлом и прогнозирования склонности обследуемого к различного рода противоправным действиям в процессе отбывания наказания.

Ключевые слова: эмоция, негативное девиантное поведение, поведенческая реакция, психолог.

В работе пенитенциарного психолога помимо задач психокоррекционного и профилактического характера стоит задача всестороннего изучения личности осужденных. Согласно Концепции развития УИС РФ до 2020 г. психологическая работа с осужденными предполагает: повышение требований к научному и методическому уровню психодиагностической работы; совершенствование научно-технического обеспечения деятельности психолога; оптимизацию диагностического инструментария психолога и объема психодиагностической работы; внедрение инновационных технологий, адаптацию передового отечественного и зарубежного опыта.

В связи с этим в практической деятельности психолога исправительного учреждения можно выделить следующие проблемные аспекты:

1. Сложность выявления предпосылок к противоправным действиям у осужденных, имеющих стойкую мотивацию сокрытия своей предрасположенности к тем или иным формам негативного девиантного поведения.
2. Несоразмерно большое количество обследуемых относительно штатной численности психологических лабораторий учреждений УИС в условиях дефицита времени.
3. Необходимость дополнения и проверки гипотез, возникающих у психолога при психодиагностическом обследовании осужденного, с целью принять решение о целесообразности постановки на профилактический учет, предоставления права бескон-

¹ Крук В. М. Психология обеспечения личностной надежности специалиста: монография. М., 2012. С.193, 209.

² Крук В. М., Семикин Г. И., Федотов А. Ю. Системно-ситуативный анализ психологического феномена надежности профессионала // Человеческий капитал. 2013. № 9 (57). С. 66, 68.

³ Столяренко А. М. Энциклопедия юридической психологии. М., 2003. С. 360.

⁴ Шведин Б. Я. Человеческий фактор в управлении войсками: проблемы и поиски. М., 1989. С. 23, 26.

⁵ Вахнина В. В. Организация психологического обеспечения переговорного процесса сотрудников органов внутренних дел: монография. М., 2010. С. 117.

войного передвижения, перевода осужденного на участок колонии-поселения или предоставления права на условно-досрочное освобождение.

В связи с перечисленным возникает вопрос о возможности изучения поведенческих реакций с целью оценить достоверность сообщаемой осужденным информации в контексте его невербального поведения.

Актуальность изучения феномена эмоционального реагирования как признака скрываемого факта обусловлена:

- а) доступностью для видеофиксации многих ярко выраженных проявлений эмоционального реагирования;
- б) минимальным наличием результатов исследования по данной теме в научной литературе;
- в) востребованностью результатов исследования в практической работе не только психологами ФСИН, но и многими другими работниками сферы безопасности и правопорядка.

Основная цель данной статьи — обозначить возможность установления склонности к негативному девиантному поведению в исправительном учреждении у осужденного посредством качественного распознавания ярко проявляющихся эмоциональных реакций в ситуации опросной беседы и психодиагностики.

Одной из основных функций психологов исправительного учреждения является диагностика, что предполагает составление качественной и объективной психологической характеристики на основании углубленного, объективного и всестороннего изучения личности осужденного с целью выявления и описания его индивидуальных психологических особенностей.

Диагностическая функция предполагает также определение лиц, требующих постановки на профилактический учет. На профилактический учет ставят 12 различных категорий осужденных, однако в нашей работе акцент сделан на трех конкретных категориях осужденных: осужденные, склонные к употреблению наркотических веществ, психотропных средств, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков; осужденные, склонные к совершению суицида и членовредительства; осужденные, организующие или активно участвующие в азартных играх с целью получить материальную или иную выгоду.

Обращение к опыту отечественных и зарубежных исследователей показывает, что применение стандарт-

зированных традиционных методов изучения личности в условиях изоляции, как правило, еще не гарантирует получение релевантной информации. В условиях изоляции активно действуют механизмы психологической защиты, сопровождающиеся тревожностью и подозрительностью. Осужденные маскируют мотивацию и цели своих действий, активно дистанцируются от психолога или стремятся его дезинформировать. Нередки случаи халатного отношения сотрудников к процессу психодиагностического обследования.

Несмотря на достаточно широкий и разнообразный арсенал средств и методик психодиагностического обследования (в психологических лабораториях УИС установлены компьютерные программы «Psychometric Expert», имеющие в своих базах более 500 опросников, а также различный материал для проведения проективных методик), отмечаются существенные трудности для их практического использования в стенах исправительного учреждения.

Изучение осужденных с учетом поведенческих реакций в ситуации опросной беседы позволит психологу качественно интерпретировать и дополнять результаты психодиагностики, селективировать осужденных по вероятности совершения противоправных действий и проводить соответствующую профилактическую работу. Согласно В. А. Лабунской, структурная схема изучаемого нами невербального поведения включает в себя экстралингвистику, просодику, кинесику, такесику и систему запахов¹.

В соответствии с работами П. Экмана, за основу берутся понятия умолчания и искажения информации, утечки информации, информации о наличии обмана, аспекты выражения лица, боязнь разоблачения, «восторг надувательства», эмблемы, эмблематические оговорки, иллюстраторы, манипуляторы, изменения вегетативной нервной системы, знаки речи, мимические эмблемы и манипуляции, микровыражения, триггеры, эмоции (удивление, страх, отвращение, презрение, гнев, печаль, радость). Примечательно, что Paul Ekman Group LLC разработан ряд продуктов, позволяющих считывать эмоциональные состояния человека: систему кодирования лицевых движений FACS, программы SETT, METT, FACE Suite Combo, наборы фотографий POFA и многое другое. Данные программы позволяют приобрести навыки распознавания микровыражений и слабых выражений эмоций на лице².

Согласно типологии Д. Мориса, учитываются такие понятия: *знаки* (случайные, выразительные, подражательные, схематические, символические, технические, знаки-коды, реликтовые, местные, дирижерские, направляющие, знаки связи); *сигналы* (да/нет, подаваемые взглядом, приветственные, противоречивые, недостаточные, избыточные, изолирующие, автономные, оскорбительные, угрожающие, передозированные, сигналы одежды); *поведение* (аутоконтактное, статусное, территориальное, защитное, подчиненное); *отключение, подготавливающие движения, действия* (замещающие, перенаправляемые, игровые); *отдых* и др.³

Методика изучения поведенческих реакций осужденного, применяемая нами в практической работе, включает в себя следующие этапы:

1. Знакомство с осужденным, установление максимально возможных доверительных отношений, первичный поверхностный сбор общих информативных признаков о человеке и выявление нормы паттернов его поведения, а также особенностей его взаимодействия с окружающими.

2. Письменное психодиагностическое обследование с помощью заполнения опросников.

3. Специально разработанная методика беседы с осужденным с целью выявить различные противоправные поступки в прошлом и, как следствие, вероятность их рецидива в будущем. Главной задачей этого этапа является получение в индивидуальной беседе общих социально-биографических данных, определение по поведенческим реакциям вопросов, требующих углубленного изучения в биографии обследуемого и вероятно недостоверных данных. По возможности, на этом же этапе получают признание от осужденного в случае сокрытия им каких-либо моментов. На данном этапе применяется частичный телесный осмотр с целью выявления шрамов от порезов вен или следов введения наркотических веществ внутривенно. Важно отметить, что перечисленные действия должны проводиться максимально корректно и не подорвать доверия осужденного к психологу.

4. Уточнение вопросов о полноте и правильности заполнения предоставленных опросников и проведение проективных методов изучения личности.

5. Визуальное наблюдение за особенностями поведения осужденного после проведения индивидуальной беседы при возвращении его в группу обследуемых.

6. Работу с документами и информационными источниками по вопросам, требующим углубленного изучения (медицинская карта, личное дело, ПТК АКУС и др.);

7. Составление психологической характеристики на осужденного по результатам обследования.

В целях качественной интерпретации данных, поступающих в ходе проведения опросной беседы, нами использовались видеосъемка и аудиозапись на двух камерах, с захватом разных ракурсов. Согласно УИК РФ администрация вправе применять аудиовизуальные средства, но обязана сообщать осужденным об их использовании, поэтому перед проведением индивидуальной беседы осужденные подписывали уведомление о видеосъемке.

По мнению Ю. В. Чуфаровского, целесообразно выделить два основных способа получения необходимой информации: побуждение обследуемого к произвольным высказываниям о фактах, представляющих интерес для психолога, и к произвольным физиологическим и экспрессивным действиям, которые указывают на содержание соответствующей информации.

Внутри названных способов возможно применение ряда конкретных практических приемов: демонстрация определенных предметов, «оживляющих» в па-

мяти заинтересованного лица соответствующие образы и побуждающих его к произвольным высказываниям и реакциям; использование смежной темы разговора; проявление равнодушия к некоторым вопросам; постановка неожиданного вопроса; создание образа «простака» и др.

В ходе исследования, проведенного с 22 июля 2013 г. по 10 ноября 2013 г., с использованием метода учета поведенческих реакций было обследовано 169 человек.

Из них в анамнезе было выявлено:

— 90 человек имели опыт употребления наркотических веществ (53% от общего числа обследуемых). В данную выборку вошли лишь лица, употреблявшие опиаты, неоднократно употреблявшие каннабиоды либо синтетические наркотики (вещества типа JVN, «скорость», «соль»);

— 29 человек злоупотребляли алкоголем и имели склонность уходить в запой, что составляет 17% от общего числа обследуемых;

— 55 человек имели попытки суицида или демонстративно-шантажного членовредительства (33% от общего числа обследуемых);

— 33 человека в прошлом принимали участие в азартных играх в исправительном учреждении или не исключают такого в будущем (20% от общего числа обследуемых).

Показательным является то, что далеко не каждый обследуемый сразу давал признание о наличии у него в анамнезе тех или иных неблагоприятных моментов. Так, 16 человек вначале заявляли о том, что не имели длительного опыта употребления наркотических веществ (18% от общего числа обследуемых, имевших опыт употребления наркотических веществ); 16 человек отрицали факт аутоагрессивных действий (29% от общего числа лиц, имеющих в прошлом попытки суицида или членовредительства); 19 человек высказывались, что не имеют никакого отношения к игре в карты (58% от общего числа выявленных).

Случаи употребления наркотических веществ и участия в азартных играх в исправительном учреждении были установлены по собственным признаниям осужденных, случаи суицида и членовредительства посредством осмотра рук на наличие шрамов, а также по собственному признанию. Отдельные случаи были выявлены в ходе изучения личного дела.

Если взять среднее значение всех исследуемых фактов искажения или умолчания информации, то можно прийти к выводу, что 35% респондентов, имеющих в своей биографии те или иные неблагоприятные факторы, пытаются ввести в заблуждение специалиста, проводящего психологическую диагностику. Анализ ответов именно этих 35% опрашиваемых и будет в дальнейшем приводиться в качестве описательной базы.

Анализируя достоверно установленные случаи попыток обмана психолога осужденными, можно выделить наиболее ярко проявляющиеся информативные поведенческие признаки. В большинстве случаев психолог сталкивается с реакцией «восторга надувательства»,

сдерживаемой улыбкой или открытой эмоцией радости при постановке конкретного вопроса, взгляд при этом, как правило, направлен на психолога.

Менее распространенными реакциями при постановке вопроса являются всевозможные мимические манипуляции, такие, как сглатывание, облизывание или зажимание губ, всевозможные эмблемы отрицания (в том числе мимические), движения туловищем, изменение дистанции. Замечены также реакции замиранья, сопряженные с видимым увеличением контроля над собственными движениями и эмоциональным проявлением, аутоконтное поведение (адапторы) и реже всего проявлялись эмблематические оговорки. На вербальном уровне ярко выделяются такие реакции, как ухода от ответа, использования кванторов всеобщности, обобщений и проговорок.

Если рассматривать общую линию поведения в ходе беседы, то можно выделить у осужденных мимические манипуляции, движения туловищем и изменение дистанции, а также измененное или затрудненное дыхание.

Интересен также тот факт, что чем серьезнее вопрос и возможные последствия ответа, тем ярче разница между возможными реакциями. Так, признание в возможности участия в азартных играх воспринимается осужденным совсем не так, как признание в аутоагрессивных действиях, влечет за собой разный набор поведенческих реакций. Карты могут вызывать азарт, радость, вопросы же аутоагрессии вызывают более тревожные состояния в процессе собеседования. Соответственно, в попытке скрыть данные факты будут проследиваться различные формы поведения.

В сфере предъявляемых стимулов практика показывает, что совместное сочетание визуальных и вербальных стимулов (колода карт, произведенных в исправительном учреждении кустарным способом, и прямой вопрос о возможности участия в карточной игре) качественно усиливают эмоционально-экспрессивную реакцию и, соответственно, возможность ее интерпретировать.

Необходимо отметить, что открытым остается вопрос о неизвестности числа выявленных обследуемых, учитывая, что в случае невозможности установления подлинного анамнеза сделать выводы о продуктивности использования указанного выше метода не представляется возможным. Не следует также забывать, что существуют факторы, затрудняющие установление истины, и к ним можно отнести следующее: осужденный, возможно, имеет опыт успешного обмана, скрываемой информацией обладает лишь осужденный, и проверка другими способами затруднительна; осужденный обладает высоким уровнем интеллекта и хорошей памятью; осужденный верит в то, что говорит, с момента содеянного прошел большой срок, и связанные с этим воспоминания и эмоции не оказывают должного эффекта и др. Исходя из сказанного, следует полагать, что рассмотренная методика не всегда может показывать эффективность и не гарантирует получения результата, не подвергающегося

сомнению. В то же время она показывает достаточно высокий уровень вероятности и может использоваться в качестве дополнения имеющихся гипотез о перечисленных факторах риска.

Подводя итоги, можно сказать, что в ряде случаев психолог исправительного учреждения не получает от осужденного полноценных данных об имеющихся у него предпосылках к негативному девиантному поведению. При этом у некоторых осужденных отмечена стойкая мотивация к сокрытию данной информации в связи с нежеланием находиться на профилактическом учете учреждении, что снижает вероятность перевода на участок колонии-поселения и предоставления условно-досрочного освобождения. Использование учета поведенческих реакций в ходе психодиагностического обследования и индивидуальной беседы может служить информативным признаком необходимости углубленного изучения затрагиваемого вопроса, что, в свою очередь, может дать последующее признание о скрываемых обстоятельствах.

Выводы

Эмоции и эмоциональные реакции человека неразрывно связаны с субъективным восприятием стимулов и могут информировать о степени причастности человека к ситуациям и соответствующим стимулам.

Использование в процессе психодиагностического обследования интерпретации невербальных компонентов поведения позволяет качественно дополнять данные об осужденном и прогнозировать степень его склонности к тем или иным формам поведения, запрещенным в исправительном учреждении.

¹ Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д, 1999. 608 с.

² URL: <http://www.paulekman.com/product-category/face-training> (дата обращения: 20.11.2013).

³ Моррис Д. Библия языка телодвижений. М., 2011. 672с.

АГЕЕВА Алена Викторовна, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Омского экономического института. E-mail: alyona-ageeva@yandex.ru

АДОЛЬФ Владимир Александрович, доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой педагогики Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. E-mail: adolf@ksru.ru.

БАЕВА Екатерина Владимировна, адъюнкт кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России. E-mail: 19katrin81@gmail.

БОРЕЙКО Лидия Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Уральского юридического института МВД России. E-mail: ugresa@km.ru.

ВАРЛАКОВА Татьяна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омской академии МВД России. E-mail: vvt771@yandex.ru.

ВАХНИНА Виктория Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России. E-mail: vikavahnina@mail.ru.

ГОЛУБИХИНА Юлия Юрьевна заведующий методическим кабинетом кафедры общей психологии, соискатель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: W82@inbox.ru.

ГОНЧАРОВА Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: goncharova_n@bk.ru.

ГУБИН Владимир Алексеевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. E-mail: mrgoobin@yandex.ru.

ДАНИЛОВА Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии, дошкольного и начального обучения Донецкого института социального образования. E-mail: svtlndanilova@km.ru.

ДЕРГИЛЕВА Ольга Сергеевна, аспирант кафедры психологии Московского университета МВД России. E-mail: kravoo@mail.ru.

ЖДАНОВА Ирина Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии Харьковского национального университета внутренних дел. E-mail: zhdanova.irina@gmail.com.

ЕВТИХОВ Олег Владимирович, кандидат психологических наук, доцент; начальник отделения психологического обеспечения Сибирского юридического института ФСКН России. E-mail: evtikhov2003@mail.ru.

ЕГОРОВ Денис Александрович, адъюнкт Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, E-mail: mrgoobin@yandex.ru.

КАРАВАЕВ Федор Федорович, почетный работник общего и специального образования, учитель высшей категории Саянской гимназии №1. E-mail: karavaev@mail.ru.

КИБАК Иван Алексеевич, доцент кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь. E-mail: ivankibak@list.ru.

КИМ Наталья Павловна, доктор педагогических наук, проректор по научной работе и внешним связям Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. E-mail: N-Kim@yandex.ru.

КИШЕНЬКОВ Дмитрий Геннадьевич, адъюнкт кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России. E-mail: kishenkov@gmail.com.

КЛИМЕНКО Тимур Станиславович, кандидат психологических наук, соискатель, Московского университета МВД России. E-mail: dr.Stas 2009@ yandex.ru.

КРАВЦОВА Люся Владимировна, кандидат психологических наук, психолог отдела психологического обеспечения УРЛС Московского университета МВД России. E-mail: kravoo@mail.ru.

КУЗНЕЦОВ Алексей Алексеевич, начальник отделения психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения Белгородского юридического института МВД России. E-mail: kuznecovaa@pochta.ru.

КУЗНЕЦОВА Людмила Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белгородского государственного университета. E-mail: kuznecovaa@pochta.ru.

КОЛЕСНИКОВА Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний. E-mail: nukolesnikowa@rambler.ru.

КОНОПЛИЦКАЯ Оксана Викторовна, психолог, соискатель кафедры психологии Московского университета МВД России. E-mail: konoplytska@gmail.com.

ЛАСТОВЕЦ Игорь Владимирович, соискатель кафедры психологии и педагогики Харьковского национально-го университета внутренних дел. E-mail: igor40515@ukr.net.

ЛЕМИШ Вера Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Омского государственного университета. E-mail: verlem2004@yandex.ru.

ЛОГИНОВ Евгений Александрович, адъюнкт кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России. E-mail: ealuginov@inbox.ru.

МАВРИН Сергей Анатольевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной педагогики и социальной работы Омского государственного педагогического университета. E-mail: social@omgpu.ru.

ОСИПОВА Марина Игоревна, соискатель кафедры юридической психологии Московского университета МВД России. E-mail: maxa_1_@mail.ru.

ПОПОВА Варвара Владимировна, ассистент кафедры теоретической и прикладной психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: varvarapopova@yandex.ru.

СОЛДАТОВА Ирина Федоровна, кандидат психологических наук, начальник отделения психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: sif50@bk.ru.

СОЛОНИЦЫН Дмитрий Александрович, заместитель начальника Омского автобронетанкового инженерного института (филиала) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева Министерства обороны Российской Федерации. E-mail: solonitzin@mail.ru.

СОЛОВЬЕВА Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии Московского университета МВД России. E-mail: scorpioshenkalap@list.ru

СМОЛЕНСКИЙ Дмитрий Викторович, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-8 ГУФСИН России по Новосибирской области. E-mail: dsmolensky@mail.ru.

ТАМБОВЦЕВ Андрей Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры ОРД ОВД Омской академии МВД России. E-mail: bestcopat@mail.ru.

ЧОВДЫРОВА Гульшат Сулейменовна, доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России. E-mail: gulchat1944@yandex.ru.

ШТЕЙН Наталья Григорьевна, соискатель кафедры социологии и психологии факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел, психолог Донецкого областного центра ресоциализации наркозависимой молодежи. E-mail: mydrost-natali@mail.ru.

ШАДРИН Алексей Александрович, адъюнкт Саратовского военного института внутренних войск МВД России. E-mail: Ashadrin@live.ru.

ЯКИМЧУК Богдан Владимирович, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории криминологических исследований государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины. E-mail: vvxx77@mail.ru.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

P. 3. *Golubikhina Yu. Yu., Goncharova N. A.* **Reliability of Extreme Driver's Competency.** The researchers focus on the problem of reliability of police drivers' competency. The emphasis is given to the results of the examination of nervous system mobility and strength criteria, attention attributes and other peculiarities of traffic patrol police drivers.

Key words: reliability of professional competency, failure and rejection, mobility and strength of the nervous system, correlation, performance criteria.

P. 6. *Tambovtsev A. I.* **Peculiarities of UN Missions in African Countries through Peacemakers' Training.** The article presents empirical data and the author's own experience from the perspective of revealing and eradicating or minimizing negative factors' influence on the peacemaker's individuality. The researcher considers it possible to use the acquired knowledge in training and teaching candidates for peacemaking activities.

Key words: peacemaking operation, UN mission, African countries, peacemakers' training.

P. 10. *Kim N. P.* **Professional Training of Penitentiary Officers to Work with Juvenile Convicts.** The researcher explores the tasks of professional training of penitentiary officers to deal with juvenile convicts and requirements for the officers. The article sets forth the pedagogical conditions facilitating the creation of professional readiness of this group of penitentiary officers.

Key words: penitentiary system, penitentiary institution, juvenile convicts, competence-based approach.

P. 12. *Yakimchuk B. V.* **Deception as a Tactical Means in Investigative (Search) Activities Involving Foreigners.** The researcher estimates the methods and means of using deception as a tactical tool in investigation and search involving foreigners. When establishing psychological contact and using psychological influence one can selectively employ deception as a part of a tactical means and in tactical operations and combinations.

Key words: deception, psychological contact, investigative (search) activities, tactics, tactical means, tactical device, psychological influence.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PERSONALITY DEVELOPMENT

P. 15. *Yevtikhov O. V., Adolf V. A.* **Organizational Culture as a Component of Learning Environment at a Law Enforcement Higher Educational Institute.** The authors focus on the content of an organizational culture of law enforcement higher educational institutions as a component of learning environment wherein cadet's personality and professional competency are built. The article presents the results of cadets' and officers' estimate of type and components of organizational culture of a law enforcement higher educational institution.

Key words: organizational culture, learning environment, cadet, professional competency.

P. 20. *Zhdanova I. V., Lastovets I. V.* **Peculiarities of Personality Development of MIA Cadets and Psychological Conditions of its Harmonization.** The article presents the results of the research revealing the peculiarities of cadet's personality development, characteristics connected with cadet's personality harmony and factorizes them. The authors reveal and describe psychological conditions of harmonization of the MIA cadets' personality development: cadets' possession of motivation to harmonic development, subjectness of their personality and its reflexivity.

Key words: personality development, harmonization, motivation, subjectness, reflexivity, MIA cadet.

P. 22. *Solonitsyn D. A., Mavrin S. A.* **The Problem of Developing the Officer's Pedagogical Culture in the Line of Military Service.** The researchers present a brief account of experimental work implementing the model of the officer's pedagogical culture development in the line of his military service. The article defines the structure of the officer's pedagogical culture with general pedagogical, subpedagogical, professional and personality components combined. The authors set up provisions that for comprehensive and complex development of the officer's pedagogical culture it is necessary to activate psychological mechanisms and factors of development of this professionally important personality's quality.

Key words: the officer's pedagogical culture, the model of the officer's pedagogical culture, criteria for development of the officer's pedagogical culture.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROVISION OF EDUCATIONAL PROCESS

P. 25. *Kuznetsov A. A., Kuznetsova L. B.* **Social Psychological Conditions of the Cadet's Social Activeness Development in Professional Training.** The article explains social psychological conditions for development of social activeness of the MIA cadets basing on the results of the empirical research. The researchers outline the fundamental directions of developing the cadets' social activeness during their professional training: development of appropriate personality traits, creation of value-oriented unity of cadets' groups and of conditions for successful person's self-actualization and leadership powers.

Key words: social activeness, synergetic approach, personality attributes, self-actualization, leadership powers, value orientations.

P. 28. *Soldatova I. F.* **Psychological Provision of the Work with Officers and Cadets Requiring the Increased Psychological and Pedagogical Attention.** The article is devoted to the attention paid to Russian MIA learning institutions' cadets (Interior officers) experiencing difficulties in the line of their duties. The researcher suggests the ways of increasing effectiveness of psychological work with this group of the personnel.

Key words: psychological provision, adaptation, increased focus group.

P. 30. *Boreyko L. I., Karavayev A. F.* **Conceptual Basics of the Model of the Graduates' Professional Readiness for Professional Performance.** The author stresses that the system of practical training lacks its significant link – a special subject developing basic skills, precisely, in-house training. The article proves the necessity to include the subject “In-house Training” aiming to lead the cadets into the professional reality through creating fundamentals of professional skillfulness in the line of the educational process at the higher learning institution before on-the-job training.

Key words: model, job description, readiness, training, practical training, graduates.

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

P. 32. *Kishen'kov D. G.* **Criminological Personality Traits of Students Committing Crime.** The article proves the importance of studying the personality of criminal students to define criminological characteristics of criminality among students. The researcher examines personality traits of students committing unlawful acts.

Key words: criminality among students, the criminal's personality, motives to commit crimes.

P. 35. *Loginov Ye. A.* **The Causes of Probation Convicts' Criminal Behaviour.** The article focuses on studying the set of causes conducive to commission of crime by convicts with suspended sentences during the probation period. The aim is to develop preventive measures.

Key words: convicts with suspended sentences, causes of criminal behavior, objective and subjective causes of crime.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EDUCATIVE, LEGAL AND PREVENTIVE WORK

P. 38. *Gubin V. A., Yegorov D. A.* **The Officer's Personal Example as a Pedagogical Condition of Educating Contract-Servicemen of the Russian MIA Inner Troops.** The article sets forth the influence of the officer's personal example on education of the Russian MIA Inner forces contract-servicemen as a pedagogical condition. The researchers examine the notions of “pedagogical condition” and “example” and reveal the officer's psychological and pedagogical characteristics which make him the example to follow.

Key words: the officer's personal example, pedagogical condition, contract-servicemen, imitation, copyism, interiorization, identification.

P. 41. *Shadrin A. A.* **Interpersonal Relations as a Factor of Cadet's Subjective Wellbeing in the Military Professional Socialization.** The article examines interpersonal relations at a military higher learning institution as one of the factors of subjective wellbeing, their connection with emotional wellbeing and social frustrativeness, defines the most significant relations which influence the wellbeing in the process of learning.

Key words: subjective wellbeing, emotional wellbeing, social frustrativeness, socialization, military service.

P. 44. *Ageeva A. V.* **The Russian Family Policy as One of the State's Functions.** The researcher deals with the issues pertaining to family policy implemented by the state. The article describes the questions of establishing and developing family policy and its connection with the social policy of the state. The emphasis is given to the measures taken by the state to support family and the questions of interrelation between family and the state as equal stakeholders of family policy carried out by the state.

Key words: family, family policy, social policy, protection of family.

CORRECTION AND REGULATION OF STATES

P. 47. *Kolesnikova N. Ye., Shipilov A. I.* **Current Problems of Resocialization of Youth Convicts Sentenced to Deprivation of Liberty.** The article sums up traditional international techniques of resocialization. The researchers set up the range of problems and tasks aiming to resocialize youth convicts, which should be tackled by the RF legislation, and suggest their own vision of the problem.

Key words: youth convict, resocialization, resocialization techniques, socialization, reintegration, adaptation after incarceration, a unified conception of resocialization.

P. 50. *Shteyn N. G.* **Spiritual Approach Contribution to the Resocialization of an Addicted Juvenile.** The focus is made on the scientific aspects of resocialization of juvenile delinquents' addicted behavior. The author reveals the essence of spiritual approach to psychological correction of addictions, its advantages and weak points.

Key words: personality, addiction, addicted behavior, spiritual approach, psychological correction, delinquent behavior.

P. 52. *Konoplitskaya O. V. Peculiarities of the Interior Officers' Emotional Attitude to Juvenile Offenders.* The researcher investigates emotional estimate component of the Interior officers' social and psychological settings toward different categories of juvenile delinquents. The analysis given compares the officers' emotions and feelings towards various categories of juvenile offenders.

Key words: social and psychological settings, the setting's emotional estimate component, juvenile offender's personality, officers of the Interior.

P. 55. *Lemish V. V. Young People's Ideas about Elderly and Old People.* The researcher explores the specific features of old and elderly persons' images built by young people who undergo the first stage of professional training. The article proves that these images are slightly differentiated but on the whole the image of an elderly person is more positive than that of an old one. On the basis of the Kelly's repertory grids the author developed estimate scales and used them in the research.

Key words: age, age symbolism, ageing, image of an old man, image of an elderly person.

P. 59. *Kravtsova L. V., Dergileva O. S. Psychological Drug Prevention among Officers.* The article outlines the spread-level of drug-usage as a youth surrogate subculture and the necessity to conduct personal psychological drug prevention among the cadets of the Russian Interior educational institutions and officers of the MIA. The researchers distinguish three main tendencies of the further development of drug-usage problem.

Key words: drug-usage, psychological drug-prevention, youth surrogate subculture, psychoactive substances, drug-prevention programme.

P. 61. *Popova V. V. Coping with Stress while Preparing for the Competitions.* Preparation to martial arts competitions, precisely "Kyokushin kaikan karate", was the basis for examining issues of psychological stress in extreme conditions, coping with it, the influence stress renders to performance, the structure of compensatory connections of sportsmen's tactic technical actions at the competitions as well as various level traits of a combatant's individuality.

Key words: stress, coping behaviour, voice spectrography test, performance in extreme conditions.

P. 64. *Karavayev F. F. Psychological Health and Health-Saving Educational Technologies.* The article presents the definitions of the notions "health" and "health-saving technologies". The researcher examines the aspects of building motivation to lead a healthy life style and underlines axiological, tool-technological and need motivation components.

Key words: self-realization, health-saving environment, health, principles, technologies.

FOR INSTRUCTORS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: THEORY AND PRACTICE

P. 71. *Bayeva Ye. V. Historical Pedagogical Analysis of Rhetoric Development in Russia.* The article is devoted to the history of establishing of rhetoric in Russia as a science since ancient times (the preserved historical documents being the foundation for it) till the 20th century. The author reveals the need for professionally oriented rhetoric training of specialists during the whole period of rhetoric development in Russia.

Key words: rhetoric, rhetorical ideal, teaching rhetoric, "private rhetoric", "general rhetoric", rhetoric competency.

P. 75. *Varlakova T. V. Pedagogical and Psychological Aspects of Teaching Russian as a Foreign Language at the Omsk Academy of the Russian MIA.* The article comprises the experience of teaching Russian as a foreign language. The researcher gives the vision of the teaching process in various aspects, characterizes pedagogical and psychological peculiarities of methodics in spreading knowledge of the Russian language at an international level.

Key words: Russian as a foreign language, communicative, language, speech competency, professional orientation.

PSYCHODIAGNOSTICS AND COGNITION OF PERSONALITY

P. 78. *Solovyeva A. V. The Role of Diagnosing Initial Personality Potentials in Establishing a Positive Image of a Law Enforcement Officer.* The article explains the outlook of establishing the initial personality potentials for creating a positive image of a law enforcement officer. Basing on the experimental research the author analyses the cadets' initial personality potentials.

Key words: image, individual image, social image, initial personality potentials.

P. 81. *Kibak I. A. Social and Psychological Provision of Lawmaking.* The researcher reveals the sociologist's involvement in forecasting the need for the legal regulation of lawmaking. The article outlines the expedience of including the idea of a bill into theory and practice of sociology and psychology of lawmaking. The examples are given where it is reasonable to conduct legal regulation of lawmaking only in the form of a law.

Key words: sociologist, forecast, public opinion, parliament, bill, lawmaking, effectiveness, deputy.

P. 85. *Danilova S. V. Psychological Components of Mountain Rescuers' Estimation of Emergency Cases.* Basing on the empirical research the author briefly summarizes psychological mechanisms of estimating emergency cases. The article explains psychological components of emergency cases' estimation made by mountain rescuers.

Key words: psychological components, estimating, emergency cases, mountain rescuers, cognitive, emotional and behavioural personality styles.

PRACTICAL PSYCHOLOGY: EXPERIENCE AND PROBLEMS

P. 88. *Chovdyrova G. S., Osipova M. I., Klimenko T. S.* **Psychological Attributes Hindering the Person's Emotional Burnout as a Syndrome of Chronical Stress Development.** The researchers investigate emotional burnout as a syndrome of chronical stress. The article explores psychodiagnostics of policemen's personality structures unapt to emotional "burnout" development as a syndrome of chronical stress.

Key words: emotional "burnout", syndrome of chronical stress, adaptation syndrome, personality structure, motivation, officers.

P. 90. *Vakhnina V. V.* **Psychological Peculiarities of Crisis Situations in Law Enforcement Officers' Negotiations within the System-Situational Approach.** The emphasis is given to the problems of crises in negotiating within the system-situational analysis and to the main theoretical and methodological provisions of this approach in different situations of the negotiating process.

Key words: crisis situations, negotiations, system-situational approach, negotiating strategies, negotiation competency.

P. 94. *Smolensky D. V.* **Use of Psychologist's Behavioural Reactions to Reveal Prerequisites for the Convict's Deviant Conduct.** The researcher investigates the problem of effective recognition of convicts' behavioural reactions when showing them verbal and visual stimuli during psychodiagnostics examination. This aims to reveal the facts of negative deviant behavior in the past and forecast the examinee's proclivity to various unlawful acts while being imprisoned.

Key words: emotion, negative deviant behaviour, behavioural reaction, psychologist.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» выходит с периодичностью 4 номера в год. В нем освещаются вопросы морально-психологической, профессиональной подготовки, психодиагностики и познания личности, психологии правонарушающего поведения, коррекции и психорегуляции состояний, аспекты психолого-педагогического обеспечения учебно-воспитательного процесса, проблемы практической психологии. Даются рекомендации практическим психологам, преподавателям вузов, руководителям подразделений и др.

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Электронной библиотеки: www.elibrary.ru; www.iteos.ru

Журнал представлен на веб-сайте академии, размещенном по адресу: <http://omamvd.ru>.

Журнал входит в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Научно-практический журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах»

Подписные индексы: 41979; 41980 (по объединенному каталогу «Пресса России»); 11310 (по каталогу «Почта России»). Возможна также подписка через агентство «Издательский дом „Экономическая газета“», тел.: (499) 152-88-50. E-mail: olivar@ekonomika.ru. Адрес электронной подписки: www.vipishi.ru.

Адрес: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Тел.: (381-2) 75-13-04; 75-04-96; E-mail: karavaevmvd@mail.ru; веб-сайт академии: <http://omamvd.ru>.

Для публикации статьи в журнале авторы представляют в редакцию:

- две рецензии — внешнюю и внутреннюю (для аспирантов и адъюнктов — заключение кафедры);
- УДК, аннотацию, подборку ключевых слов (на русском языке);
- сведения об авторах (Ф. И. О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация, почтовый и электронный адреса, контактные телефоны).

Требования к представляемым материалам

1. Набирать текст через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman, кегль 14.
2. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски) (ГОСТ Р.7.05.2008 «Библиографическая ссылка»).
3. Объем рукописей не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков), включая рисунки, графики и таблицы. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

Вниманию подписчиков!

Для приобретения журнала через редакцию необходимо:

1. Заполнить заявку с указанием Ф. И. О. (полностью), точного почтового адреса (с индексом), количества экземпляров.
2. Оплатить в банке. Банковские реквизиты: ИНН 5507028845. КПП 550701001. ОКТМО 52701000. Получатель: УФК по Омской области (ОМА МВД России л/счет № 04521309190). БИК 045209001. Расчетный счет № 40101810100000010000 ГРКЦ ГУ Банка России по Омской обл. г. Омск. Код платежа: 18811301991010500130. Юридический адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7. Возможна оплата почтовым переводом с пометкой «Психопедагогика...».
3. Выслать заявку и копию платежного поручения, квитанции по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. ОМА МВД России. Редакция журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах», Караваяву Александру Федоровичу. Тел. 3812-75-13-04; 75-04-96.
4. Имеются в продаже выпуски журнала за 2008–2013 гг. Цена одного экземпляра — 150 руб.

Редакция приглашает к сотрудничеству